

Тамара
Пресс

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Тамара Пресс

КНИГА 34-я

**Тамара
Пресс**

ЦЕНА ПОБЕДЫ

**МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977**

7 А2.5
П73

П $\frac{70302-234}{078(02)-77}$ БЗ-34-025-77

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

ВСЕГДА ЛИ МОЛЧАНИЕ ЗОЛОТО!

Книга, которую вы сейчас начнете читать, посвящена спорту, спортивной победе и жизни вне спорта.

Эта книга об Олимпиадах и советской легкоатлетической сборной, участвовавшей в них.

Эта книга о победителях, а значит:

о тренерах,

о взаимоотношениях между тренерами и спортсменами,

о дорогах через все пять континентов,

о стартах, финишах,

о горестях, драмах, боли и напряжении.

Эта книга о самоотверженности,

о беззаботности, трусости и слабости,

о высоком понимании долга перед Родиной и низком, мешающем побеждать тщеславию.

Эта книга о сложнейшей победе спортсменов над своими же слабостями — эта книга обо всем том, из чего складывается настоящая спортивная победа.

Ведь любая победа в спорте, какой бы ценой она ни давалась, потом переживается очень недолго. Только один день. Завтра эта победа — уже вчера. Завтра вчерашние победители начинают восхождение к новым

вершинам мастерства, и, стало быть, самое время забыть о титулах, званиях и регалиях.

Безжалостный, строгий нравственный анализ всего того, из чего складывается победа, по мнению Тамары Пресс, куда ценнее неумеренного оптимизма и благостного славословия. Ведь как нередко мы еще и сегодня исправляем наши спортивные промахи и недочеты лишь по мере того, как они происходят, но не пытаемся искоренить их причин.

Эта книга в основном об олимпийских победах, и в ней отчетливо звучит тема большого, азартного, воистину олимпийского беспокойства перед Олимпийскими играми 1980 года, которые состоятся в Москве.

Советскому спорту на играх XXII Олимпиады нужна будет только ПОБЕДА.

*Памяти Виктора Ильича Алексева —
учителя не только в спорте,
посвящаю*

День расписан поминутно. Каждое утро почти одно и то же:

созвониться,
договориться,
написать справку,
завизировать,
проверить,
увидеться,
доказать начальству,
переделать,
перепечатать,
вызвать на совещание,
согласовать,
вычитать...

И такая «дребедень», как справедливо говорил Корней Иванович Чуковский, каждый день целый день.

Иногда кажется, что работа у меня неблагодарная. Для человека, которому почти сорок лет, бывает порой так обидно, когда расписанная по минутам неделя вдруг ломается только потому, что у кого-то из начальства с утра в понедельник плохое настроение... А сколько раз в дела мои вторгались навязчиво и бестактно?..

И ничего... Приходилось учиться быть работником аппарата. Даже улыбаться.

И это в сорок!

Вчера позвонил на работу один бойкий журналист: «Тамара Натановна, давайте с вами книгу напишем?» — «Пишите», — ответила. «А о чем мне писать?» — это он. «О чем хотите. «Олимпийские чемпионы живут в Москве» — пожалуйста, зеленая улица к Олимпиаде-80... А можно и другое: «...Не только олимпийские чемпионы... живут в Москве»... И развить мысль о том, что каждый седьмой москвич занимается спортом. С руками оторвут в любом издательстве», — это я экспромтом, «в порядке бреда». А он почему-то юмора не чувствует, воодушевился: «Я хочу вам помочь написать воспоминания». Тут уж пришлось откровенно расхохотаться: «Время придет — сама напишу. За напоминание спасибо!»

Признаюсь, я пишу постоянно: своим неразборчивым почерком я писала в детстве стихи. Сейчас — справки и лирические миниатюры. И даже книгу одну написала — об общежитии строителей... Книгу эту издали. Она спросом пользовалась... Лирических зарисовок на двенадцать книг наберется, но я не решаюсь их кому-либо показывать.

Обычно каждый вечер я обязательно записываю впечатления дня... Привычка спортсменки вести дневник помогает не отступать. Зафиксировать мгновение, запечатлеть встречу с интересным человеком. Коротенько, пусть пять строчек, пусть полстранички. Это чтобы позднее не путаться в деталях. Память человека, к сожаленью, не слишком надежна.

Как-то я попала на родную улицу... Двухэтажный кирпичный домик в Самарканде, полуподвал. Духота. Лестница деревянная и скользкая. Когда я ходила по ней, всегда боялась сломать ногу. Вечером садилась лицом к востоку, как это делают мусульмане — я за-

метила их привычку на базаре, — и что-то шептала. Молитву? Нет, мама не учила нас религиозным псалмам. Я просила, чтобы быстрее кончилась война...

* * *

Южная ночь, полная звуков, шорохов. Ирка спала на кровати, а я сторожила ее сон... Ждала маму, молила бога (что было, то было), чтобы мама не споткнулась в крошечной мгле... Дождь опять размыл дорогу, и по круглым камням идти трудно. Я объясняла богу, что помню все камни. Я бегаю по улице днем, а мама ходит по дороге на работу ранним темным утром, а возвращается темным-претемным вечером... Ирка просыпается: «Мама где?» Отвечаю ей: «Работает...» А глаза слипаются. Но спать нельзя, надо открыть маме дверь, я ведь со страху изнутри крючок набросила... Потом стук в форточку: «Доченька, а вот и я». Срываю крючки, гремлю задвижками, распахиваю дверь: «Мама!»

Как видите, все помню отчетливо... Хоть и тридцать пять лет отшумели... Но вот не могу представить те три домика, что сейчас высятся рядом с нашим кирпичным зданием, стояли тогда или нет? Не в них ли жили голубятники?.. Где-то в глубине подсознания, в тяжелом и зыбком тумане осталась улица военного детства... И кое-что стерлось...

А эти встречи, которыми я очень дорожу, они ведь тоже забудутся?

Мысль эта не показалась пустой. Разбирая бумаги, я впервые убедилась в ее реальности — стало не по себе. Решила — буду писать книгу. Сразу книгу? О встречах, беседах. О друзьях-товарищах. О победах и поражениях. Ибо, как справедливо сформулировано: «...но поражение от победы ты сам не должен отличать...»

В книжке, предназначенной для серии «Спорт и личность», я рассказываю не только о больших спортсменах и тренерах. Я пишу о людях, которые в повседневной работе претворяют в жизнь мудрые слова из Программы КПСС: «Физическая культура и спорт должны прочно войти в быт людей», я думаю о тех людях, которые выполняют грандиозную задачу, изложенную в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»: «Развивать на предприятиях и в учреждениях, в учебных заведениях и по месту жительства населения массовую физкультуру и спорт».

* * *

Одна из самых дорогих встреч, которую подарила мне жизнь, — знакомство с Алексеевым...

«АЛЕКСЕЕВ Виктор Ильич (р. 27.8.1914), советский спортсмен, легкоатлет, засл. мастер спорта СССР (1942), засл. тренер СССР (1956). Окончил Высш. школу тренеров при Ин-те им. Лесгафта (1937). Чемпион СССР (1936, 1939, 1940, 1945, 1948) в метании копья. В 1936 — организовал при добровольном спортивном об-ве «Зенит» детскую спорт. школу, бессменным руководителем к-рой является. Среди воспитанников А. мировые рекордсмены и олимпийские чемпионы: Н. Смирницкая, Г. Зыбина, Т. Тышкевич, В. Труснев, Т. и И. Пресс. Награжден орденом Ленина, орденом «Знак Почета» и медалями»*.

Имя Алексева первым из советских легкоатлетов попало в Энциклопедию. На удостоверении заслуженного тренера СССР В. И. Алексева стоит цифра «1».

* Большая Советская Энциклопедия, изд. 3-е, т. 1, с. 415.

И это не случайно — по масштабам своего педагогического таланта Виктора Ильича можно поставить в один ряд с Макаренко, Сухомлинским. Этот человек создал в спортивной педагогике свою школу — коллектив индивидуальностей. Школу личностей, в которой никто ни на кого не был похож.

Когда говорят: «Есть такой ученый» — то, естественно, возникает вопрос: «А что этот человек открыл»? Если сразу назовут открытие, то сомнений нет, речь шла об истинном ученом. Ежели начнут припоминать: «Он занимался тем-то, работал там-то и там-то...» — конечно же, возникнут сомнения... Менделеев. Произносим мы это имя — и сразу вспоминаем периодический закон... Эйнштейн — это теория относительности... Басов и Прохоров — лазеры и мазеры...

Когда говорят «Алексеев», то все почему-то первым делом вспоминают: тренер Смирницкой, Зыбиной, Тышкевич, сестер Пресс, Чижовой, Барышникова... А мне думается, самой великой заслугой Алексеева перед советским спортом является создание им детской школы.

Сын питерского рабочего и сам лекальщик высшей квалификации, Виктор Ильич стал интеллигентом первого колена, просветителем физической культуры. Своё высшее предназначение он видел и видит в том, чтобы нести эту культуру в народ, в семьи, к детям. Мне было семнадцать лет, когда я приехала в его Палестру. Палестра — по-гречески площадка для упражнений. О ней я расскажу позднее, а сейчас вот что хочу подчеркнуть: более демократичного учреждения, чем школа Виктора Ильича, я в своей жизни не видела. Мы были все равны для него — я, только что приехавшая из Самарканда, и великая-превеликая Галина Зыбина, все мы занимались в одном зале, стараясь отвоевать себе «место у стенки». И каждому Алексеев находил нужные слова, изобретал бесчисленные упраж-

нения. Он учил нас не только на словах, назиданием — нет, он учил собственным примером. Тогда-то увлечение физкультурой и спортом входило в жизнь детей и подростков без насилия. Физкультура становилась радостью. Мы чувствовали, что, тренируясь, становимся более сильными, ловкими. Радость — рычаг, который открывал резервные силы организма, обогащал мозг.

Когда-то, больше двадцати лет назад, Виктор Ильич сказал: «Больше половины неуспевающих в школе терпят неудачи из-за плохого состояния здоровья». Слова эти запомнились. Каково же было мое удивление, когда, готовясь к защите диссертации на соискание звания кандидата педагогических наук, я прочитала в заметках члена-корреспондента Академии педагогических наук Украины, Героя Социалистического Труда В. А. Сухомлинского, что он, изучая в течение 20 лет причины неуспеваемости в школе, пришел к выводу, что 85 процентов второгодников теряли год в жизни именно из-за плохого здоровья. Эти выводы были обнародованы в семидесятых годах. А Виктор Ильич пришел к аналогичным обобщениям в пятидесятые годы. Это говорит о его величайшей зоркости, наблюдательности, умении анализировать и не бояться выводов, к которым приходишь в итоге.

Говорят, что Лев Толстой обладал острым зрением и огромной наблюдательностью. Он описал в своих произведениях 85 оттенков выражения глаз и 97 оттенков улыбки. А обращаясь к своим детским воспоминаниям, словно сам удивляясь своей памяти, он признавался: «Странно то, что я, как теперь, вижу все лица дворовых и мог бы нарисовать их со всеми мельчайшими подробностями». Говорят...

В школе Алексеева за сорок лет тренировались 15 011 учеников. И каждого из них Виктор Ильич знал лично, и с каждым из них он разговаривал не только

о спорте. Многим из этих 15 011 спортсменов он помогал решать задачи по физике, математике. Объяснял принцип строения молекул в химических соединениях. Любой из 15 011 учеников и сегодня, спустя десятилетия, с восторгом будет рассказывать вам о гипотезе Виктора Ильича Алексеева в... астроботанике, которой одно время увлекался наш тренер. А его фантастический рассказ о «белом человеке»? Как жаль, что никто из нас, 15 011 его слушателей, не записал этот рассказ! Виктор Ильич всегда импровизировал, никогда не повторялся...

Энциклопедичность знаний Алексеева поражает. В наш век стало модным говорить: «Каждому свое...» Один любит математику, другой — поэзию. Способности одного сажают за чертежную доску, другого — за мольберт. Современный мир с его возрастающим разделением труда требует и все большей специализации. А глубина — всегда самоограничение. Не так ли?

Любимый девиз Алексеева: «Человечество в целом запрограммировано на добывание знаний». Брать, брать и брать... У жизни, у природы, у искусства. У второй природы — науки. Брать у самой малой частицы нашего мира. «Не позволяй душе лениться» — это о каждом из нас написано. Наберешь — и уже есть что дарить. Тогда начинается процесс самоотдачи.

Пристальность Алексеева, его наблюдательность передавались нам, ученикам. В путанице современного бытия мы научились уважать извечные ценности жизни, окружающую красоту. Сколько раз, бывало, Виктор Ильич встряхивал нас: «Не будьте слепы, смотрите: какое это чудо — новый день. Каждую секунду мы живем в неповторимый момент».

Вот с таким человеком я встретила летом 1955 года в Москве. Наше знакомство, которое было оговорено

но письмами, должно было состояться в Ленинграде, но... В жаркий день я опустила монету в московский автомат газированной воды у Никитских ворот и вдруг услышала за спиной басовитую скороговорку:

— Я тебя знаю. Ты Тамара Пресс. А я Алексеев.

Воду я, разумеется, расплескала. Смотрю и не верю: этот коренастый, лысоватый человек и есть знаменитый Алексеев? В жару надел замшевую куртку — зачем? Или кто-то меня разыгрывает?

— Неужели не угадал? — спрашивает незнакомец. — Конечно, угадал. Видишь, как точно описал тебя Бессекерных. Давай знакомиться.

— А я сегодня уезжаю, — только и смогла выдавить.

По дороге на Скатертный, где находится Спорткомитет СССР, мы шли молча. Я не знала, как за пять минут рассказать Виктору Ильичу о своей жизни, о том, что волнует меня, как передать ему мое стремление переехать в Ленинград, чтобы поступить в его школу. Виктор Ильич, видимо, чувствовал мою растерянность. Он сказал:

— Если не удастся в Москве поговорить, встретимся в Ленинграде. Наши пути обязательно пересекутся...

Было это 22 года назад. Наши пути вовсе не пересеклись. Моя маленькая жизненная тропка влилась в магистральную дорогу, по которой уверенно идет по жизни Виктор Ильич. Ему уже больше шестидесяти лет. Другие в его-то годы уже думают об отдыхе, о покое, о садовом участке и чае под развесистой яблоней. А Виктор Ильич? Наверное, это о нем кто-то когда-то сказал: «Такие в тридцать лет седеют, но не стареют в шестьдесят». Не стареют! — настаиваю на восклицательном знаке, потому что помню, как кое-кто спрашивал у меня: «А не устарел ли Алексеев?»

УСТАРЕЛ ЛИ АЛЕКСЕЕВ!

Вот уже больше десяти лет я не тренируюсь у Виктора Ильича, не спешу регулярно в его школу. Даже живу теперь в Москве. Видимся мы редко: иногда я приеду в Ленинград в командировку, а чаще он летит на соревнования через Москву... Но что бы я ни делала в жизни, всегда спрашиваю себя: «А что скажет Алексеев?»

И вот недавно в довольно узком кругу друзей я услышала:

— Конечно, не хочется говорить это при Тамаре, но ее Алексеев устарел... Нет «продукции»... Чемпионы перевелись... Чижова еле-еле за «серебро» уцепилась... Барышников — мировой рекордсмен — «бронзу» привез...

— Алексеев устареть не может, — сказала я, — потому что он — живая душа спорта.

— Но ведь Крачевская уже не раз побеждала Чижову. А Виктор Ильич не в силах что-либо придумать, — первое возражение.

— Неужели стиль толкания ядра, изобретенный им для Барышникова, имеет право на жизнь? Да его никогда международная федерация легкой атлетики не признает, — еще один довод...

А может, и впрямь УСТАРЕЛ АЛЕКСЕЕВ?

Наверное, вопрос этот большинству читателей покажется странным и даже кощунственным, настолько Виктор Ильич Алексеев стал неотъемлемой частью физической культуры всего мира.

Я не говорю здесь о том, что хрестоматийно известно каждому, читающему многомиллионный «Советский спорт»: «воспитатель чемпионов» по-прежнему титанически работает, «великий реформатор», давший нашему физкультурному движению новый закон — закон больших нагрузок, и сейчас исповедует свое учение. Алексе-

ев в истории советской физкультуры занимает одно из первых мест.

«Мы, ученики Виктора Ильича Алексеева — чемпиона и рекордсмена СССР в метании копья, уходя в ряды нашей доблестной армии, выражаем ему свою искреннюю благодарность и вспоминаем годы учебы и тренировок, проведенные под его руководством.

Все мы учились в разных школах, жили в разных районах, но, несмотря на это, по своей личной инициативе Виктор Ильич сумел организовать нас в дружный коллектив и вырастить из нас рекордсменов СССР, четырнадцать раз бивших всесоюзные юношеские рекорды!..

Мы идем в ряды нашей любимой Красной Армии сильными, ловкими, закаленными, смелыми. И в этом большая заслуга Виктора Ильича Алексеева» — так писали на страницах газеты «Красный спорт» первые ученики Алексеева — Н. Агапов, И. Иванов, Г. Лукьянов и Е. Лутковский.

Не все они вернулись с войны. Николай Агапов сгорел в танке, и ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А те, кто остался жив, продолжили дело Алексеева — стали его верными помощниками, заслуженными тренерами страны и тренерами сборной СССР...

Итак, уже в 1941 году школа Алексеева оказалась на переднем крае борьбы...

Год 1947-й... Казалось, Алексей завоевал себе прочное положение и признание. Сам он продолжал выступать на всесоюзной арене и побеждать. А его ученики?.. Прочитую «Комсомольскую правду», которая 30 августа 1947 года писала в статье «Школа Виктора Алексева»: «О результатах этого дня много говорили и продолжают говорить в спортивных обществах, на стадионах и водных станциях Ленинграда. Заслуженный мастер спорта Виктор Ильич Алексеев вывел на ста-

дион воспитанников своей школы. Сюда же были приглашены лучшие спортивные судьи города. В 2 часа дня соревнования начались, и тотчас всем, кто присутствовал на стадионе, стало понятно, что это будут необычные соревнования. Две школьницы — Люба Зайцева и Инга Никитина — взяли старт в беге на 80 метров с барьерами и одновременно пришли к финишу. Их результат — 12,8 секунды — оказался новым все-союзным рекордом для девочек. Боря Матвеев метнул диск на 35 метров 15 сантиметров, Гриша Храбров метнул молот на 45 метров 90 сантиметров, Лида Астафьева бросила гранату на 46 метров 65 сантиметров, Дуся Григорьева метнула копьё на 31 метр 80 сантиметров. Так были установлены восемь новых все-союзных рекордов и двенадцать ленинградских в один день!

Весть об этом по-разному встречена в спортивных кругах Ленинграда: многие радовались успеху Алексеева и его учеников и ожидали новых достижений, но нашлись тренеры, которые отнеслись к этому большому успеху равнодушно или скептически, объясняя его простой случайностью или же тем, что в школе собраны особенно одаренные ребята.

Это, конечно, неправильно. Воспитанники Алексеева не в первый раз устанавливают рекорды. Они их устанавливали и в прошлые годы. Возьмите таблицу детских и юношеских рекордов СССР — вы увидите, что 57 раз улучшались все-союзные рекорды учениками алексеевской школы. Неправильно также объяснять эти успехи тем, что в школе собраны какие-то особенные ученики. Это обыкновенные юноши и девушки, ученики средних школ или ремесленных училищ, молодые рабочие ленинградских заводов и фабрик.

Так в чем же все-таки дело? Почему 48 детских спортивных школ Ленинграда не воспитали за последние годы ни одного советского рекордсмена? Почему

только школа Виктора Алексеева добивается отличных результатов?»

Пока что прерву чтение документа 1947 года, но прошу обратить внимание на фразу: «...нашлись тренеры, которые отнеслись к этому большому успеху равнодушно или скептически, объясняя это простой случайностью...»

«Тренировочный процесс — сборка. В одно целое соединить высокую физическую форму и несокрушимую веру в свои силы, Алексей умеет не только физически подготовить своего ученика к рекордному результату, но и знает, как укрепить его веру в себя, в реальность стоящей перед ним задачи» — так писал журнал «Огонек» в августе 1964 года.

«К своему юбилею (речь шла о пятидесятилетии В. И. Алексеева. — *Т. П.*) он идет уверенным шагом человека, делающего большое и нужное дело. Свой опыт, свои неистощимые знания он щедро передает своим воспитанникам. Мы расскажем о трех чудесах, в которых «виноват» Виктор Ильич.

...В 1952 году Галина Зыбина — гордость Алексеева стала олимпийской чемпионкой в толкании ядра. Долгое время у нее не было соперниц. А потом на мировую арену вышла другая — более молодая и сильная Тамара Пресс. Она подняла рекорд мира на небывалую высоту. Что оставалось Галине Зыбиной? Уйти из спорта, смириться? Нет, в таком случае она не была бы ученицей Алексеева. Она работала. Напряженно и вдумчиво. И сейчас, через двенадцать лет после блестящего дебюта, она сумела установить свой личный рекорд — 17 метров 50 сантиметров, победив сразу и расстояние, и робость, и неуверенность, и себя!

Ирина Пресс, выступая два года назад на первенстве Европы, получила тяжелейшую травму. Целый год мы не видели ее на беговых дорожках, в секторах для прыжков и метаний. И все же Ирина не сдалась.

Вместе с Алексеевым она победила. Ирина повторила мировой рекорд в барьерном беге и добилась фантастического результата в пятиборье.

И последнее... Единственный из советских спринтеров и барьеристов ученик Алексеева Анатолий Михайлов сумел победить американцев!»

«Тамара и Ирина Пресс, Галина Зыбина, Анатолий Михайлов, Владимир Трусенов, Тамара Тышкевич — эти имена стали гордостью не только Виктора Ильича. Они гордость всего спортивного мира» — так накануне Олимпийских игр 1964 года приветствовала нашего учителя «Спортивная жизнь России».

«Мы надеялись на Надю Чижову. Конечно, феноменальный результат Гуммель практически не оставил надежд соперницам немки, но все же Чижова обязана была послать ядро дальше чем на 18,19 метра. Вот тогда бы она могла сказать с чистым сердцем: «Я сделала все, что могла» — так писала в 1968 году газета «Правда» о лучшей ученице Виктора Ильича, с которой вся наша легкая атлетика связывала большие надежды.

В 1968 году ученики Алексеева впервые вернулись с Олимпийских игр без золотой медали. «Тогда со свойственной ему способностью конструктивно мыслить Алексеев поставил перед собой ряд серьезнейших вопросов: «Куда полетит ядро лет этак через 10—15? Вероятно, что-то к 21 метру 50 сантиметрам — 22 метрам! А как будут толкать? За счет чего? Какие произойдут изменения в технике, методике тренировок?» Вопросы, что и говорить, архитрудные. Но их надо было решать, ибо в спорте в наше время лишь тот говорит свое веское слово, кто способен видеть на десятилетия вперед... Через четыре года к Чижовой пришла победа, которую она с полным правом делила со своим тренером, конструктором ее рекордов» — это констатация «Советского спорта», относящаяся к 1972 го-

ду, когда золотая медаль в толкании ядра снова вернулась в школу Алексеева.

А потом был 1973 год. Универсиада, на которой ученик Виктора Ильича — Александр Барышников, толкая ядро в новом стиле, специально для Саши изобретенном неистощимым Алексеевым, занял... третье место. Цитирую комментарий журнала «Физкультура и спорт»: «Новый метод неперспективен, — говорит чемпион Универсиады Валерий Войкин, — круг слишком тесен, чтобы в нем еще и крутиться. Третье место можно было занять, даже толкая ядро с места».

...Участник Олимпиады 1952 года, двукратный призер первенства Европы Отто Янович Григалка — опытный человек, и потому он менее категоричен.

— В исполнении Барышникова и Форста, — говорит он, — новый способ, как мне кажется, не дает заметного преимущества. Смысл любого стиля сводится к приданию ядру максимального ускорения в момент вылета... новый стиль... надо досконально изучить, найти оптимальное решение для выполнения всех деталей, найти и обучить образцовых исполнителей. Но сделать это нелегко, поскольку толкатели ядра тяжеловесны и не очень-то восприимчивы к обучению, требующему тонких мышечных ощущений.

Скептицизм — крупным планом? Да, своих сомнений никто и не пробовал скрывать. И что же? Ровно через год Саша Барышников толкнул снаряд на 21 метр 70 сантиметров, установив рекорд Европы, а еще через два года он стал первым советским рекордсменом мира в толкании ядра — его снаряд пролетел 22 метра. И стиль остался тем же, и исполнитель старый, но Виктор Ильич сумел так капитально подремонтировать все огрехи, что скептики снова ушли в тень.

После чемпионата страны 1976 года, который был генеральной репетицией перед Олимпиадой в Монреале, «Советский спорт» подводил итоги:

«Сразу пятеро богатырей перешагнули рубеж 20 метров! Даже американские атлеты, считающиеся сильнейшими в мире, на своем отборочном турнире не продемонстрировали столь высоких результатов... Словом, на киевском стадионе произошло событие, свидетельствующее о качественном скачке в этом виде программы. Если раньше был один А. Барышников, то теперь на равных с ним спорит Е. Миронов, молодые А. Носенко и А. Ярош... С такими достижениями в Монреале можно рассчитывать на любую из медалей...» И Монреаль доказал, что наши метатели на верном пути. Миронов и Барышников вернулись в Ленинград с серебром и бронзой...

Итак, несколько выдержек из газетной и журнальной хроники последних 35 лет. И везде мы видим на переднем крае Виктора Ильича Алексеева — человека, гражданина, педагога, конструктора-новатора... Ни разу он не отстал от быстро текущего времени, а сколько десятков раз обгонял его, это капризное время!..

Расскажу подробнее, как привел к победе на Олимпийских играх 1964 года мою сестру Ирину наш учитель... В 1962 году Ирина на целый год выбыла из строя — травма не позволяла ей тренироваться. Ирине кое-кто советовал: «Ты уже свое взяла — Олимпиаду в Риме выиграла. Теперь подумай об учебе — поступи в аспирантуру. А спорт будет только отрывать тебя от науки». Ирина наполовину послушалась — она и впрямь поступила в аспирантуру Московского института инженеров железнодорожного транспорта и переехала в Москву. Она оторвалась от Виктора Ильича на... 700 километров.

Виктор Ильич продолжал тренировать Ирину заочно. Телефонные и письменные консультации изредка сменялись встречами. Это был год кропотливого, тщательно продуманного восстановления спортивной формы. Виктор Ильич разработал для Ирины ряд упраж-

нений, установил определенную последовательность занятий, их ритм. И все это должно было излечить поврежденную ногу и поддержать тот минимум спортивной формы, без которого быстро в строй не вернешься.

Я знала и от Алексеева, и от сестры, какую сложнейшую задачу они перед собой поставили: не только подойти к старому мировому рекорду в пятиборье, но и превзойти его. У Ирины главный козырь в пятиборье — бег на 80 метров с барьерами. Она не раз уже добивалась здесь почетных побед и именно в беге стала олимпийской чемпионкой.

Уверенно она себя чувствует и в «гладком беге», и в прыжках, а вот в том виде легкой атлетики, где выступаю я, — в толкании ядра, результаты Ирины не столь высоки. Когда в 1961 году она установила мировой рекорд в пятиборье — 5137 очков, ее ядро пролетело всего 15 метров 26 сантиметров. И вот в тот момент, когда Ирина после долгого перерыва снова собиралась стать в строй, Виктор Ильич и решил изменить ее стиль в толкании ядра. Какой же это требовало смелости, мудрости, настойчивости, творческой дерзости, немислимой концентрации сил! Но, по расчетам Виктора Ильича, именно целенаправленная работа в секторе для толкания ядра должна была помочь Ирине установить новый мировой рекорд в пятиборье. А в толкании ядра сестра рассчитывала преодолеть семнадцатиметровую отметку.

Да, ради такой цели стоило работать фантастически. Виктор Ильич считал, что для начала восхождения Ирине обязательно нужны: 1) внимание: внешнее и внутреннее, 2) доброжелательство, 3) полный мир и спокойствие в самой себе и 4) бесстрашие... Это, естественно, лишь для начала восхождения на Олимп.

И вот они работали, рассчитывая каждое движение. Виктор Ильич беспрестанно изобретал упражнения. Забегая вперед, расскажу, что однажды в Соеди-

ненных Штатах Америки мы смотрели с Виктором Ильичом телевизионную программу. Был объявлен конкурс на изобретение физических упражнений. Виктор Ильич улыбнулся: «Считай, Тамара, что я стал миллионером и выиграл все их призы». В первый раз я услышала, что он хвалит сам себя. С иронией, конечно... А вообще он был прав по существу. За свою жизнь Виктор Ильич изобрел больше миллиона упражнений. Каждую ночь он исписывает до сотни бумажек. Лежит в кровати — изобретет упражнение, ментально запишет. Листочек бросает на пол. Утром вся комната покрыта белоснежным ковром — это сотни упражнений и тестов. Так каждую ночь. Вот уже больше сорока лет.

Ирина тренировалась — и как? — с самозабвением, восторгом. Я чувствовала, что горячая волна, исходящая от нее, захватывает и Алексеева... Ядро падало все дальше и дальше... В Ирине крепла уверенность в своих силах, в правильности избранного пути... Сестра чутко прислушивалась к советам Виктора Ильича. Она вообще чутка особенной чуткостью девочки, выросшей в семье, где не было отца...

Они трудились вдохновенно. Наверное, Алексеев и Ирина рисковали — они первыми постигали мир неизведанных в пятиборье нагрузок. Больная нога могла не выдержать напряжения, и тогда... А мне оставалась лишь пассивная роль наблюдательницы. Это было нелегко — стоять в стороне. Я ведь кое-что понимала в искусстве толкания ядра, но мой стиль Ирине категорически не подходил. Виктор Ильич придумал для нее новый способ толкания.

Каждому было свое особое задание, каждому своя цель. И если весной Ирина весело возилась с ядром как заправская толкательница, то я почти и в руки его не брала. Меня Алексеев заставлял заниматься диском. Почему было отдано предпочтение ди-

ску? Я спрашивала об этом Алексеева, и его ответ не сразу доходил до моего сознания.

— Все, что мы будем делать с диском, будет хорошо и для ядра, — говорил Виктор Ильич.

Как же так? Всю жизнь наша подготовка к выступлениям по этим двум, хотя и родственным, но все же во многом различным снарядам никогда не совмещалась. Но, зная Алексеева, я не стала продолжать расспросы. Понимала: все разъяснится на первых же тренировках с ядром.

И разъяснилось. И на тренировках. И в состязаниях.

Ирина установила рекорд мира в пятиборье, и перед Олимпиадой-64 ее результат в толкании ядра — 17 метров 21 сантиметр — был пятым в мире.

На Олимпийских играх Ирина завоевала золотую медаль в своем коронном виде и заняла шестое место среди толкательниц ядра, принеся в копилку сборной СССР важное очко...

А я в тот год не проиграла ни одного старта ни в толкании ядра, ни в метании диска. Из Токио в школу Алексеева я и Ирина привезли три золотые награды...

Не менее значительной была в 1964 году и бронзовая олимпийская медаль Галины Зыбиной. Меня особенно поразило в Токио не только то, что Алексей сделал для Ирины, но и потрясло мужество, с каким Виктор Ильич занимался с 33-летней Галиной Ивановной. Когда-то Зыбина была законодательницей мод в толкании ядра. Но жизнь стремительно пронеслась мимо нашей первой олимпийской чемпионки. И когда перед Олимпийскими играми 1960 года Галина Ивановна родила сына, многие подумали, что она решила «завязать» со спортом. Обретя вторую молодость, Зыбина вернулась в алексеевскую школу. Она всерьез настроилась на Токио-64.

«Но ведь середина шестидесятых годов — это вовсе не начало пятидесятых, — рассуждала я. — Две-

надцать лет просто так не зачеркнешь... О чем думает Зыбина, если ее бросок не достигает и семнадцати метров? На что она рассчитывает? Поехать туристкой на Японские острова? Но она не из таких — не из наблюдателей, которые могут равнодушно присутствовать при распределении олимпийских медалей... На чем зиждутся расчеты Виктора Ильича, если он решил снова работать с Зыбиной?»

Ответы на свои недоуменные вопросы я получила на весенних соревнованиях 1964 года в Леселидзе. Ядро, пущенное Галиной Зыбиной, пролетело 17 метров 3 сантиметра. Через несколько дней в Минске она уже имела в активе бросок на 17 метров 30 сантиметров. В августе — на чемпионате страны — Зыбина еще на 20 сантиметров улучшает личный рекорд и выходит на третье место в мире.

Вдумайтесь только! 16 лет выступала Галина Иванова, достигла самых почетных вершин и в расцвете сил никогда не могла толкнуть ядро за 17 метров. А вот на финише спортивного пути смогла. Разве не удивительно это негибкое упорство спортсменки, разве не поразительна не знающая усталости творческая изобретательность ее тренера Алексева?

Виктор Ильич в корне изменил технику броска, пользуясь которой Зыбина все эти годы толкала ядро. После долгих расчетов и наблюдений Алексеев нашел ту единственную техническую пружинку, которая помогла ему совершенно по-новому использовать возможности своей ученицы. Алексеев осуществил свое намерение — и тридцатитрехлетняя Зыбина стала сильнее Зыбиной двадцатилетней...

* * *

— Если бы возможно начать жизнь сызнова, я опять бы стал тренером детской школы, — сказал мне как-то Виктор Ильич. — Вот вы представьте, что кому-либо

из исторических личностей пришлось бы прожить жизнь заново. И что же? Пушкин, несмотря на все предупреждения, все равно женится на Гончаровой... Декабристы выйдут на Сенатскую площадь... Мария Волконская уедет в Сибирь, оставив сына, которого уже никогда больше не увидит... Лермонтов в первой своей дуэли выстрелит в воздух... Уж что человеку на роду написано, то и будет. А мне написано одно: «Тренер!» «И — раз, два — подтянулись, три — носочки кверху, четыре — выдох...» Я не мыслю себя в другой профессии.

Есть такое слово — призвание. Оно определяет или должно определять выбор жизненного пути. И тогда самая черновая работа превращается для человека в творчество. Люди, далекие от спорта, не представляют, сколько у тренера этой «черновой работы», будничных забот, сколько крови и пота приходится извести, прежде чем твои идеи дойдут до учеников. В идеале тренер, наверное, должен быть близок человеку эпохи Ренессанса. Этот человек должен быть наделен разными талантами: знать литературу, понимать живопись, чувствовать музыку. Блестяще разбираться в анатомии и физиологии, психологии и психотерапии.

Кроме эрудиции, тренер должен уметь разбудить и забрать воображение учеников, заставить их поверить в свои творческие замыслы.

В авторском предисловии к двухтомнику стихов Евгений Евтушенко отвечает на вопрос: «Какими качествами нужно обладать, чтобы сделаться настоящим поэтом?..»

— Таких качеств, пожалуй, пять.

Первое: надо, чтобы у тебя была совесть, но этого мало, чтобы стать поэтом.

Второе: надо, чтобы у тебя был ум, но этого мало, чтобы стать поэтом.

Третье: надо, чтобы у тебя была смелость, но этого мало, чтобы стать поэтом.

Четвертое: надо любить не только свои стихи, но и чужие, однако и этого мало, чтобы стать поэтом.

Пятое: надо хорошо писать стихи, но если у тебя не будет всех предыдущих качеств, этого тоже мало, чтобы стать поэтом, ибо

Поэта вне народа нет,
Как сына нет без отчей тени.

Переадресуйте слова поэта тренеру в алексеевском понимании этого слова, и вы поймете, какие требования предъявляет Виктор Ильич к своей профессии.

Ну а если бы Алексеев не воспитал ни одного олимпийского чемпиона? Если бы он был просто детский тренер?

Дети всегда проблема. Помните, у Льва Толстого: «От пятилетнего ребенка до меня только один шаг, — писал он. — А от новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние». Писатель зорко заметил то, что потом доказали ученые: огромное значение дошкольного воспитания для формирования личности. Вот характерное свидетельство кандидата медицинских наук, сотрудника Института гигиены детей и подростков Елены Глушковой: половина общего развития умственных способностей человека происходит в течение первых четырех лет жизни, 30 процентов — между четырьмя и восемью годами, а остальные 20 процентов — между восемью и семнадцатью. Представьте только: пять первых лет — и вся жизнь! Памятуя это, поставьте рядом слова «физкультура» и «дети». Чувствуете, какая огромная ответственность ложится на плечи родителей, какое важное значение приобретает открытая Алексеевым формула — «Семья — это первый коллектив физической культуры». Тяга к спорту с каждым годом нарастает в нашей стране. Она может развить, но может и давить неокрепших птенцов. Рядом с ребенком на стадионе должны быть родители — кормчие в разлитом физ-

культурном море, помощники нравственного, интеллектуального и физического взросления детей.

Первые ученики Алексеева уже давно стали дедушками и в прямом, и в переносном смысле слова. Уверовав в систему Алексеева, переняв у него трепетное отношение к детям, они как эстафету понесли наказания Виктора Ильича новому поколению. А уже спортивные внуки Алексеева передали их четвертому поколению. А затем пятому... 40 лет Виктор Ильич учил, воспитывал, тренировал бегунов, прыгунов, метателей. К нему приходили разные мальчишки и девчонки. «Нет хилых, каждый может быть красив и здоров» — таков его девиз. Профессионально изучив анатомию, физиологию человека, труды Павлова, народную медицину, Алексеев создавал из этих наук свою: «Человек и спорт».

Конечно, я не могла присутствовать при первых годах становления алексеевской школы, ибо родилась позднее, но хорошо представляю себе и тридцатые и сороковые годы. Очень много рассказывал мне о тех трудных и радостных днях Василий Кириллович Хомуськов. Этот человек беспредельно предан Виктору Ильичу. Для него слово «Алексеев» словно пароль. Верность мечте, дружбе. А дружба эта родилась почти 30 лет назад, когда тогдашний секретарь Калининского райкома ВЛКСМ Ленинграда Василий Хомуськов, вникнув в суть работы школы Алексеева, убедился, что тренеру-энтузиасту необходима помощь. Василий Кириллович специально ездил в Москву — «выколачивать» ставку для директора школы Алексеева. Но когда персональная ставка была «пробита», Виктор Ильич передал ее своему ученику Лутковскому...

Вообще это по-алексеевски... При своей постоянной загруженности Виктор Ильич никогда не отказывается от выступлений перед аудиторией. Однажды мне позвонили из общества «Знание» и попросили передать Виктору Ильичу, чтобы он пришел за деньгами. Оказывает-

ся, за год скопилась довольно кругленькая сумма, а в декабре кончался финансовый год, и бухгалтеры пропагандистского общества очень волновались: «Куда списать деньги, заработанные Алексеевым?» Сколько раз они ни напоминали директору школы «Зенит»: «Заезжайте, выберите пять минут» — он отнекивался...

Не зная истинных мотивов отказа Алексеева получить гонорар, я сказала ему на тренировке:

— Виктор Ильич, вы забыли... деньги...

Алексеев сделал знак рукой: мол, тренируйся, не отвлекайся...

После занятий я еще раз напомнила:

— Деньги... вы забыли...

Виктор Ильич строго посмотрел на меня:

— Почему ты решила, что забыл?

— Так мне в обществе «Знание» сказали...

— Почему я должен получать деньги за то, что я разговариваю с народом? — спросил Алексеев. — Я подхожу к микрофону, чтобы посоветоваться с людьми, поделиться наболевшим. После каждой лекции ухожу переполненный планами и идеями. И за это я должен получать деньги?

— Но меня просили передать вам, — улыбнулась я. Потом добавила: — Ничего нет зазорного в том, чтобы получить заработанные деньги. Ведь у вас нет крепостных, которые работают на вас с Хильдой Оскарвной?

— Ты не поняла, Тамара, — голос Виктора Ильича был непривычно строгим. Обычно он так не разговаривал. — Вспомни, Владимир Ильич Ленин хоть раз получал гонорар за свои выступления?.. Никогда!.. У меня есть зарплата... Ее хватает, чтобы Хильда Оскарвна и я не нуждались... Все остальные «заработки» не признаю принципиально...

Все же в тот вечер Виктор Ильич не убедил меня. Когда я поделилась своими сомнениями с Василием

Кирилловичем, его лучшим другом, то и Хомуськов не поддержал меня:

— Для Виктора Ильича это совершенно естественный поступок. Я бы удивился, если бы он поехал в бухгалтерию... Ты вспомни всю историю становления школы...

И Хомуськов рассказал мне десятки историй из биографии школы, в которой мне посчастливилось тренироваться.

Как-то давно — почти двадцать пять лет назад — Виктор Ильич вывез учеников своей школы в оздоровительный лагерь. Палатки разбили на Островах. Тренировались, отдыхали, загорали. Настало 27 августа — день рождения Виктора Ильича. Утром ученики устроили торжественную линейку, вручили своему наставнику букет прекрасных роз.

После завтрака Виктор Ильич готовился к занятиям. В комнатку к нему зашел Василий Макарович — знаменитый цветовод. Он тоже принес букет роз...

Василий Макарович остановился изумленный: на столе стояли розы... из его сада.

Виктор Ильич, поймав недоумевающий взгляд цветоведа, сразу сообразил:

— Неужели у тебя срезали, Макарыч!

Цветовод, зная, что в такой радостный день нельзя портить настроение имениннику, пробурчал:

— Розы — они везде розы...

— Но твои-то розы премии завоевывают на конкурсах, — Виктор Ильич решил не отпускать селекционера, пока не узнает правды.

— Мои розы ни с чем не спутаешь! — гордо сказал цветовод.

А раз так, то пристальный взгляд Виктора Ильича моментально установил тождество двух букетов...

Через пять минут горнист протрубил сигнал сбора. На линейке Виктор Ильич сказал:

— Возвращаю вам эти прекрасные розы... Ворованные цветы мне не нужны. Тех, кто срезал розы в саду, прошу оставить мою школу и впредь моими учениками не считаться.

На следующее утро в дверь к Виктору Ильичу снова постучался цветовод.

— Вы не поверите, — сказал он. — Пойдемте со мной...

Они пришли в сад, и Виктор Ильич увидел, что все розы растут там, где им положено.

— Но вы же вчера... — начал Алексеев. — Я понял, что те розы были срезаны в вашем саду... Я ребят своих исключил из школы. Понимаете?

— Отказываюсь понимать, — прошептал Василий Макарович. — Вчера розы были срезаны. Сегодня чуть свет розы на местах... Наваждение какое-то. Вы посмотрите, они же не воткнуты — это самые настоящие кусты.

Алексеев ушел в раздумье. Вечером ему объяснили суть дела:

— Цветы мы действительно срезали. За воровство этот поступок не посчитали... Но когда увидели, как вы расстроились, поняли всю свою бестактность и... Сразу же в ленинградский центр по разведению цветов послали двух находчивых ребят. Сказали им: «Кровь из носа, а чтобы к вечеру привезли десять кустов роз с корнями...»

Примчались парни в Ленинград. Приходят к директору центра, показывают ему розы, а тот улыбается: «От Василия Макаровича приехали?» Ребята разъяснили всю нелепость произошедшего на Островах и попросили десять кустов роз: «За любые деньги... Ради Виктора Ильича». За деньги цветы не дали. Ради Виктора Ильича скрепя сердце выделили...

Ночью ребята, ползая с карманными фонаршками, посадили уникальные розы в те же ямки, из ко-

торых несколько часов назад вырвали их для букета...

В педагогической практике Алексеева это был первый подобный случай. Виктор Ильич долго размышлял над происшедшим и пришел к выводу: сделать вид, что ничего не случилось. А уж Василий Макарович пусть думает, что у него было... наваждение.

На том и порешили.

А второй случай был года через четыре после окончания войны... Ребята поехали в Ольгино. В этом чудесном загородном местечке под Ленинградом Виктор Ильич еще в предвоенные годы любил тренироваться на песчаных дюнах. Здесь алексеевцы оборудовали себе зеленый стадион — бегали, прыгали, метали камешки, копья, диски, играли в алексеевскую лапту, которая, как я позднее убедилась, напоминала американский бейсбол...

Каждая поездка в Ольгино была праздником для алексеевцев. Домой возвращались радостные, загорелые, напившиеся кислорода, надышавшиеся запахом сосен.

Так вот, в тот вечер, идя к станции, увидели, как старик рубил дрова. Один чурбачок за десять ударов раскалывал.

— Виктор Ильич, поможем дедушке? — спросил Борис Матвеев.

— Действуйте! — засмеялся Алексей.

Матвеев сделал ребятам знак: «Ложитесь!», а сам подошел к дровосеку:

— Дедушка, дай попить... Жарища-а...

Старик положил топор и повел Матвеева в избу. Дал ковш воды. Борис пил и смаковал:

— Ну и вода у вас... Я себя снова человеком чувствую...

Старик радостный предложил:

— Пейте, я еще принесу.

А в это время во дворе ученики Алексеева кололи

дрова, складывали их в поленницы. Через полчаса двор был чистым...

Георгий Лукьянов свистнул, Борис Матвеев понял, что хватит переводить воду у старика.

Вышли с дедом на крыльцо — и старик не поверил своим глазам:

— Боже мой, я боялся, что к субботе переколоть не успею, а здесь... Старуха, иди сюда.

Появилась бабушка, закрестилась, запричитала:

— Дед, как же ты осилил?

Старик стоял и крестился...

Ученики Виктора Ильича, спрятавшись за палисадником, сидели, зажав носы и рты, боясь смехом выдать себя.

Борис же Матвеев, стоя на крыльце, спрашивал на полном серьезе:

— Ты чего, дедушка, крестишься? Жара надоела? Дождик призываешь? А вода у вас и впрямь хорошая — в следующее воскресенье зайди попить...

— Пусть дед новые кубометры дров готовит, — засмеялся Лукьянов, — так, глядишь, и в бога начнет верить.

В этом эпизоде как в капле воды проявилось главное в алексеевцах — их заряженность на доброе дело, на хорошие поступки, на человеколюбие...

Когда вы приходите в новый манеж алексеевской школы, то, наверное, вас поразит такая статистика: из этой спортивной школы вышли 46 докторов и кандидатов наук в самых разных областях знаний. Цифра впечатляющая. Но пусть вас еще больше удивит другая цифра — из 15 011 учеников Виктора Ильича ни один не оступился на каменистой дороге жизни.

Когда-то К. Маркс писал: «...У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

Здесь страх не должен подавать совета».

У входа в алексеевскую школу можно выбить те же самые слова: души алексеевцев тверды, щедры и открыты людям...

Василий Кириллович много рассказывал мне про Виктора Ильича. Хомуськов в полном смысле слова переполнен различными фактами и историями. Жаль, что у него не хватает времени записать эти невыдуманные рассказы.

Наш последний разговор с Хомуськовым был в тот день, когда впервые в истории советского спорта ленинградец Александр Барышников установил мировой рекорд в толкании ядра, послав шар на 22 метра.

— Поздравляю вас, Василий Кириллович, с успехом ученика Алексеева, — сказала я.

— И тебя, Тамара! От всей души! Шеф, наверное, счастлив?

Конечно, Виктор Ильич был горд. И дело здесь не только в рекорде. Другое важнее — труд тренера Алексева превратил в искусство. Не рекорды ради рекордов, нет, это никогда не увлекало Виктора Ильича, а забота о нравственном и физическом здоровье ребят. Он воспитывал в нас не только спортивную выправку и мужество, но и человечность, доброту, уважение к окружающему миру. Гармония красоты физической и нравственной — вот что было главной его заботой.

Чтобы 41 год уверенно идти по прямой восходящей дороге, нужно быть одержимым.

«Нет учителя без учеников» — этот неписанный алексеевский лозунг теперь стал крылатым не только в Ленинграде, но и далеко за его пределами. «Учитель, воспитай ученика» — винокуровская строка написана, наверное, о таких подвижниках, как Алексева. Для него проблема «воспитай ученика» всегда имела первостепенное значение. В конечном счете все в его поисках, творчестве, буднях и праздниках неразрывно связано с тем, как он и его первые ученики воспитывают и гото-

вят смену, каковы его взаимоотношения с молодыми — с пятым поколением, о чем и как они спорят, в чем различны, в чем едины.

Эстафета поколений — наиболее легко обнаруживаемый и прослеживаемый процесс развития школы Алексева. Если тренер, создавший определенное научное направление, заботится о том, чтобы его идеи были продолжены, он прежде всего должен подумать о своих учениках.

Проблема «Учитель и ученик» в области физической деятельности человечества стоит так же остро, как и в сферах духовной жизни. Это закономерный путь развития спорта как науки. Поколения старых тренеров сменяются молодыми, которые, перенимая опыт учителей, со временем сами становятся учителями, основателями новых направлений.

Знаменитый советский пианист и педагог Генрих Нейгауз заметил как-то: «Таланты создавать нельзя, но можно создавать культуру: то есть почву, на которой растут и процветают таланты... Чем больше, шире и демократичнее культура, тем чаще появление таланта...» Высказывание это привлекает меня не проблемой таланта, а проблемой почвы, на которой вырастают серьезные молодые кадры.

Мы уже давно привыкли к тому, что в нашей стране существуют школа Станиславского, школа Оборина, школа Иоффе, школа Петровского, школа Сухомлинского; продолжу, цитируя «Комсомольскую правду» за 1974 год, — школа Алексева.

Есть люди, которые думают, что главное в системе алексеевской подготовки учеников — это максимальная передача им комплекса самых разнообразных профессиональных «секретов» для того, чтобы будущий педагог был готов ко всем превратностям судьбы. Такой процесс некоторые даже называют «натаскиванием». Плохое слово... Ведь, как ни велика роль «секре-

тов» Алексеева, их передача никогда не была бездумным и бездушным натаскиванием.

Не только владеть знаниями и «секретами», но любить свою работу безраздельно, отдавать ей все силы, знания, опыт — этого прежде всего требует от своих учеников Виктор Ильич.

Глава спортивной школы, Алексеев заинтересован в том, чтобы его ученики не только переняли идеи учителя, но и обогнали его. Когда Алексеев предлагает какую-то новую идею, он часто говорит ученику: «Я выдвинул предположение — возражай мне и попробуй выдвинуть другое». Он иногда требует беспрекословного подчинения, а случается, заставляет ученика идти не по проторенной дорожке, а искать свой путь... И что любопытно — на финише ученик обязательно признает правильным вариант учителя. Правда, бывало, что и объяснения учеников были более правильными... Так Алексеев воспитывает очень важное качество тренера — самостоятельность мышления.

В одном из своих выступлений в Высшей партийной школе академик Бонифатий Кедров говорил:

— В лекции «О государстве» Ленин выделил именно это качество — умение самостоятельно находить решения. Ленин очень ценил такую способность у марксистов и считал настоящим борцом за коммунизм только того, кто умеет находить ответы на неожиданно возникающие вопросы, опираясь на собственный опыт практической революционной деятельности и на изучение трудов классиков марксизма. Сам Ильич говорил много раз, что он любит советоваться с Марксом, но это не значит, что в работах Маркса он ищет готовый ответ. Мы знаем, что Ленин, применяя марксистский метод, много раз давал новые ответы на новые вопросы, поставленные новой исторической обстановкой. Этому, как и многому другому, у Ильича можно поучиться.

Алексеев учится всю жизнь. «Посоветуемся с Пав-

ловым», «...с Сеченовым», «...с Лесгафтом» — это его любимые выражения. «А что говорил по этому поводу Крестовников?»... «А ведь Гориневский не раз возразил...»

Хотя Виктор Ильич Алексеев имеет высшее физкультурное и педагогическое образование, беру на себя смелость утверждать, что большинство знаний он постиг в процессе самообразования. Еще в 1947 году журналист Карл Непомнящий писал об Алексееве:

«Школу спортсменов Алексеев создал двенадцать лет назад. Тогда он был больше спортсменом, чем тренером».

— После первых занятий я понял, — говорит Алексеев, — что заниматься с детьми намного труднее, чем со взрослыми, что недостаточно для этого быть только хорошим спортсменом. Мне не хватало знаний педагогики, психологии и физиологии. И я начал учиться.

Чем больше он прочитывал научных трудов, чем больше конспектировал и вчитывался в эти труды, тем увереннее вел занятия в школе.

Теперь Алексеев обладает богатым опытом. Он тренер в такой же степени, как и спортсмен. Он выработал свой метод обучения юных спортсменов. Было бы неверно предположить, что этот метод заключается только в общей физической подготовке юношей и девушек. Алексеев все время ищет новые пути, экспериментирует, исследует.

Зимой в гимнастическом зале он занимается с ученицами гимнастикой, акробатикой, балетными упражнениями, с учениками — боксом, поднятием тяжестей. Опыт дает ему право утверждать, что занятия только одним видом спорта портят и даже калечат детей. Весной Алексеев вывозит всю школу за город — в программе занятий кроссы и игры. Тренировки идут на стадионе и в лесу. Ученики бегают по гаревой дорожке. И не только по гаревой дорожке. Алексеев считает очень важным,

чтобы ребята побольше дышали свежим лесным воздухом, и часто проводит тренировки на лесных тропинках...

Но и сейчас в Ленинграде есть еще тренеры, которые придерживаются иных взглядов. «Нельзя переутомлять ребят тренировками, — говорят они. — Это вредно». «Мы не верим, что, став взрослыми, ученики Алексеева смогут добиться успехов в спорте».

«На самом деле ученики не переутомляются. Занятия всеми видами спорта укрепляют их здоровье. Посмотрите на воспитанников Алексеева — это самые крепкие и сильные ребята в Ленинграде...»

Опыт школы Алексеева поучителен во многих отношениях. Не пора ли присмотреться к тому, кто и как руководит детскими спортивными школами в Ленинграде? Городскому комитету по делам физкультуры и спорта надо серьезно задуматься над тем, почему эти школы не воспитали ни одного юного рекордсмена. Не потому ли, что многие тренеры — руководители этих школ отстали, сами не учатся и молодежь нашу обучают по старинке? Надо наконец не на словах, а на деле привлечь к преподаванию в детских спортивных школах лучших спортсменов города».

Эта статья в «Комсомольской правде» очень помогла Виктору Ильичу. Она появилась в радостное для него время, когда его ученики установили 8 рекордов СССР. Но эти же дни стали самыми трудными для Алексеева — ряд знаменитых ученых и педагогов поставил под сомнение правомерность педагогических методов Виктора Ильича, обвинив его в том, что он «уродует детей». Ему хотели запретить работать так, как он считал нужным, ему пытались зажать рот...

Лишь однажды ему дали высказаться. Это было на научной конференции, которой руководил один из известнейших советских физиологов — ученик И. П. Павлова профессор А. Крестовников. Среди тех, кто должен был решить судьбу школы Алексеева, находились вид-

нейшие ученые — профессор-кардиолог Теплов, профессор педагогики Шахвердов. На конференции Алексееву были присвоены ярлыки «самоучка с Выборгской стороны», «истязатель», «сторонник несоветских методов воспитания», «погонщик за рекордами», «натаскиватель», «пре-ступ-ник»...

Алексеев хотел встать и покинуть зал заседаний, а потом прийти в школу и сказать своим ребятам: «Простите и прощайте». Но он представил, как 100 его «галчат» посмотрят на него недоуменно, непонимающе: «И это наш Виктор Ильич сдался?» Алексеев пересилил себя. Он сказал:

— Я буду продолжать работать так, как умею. А если у наших ученых имеется иной метод физического воспитания детей, то я готов их выслушать хоть сейчас и без споров идти по предложенному ими пути.

Профессор Крестовников подвел итоги конференции:

— Наука пока отстает от практики Алексеева. И мы это обязаны признать. Поздравляю Виктора Ильича с победой.

Но даже с мнением ученика академика Павлова в Ленинграде не посчитались. Нападки на школу Алексеева продолжались. И лишь вмешательство «Комсомольской правды» помогло отстоять школу. Алексеев продолжал работать так, как он умел...

Чуть не забыла сказать — Виктор Ильич вел свою школу на общественных началах. Он никогда не получал зарплату за работу с детьми. Виктор Ильич работал на заводе, считался специалистом высшей квалификации, стахановцем. На свои личные деньги он покупал копыя, ядра, диски, медицинболы. Многим ребятам он дарил тренировочные костюмы. Мальчишки брали их, думая, что это подарки горно... А сколько раз Виктор Ильич выручал позднее меня — достаточно сказать, что одной пары тапочек хватало лишь на три тренировки, а папаша Рокфеллера у меня не было. Уви-

дев как-то мои ноги, истертые в кровь, Алексеев на следующую тренировку принес новые полукеды...

Я уже говорила, что после войны, воссоздавая свою школу, Виктор Ильич продал всю свою мебель, чтобы купить спортивный инвентарь. Со своей семьей он переселился в маленькую комнату брата Леонида, погибшего в партизанском отряде, а большую комнату превратил в спортзал. Именно сюда впервые «залетел блокадный цыпленок» Галина Зыбина. Пришла тощая, корявая девочка. Она доверчиво протянула Алексееву свои руки, и он поддержал ее. Он, разумеется, не думал, что его будущая слава как воспитателя чемпионов начнется с этой девочки. Один мой знакомый, человек потрясающей осведомленности, про которого можно сказать, что он «все знает, но все неточно», рассказывал:

— Алексеев — везунчик. Он получил Зыбину на серебряном блюде. Что ему оставалось — только принести ее на этом блюде на Олимпиаду. Что он и сделал...

Как жаль, что многие не видели фотографий Гали Зыбиной — худышки, заморыша с двумя косичками, — которая постучалась в квартиру Алексеева. В душу к нему постучалась...

В Финляндии известный спортивный обозреватель пытал меня:

— Я знаю, сколько мистер Алексеев воспитал чемпионов. Но вы объясните мне: как? Как ему удастся растить вас?

— А сколько все-таки, по вашим подсчетам, воспитал чемпионов мистер Алексеев? — уточнила я.

— Зыбина, Тышкевич, Тамара и Ирина Пресс, Надежда Чижова, — был молниеносный ответ.

— Так вот этих пяти спортсменов никогда бы не узнал мир, если бы через школу Алексеева не прошло 15 011 учеников, если бы они не установили 250 всесоюзных рекордов, если бы они не превысили 48 раз мировые достижения, если бы они не выиграли 28 медалей на

чемпионатах Европы... Сила Алексева в том, что он твердо стоит на почве, десятилетиями распаханной им и его помощниками. Вот вас интересует, как он растит чемпионов... А главная заслуга нашего учителя в том, что он растит сильных, здоровых, порядочных людей... 46 его учеников стали докторами и кандидатами наук... — и далее я пересказала финскому обозревателю некоторые факты из истории алексеевской школы...

Непрерывно я возвращалась к дням блокады — прожив почти десять лет в Ленинграде, я прониклась духом тех героических дней. Да и как было не проникнуться, если на стареньком кладбище на Васильевском острове я видела скромный обелиск с тремя детскими головами. На нем надпись: «Здесь лежат дети, 9 мая 1942 года их жизнь оборвал фашистский снаряд. Люди, берегите мир».

В нашей школе было много тех, кто пережил ленинградскую блокаду. Мучительные 900 дней с особой силой выявили характер и облик города. Они были испытанием на человечность, порядочность и благородство. Враг, конечно, рассчитывал: голодные люди, дойдя до отчаяния, забудут, что они люди. И тогда конец. Но ленинградцы не забыли. Испытывать муки голода и уметь заботиться о других, воочию видеть собственную смерть и побеждать в себе страх смерти, верить в победу, идти к ней — на такое способны поистине великие души. И их оказалось множество.

Именно о втором поколении учеников школы Алексева написал стихи корреспондент «Правды» Юрий Воронов:

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали
И только в сорок пятом —
Паспорта...

Это стихи о Николае Большакове, который ныне работает тренером у Виктора Ильича, о Коле, уже в 13 лет воевавшем в партизанском отряде, закончившем войну в Берлине. Он, парашютист-десантник, казалось, был заживо погребен в подземельях берлинского метро. Его нашли под обломками лишь через две недели после Дня Победы... Это стихи о Юре Щербакове — будущем сильнейшем копьеметателе Советского Союза, а в годы блокады — фрезеровщике, члене группы самозащиты дома № 13 по улице Комсомола... Это стихи о неоднократно упомянутой выше Галине Зыбиной... Это стихи о Борисе Матвееве — будущем чемпионе страны и участнике двух Олимпиад, комсомольце, которому Виктор Ильич поручил организовать детскую спортивную школу в Дзержинском районе...

Это стихи о моих старших товарищах, у которых училась терпению, труду, мужеству... Им вначале выдавали медали «За оборону Ленинграда», а потом вручали паспорта и медали чемпионов СССР...

У меня судьба была иная — мне вначале дали «молоткастый и серпастый советский паспорт», а уже потом я завоевала все свои золотые награды и стала кавалером ордена Ленина...

Как-то незаметно от личности Виктора Ильича я перешла к его первым ученикам. Все они удивительно разные, у каждого за плечами большая и прекрасная жизнь. Они очень, повторяю, разные, но всех их роднит замечательная цельность, то великое подвижничество, которое свойственно большинству из людей, переживших суровое время войны и блокады.

Понял ли финский обозреватель мою мысль: «Школа Алексеева — это прежде всего золотой сплав людей, прошедших нелегкую школу жизни»? Каждому из тренеров школы есть что сказать своим питомцам. И открытые детские сердца поворачиваются к ним. Сколько бы ни спорили о педагогике, сколько бы ни ломали ко-

лий, — какой же в ней самый большой секрет, — многое замыкается на личности Учителя. Детей нельзя обмануть, подманить. Каким-то чудом эти маленькие сердца сразу же разгадывают, где подлинность, а где подделка, мишура. Сколько ее ни прикрывай, она мишурой и останется. И души не заденет. И не унесет с собой юный человек из школы то неоценимо драгоценное, чем может одарить настоящий Учитель. Такой, как Алексеев.

Один из иностранных корреспондентов как-то спросил меня:

— Ваш тренер не всегда может путешествовать с вами по белу свету. Алексеева не было рядом с Пресс в Бразилии и Новой Зеландии. Но вы тем не менее побеждали. И с неплохими результатами. Так нужен ли сейчас, при вашем классе международном, учитель «правописания» Алексеев?

Задумалась. Не потому, что искала ответ. Искала слова, единственно точные. Кажется, нашла:

— Вы знаете, почему я побеждаю? Я не могу представить себе, что в «Последних известиях» по радио скажут: «Тамара Пресс проиграла». Я не имею права доставлять лишних волнений своему учителю Алексееву.

Меня поняли. Поблагодарили за ответ.

Двадцать два года назад Виктор Ильич спросил меня:

— Готова ли ты к ежедневной, ежечасной борьбе? Чтобы руки в кровь от этих железяк? Чтобы тапочки в клочья? Чтобы нервы на пределе, как натянутая струна? Ты готова? Тебя ждут годы борьбы...

— Не знаю, — честно призналась я.

Я не сразу пришла к сознанию, что «в жизни не начинают с больших и решающих сражений»...

Заряженный на рядовую работу, конструктор рекордов, инженер человеческих душ, Виктор Ильич имел зо-

лотой ключик к каждому из 15 011 сердец, доверившихся ему. Поговорит с кем-то из нас, отойдет — и обязательно что-то запишет в блокнотик. Записная книжка всегда при нем, ибо он постоянно фиксирует свои обгоняющие друг друга мысли, стреноживает идеи буквенными начертаниями и условными значками, не позволяет им, кочевым, ускользнуть, не оставив следа.

Весь облик Виктора Ильича перед глазами так явственно, как будто я еще продолжаю каждый день видеться с ним. Необыкновенное в своей строгой одухотворенности и одновременно яркое, выразительное лицо. Тревожно сосредоточенные глаза, в которых воля и отблеск скрытого, никогда не угасающего мятежного огня. Величавой простоты осанка. Благородно-сдержанные, а иногда импульсивные и незавершенные, как-то на полпути остановленные движения. Всегда неожиданный искренний и нетерпеливый басовитый голос.

Личность Алексеева не вмещается ни в какие рамки. Величайшая, раскаленная любовь. Человечность с большой буквы. Внутренняя правда и чистота. Поразительная спортивная интуиция, творческий дар, постоянно самоуглубляющийся сознательной, интенсивной работой. Тончайшая культура интеллекта, чисто русская в своей основе. Психологическая сложность, конфликтность его бытия и вместе с тем простота и мудрость внутренних устоев.

«Устарел ли Алексеев?» — мне смешно, когда я слышу этот дикий вопрос. Как он может устареть, если он и сегодня опережает лучших тренеров мира на несколько лет? Как он может устареть, если живет в нем могучая и упоительная стихия, непостижимая и творящая чудеса, проявляющаяся порой неожиданно? Складывается впечатление, что он сам словно «не виноват» в этой клокущей в нем силе, иногда даже удивлен ее проявлениями. Иногда он одаряет нас своими безграничными идея-

ми, внушает такую магическую власть, что рядом с ним становится как-то не по себе...

...И все же он живой человек. Со всеми слабостями, присущими людям... Я говорю, как впервые заметила его со складным стульчиком в руках... Я рыдала навзрыд, когда мне позвонили из Ленинграда: «У Виктора Ильича... сердце... понимаешь?» Я понимала: он, все пропускающий через свое сердце, в шестьдесят лет особенно остро ощутил собственный «мотор» и убедился, что работает он с перебоями... Вот когда они сказали — и конфликт Зыбина — Пресс 1958 года, о котором я расскажу чуть позднее, и поражение Чижовой 1968 года, и заметка в «Советском спорте», посвященная шестому дню Олимпиады в Мюнхене: «Ученица В. И. Алексева Н. Маракина очень нервничала, и броски ее были неудачны, и с результатом 51 метр 6 сантиметров она выбыла из состязаний»; и констатация нашей ведущей спортивной газеты итогов чемпионата СССР 1973 года: «Чижова, лидируя в соревнованиях по толканию ядра, закончила выступать в финале с результатом 19 м 41 см. Но вслед за ней имела еще одну попытку Светлана Долженко из команды Молдавии. Этой попыткой Долженко воспользовалась отлично. Она толкнула ядро на 19 м 48 см и отняла у Чижовой звание чемпионки страны»; и сменяющие друг друга информации о том, что мировой рекорд Н. Чижовой побила то чехословацкая толкательница Х. Фибингерова, то спортсменка из ГДР М. Адам, то болгарка И. Христова, которая в свое время еще состязалась с Тamarой Пресс...

Спорт есть спорт. И если бы у учеников Алексева были лишь одни победы, то, наверное, спорт нужно было бы закрыть, а оставить лишь «Спортландию Виктора Ильича». Алексеев всегда учил своих питомцев: оставайтесь творцами. И в серьезнейших международных матчах, и в проходных поединках с аутсайдерами. Главное для спортсмена — предельная собранность, самодисциплина

лина, добросовестность, мужество. Спортсмен обязан сделать все, чтобы быть первым. А иначе, отступив раз, позволив себе быть чуть менее собранным, в конечном итоге отступишь от самого главного — от искусства побеждать и зажигать других.

Когда в 1964 году на чемпионате страны в Киеве Ирина Пресс толкала ядро и установила мировой рекорд в пятиборье, Виктор Ильич сказал мне:

— Ведь это вся моя юность победила! Вся жизнь. Мои ушедшие годы! Все, что я умел и чего не смог сделать сам, я вложил в эту девушку. Всего себя. Пони-маешь? Кажется, у меня больше ничего не осталось...

Но двенадцать лет, прошедшие с того дня, доказали: осталось. И талант! И пылливый, изобретательный ум! И щедрость! И буйство идей!

Трудно выбрать сейчас какой-либо из того множества поистине драгоценных дней, которые я провела вблизи этого несравненного, большой души и феноменального дара человека и педагога.

Эти строчки я пишу вечером после работы. Сегодня ко мне в кабинет зашел Виктор Ильич. Он приехал из Подольска, где тренировал перед Олимпиадой Надю Чижову и Сашу Барышникова. Он обратился с просьбой: «Помогай, Тамара, это по твоей епархии...» И посыпались десятки вопросов. Нет, не вопросов — настоящих проблем. Планы опять опережают имеющиеся возможности его школы.

После встречи у меня осталось двойственное впечатление. С одной стороны, было приятно, что я могла помочь своему учителю. Но, с другой стороны, поймите меня правильно, ведь не поедет же знаменитый академик, директор института, глава научной школы... выбивать в министерстве пробирки, колбы, дюары и мерные стаканы... Наверное, не поедет?.. Отчего же мы, спортивные руководители, так недалёковидны, если позволяем Алексею ходить и «выбивать» средства?

А может быть, я не права? Отними у Алексеева его постоянные заботы, оставь его только как тренера Чижовой и Барышникова, — не зачеркнешь ли этим решением всю его сорокалетнюю деятельность в школе? Деятельность, которую я, не боясь преувеличения, назвала бы подвигом трудовым.

Герой Советского Союза известный полярный летчик, на груди которого Золотая Звезда № 6, Михаил Водопьянов как-то заметил на одном диспуте о природе подвига:

— Давно устарело то понятие, что подвиг обязательно связан с действием, при котором человек рискует жизнью, что это нечто всех поражающее, ослепляющее, словно блеск молнии. Постоянно, день за днем вкладывать в какое-то важное и нужное дело все свои силы, отдавать ему весь жар сердца — это не менее трудно и прекрасно. Большинство нашей молодежи это понимает. Подвиг может быть совершен и за станком, и в кабинете ученого, и на стадионе.

НАЧАЛО И ПРОДОЛЖЕНИЕ

Когда я впервые была включена в состав кандидаток сборной Советского Союза, мне дали заполнить анкету. Там был вопрос: «Кто ваш тренер?» Не задумываясь, я написала: «Алексеев».

Помню: это вызвало бурное негодование Виктора Ильича.

— Запомни, Тамара, — сказал он, — если бы тебя в свое время не нашел Владимир Пантелеймонович Бессекерных, ты бы никогда не попала в сборную страны. Твой первый тренер раскрыл перед тобой яркий, прекрасный и суровый мир спорта. Этот человек, насколько я знаю, был для тебя и Ирины не просто учителем, но и старшим другом. Вам, девочкам, потерявшим на войне

отца, он заменил его... Можешь ли ты забывать об этом? Всегда помни о своей спортивной весне.

С тех пор я отвечала на вопросы анкет: «Тренеры Бессекерных и Алексеев».

С Бессекерных неразрывно связаны мои первые шаги в спорте и жизни. Он действительно стал для меня и Ирины вторым отцом. С Владимиром Пантелеймоновичем работалось и жилось надежно, уверенно и спокойно.

Наш отец погиб в 1942 году в битве за Ленинград. Дороги войны привели нас с мамой в далекий Самарканд. Здесь мы должны были найти новый дом, друзей, учителей.

Бессекерных следил не только за тем, как растут мои результаты в беге и метаниях, он проверял домашние задания по арифметике.

Видел ли он во мне будущую олимпийскую чемпионку? Когда много лет спустя я спросила Бессекерных об этом, он развел руками:

— Какую чемпионку? Ты что говоришь?..

Я была худышкой, высокой, нескладной девушкой. Чтобы как-то развить меня физически, Владимир Пантелеймонович начал показывать технику толкания ядра и метания диска. Эти сложные технические виды спорта давались мне с трудом. Куда проще было пробежать спринтерскую дистанцию, прыгнуть в длину или высоту. Но учитель сумел привить любовь к преодолению трудностей. «Труд труден, — говорил он. — Надо терпеть и заниматься каждый день». «Ни дня без строчки» — это правило писателей. «Ни дня без стадиона» — это про спортсменов. Занятия требовали выдержки — и физической, и нервной. С детства не привыкшая отступать, я старательно выполняла указания тренера. Постепенно спорт стал моей потребностью. Мне нужно было проявить себя в движении. И, к своему удивлению, в 1955 году, когда я уже заканчивала девятый класс,

у меня стремительно поползли вверх результаты. Бессекерных даже растерялся:

— Понимаешь, Тамара, я дал тебе все, что мог. Боюсь, что в дальнейшем моя помощь станет для тебя лишь помехой. Надо что-то придумать. Ты ведь будешь и дальше расти — характера тебе не занимать... Ты многого добьешься — это ясно как дважды два... Как развить твой талант? Здесь уже мало слов: «Терпи! Трудись!» Я простой провинциальный тренер. У меня есть свой потолок, и у меня хватает мужества признать это. Но я обязан думать о твоём будущем. Попробую написать в Ленинград Виктору Ильичу Алексееву. Слышала о таком?

Киваю головой, боюсь слова проронить. Кто из спортсменов не слышал об Алексееве! Это был человек-легенда. «Комсомольская правда» как раз в тот год напечатала очерк о нем и про его спортивные результаты, и про то, как он, сломав правую руку и став, по существу, калекой, решил бросить вызов природе. Он тренировался по собственной программе и пять раз выигрывал первенство страны в метании копья... Этот человек во время войны первым подготовил тысячу солдат, обучив их рукопашному бою и метанию гранаты... Этого человека, умирающего от голода, вывезли из заблокированного Ленинграда... После войны Виктор Ильич потратил все свои личные сбережения на покупку медицинболов и снарядов для метаний. Свою квартиру он превратил в спортзал, куда приходили изможденные ленинградской блокадой дети. Он тренировал их. Он вырастил первую советскую рекордсменку мира в метании копья Надежду Смирницкую. Он отдал хлебные карточки своей ученице Гале Зыбиной (сказал, правда, при этом, что у него оказались лишние карточки), потому что ее мама была не в силах прокормить большую семью. И эта Галя в 1952 году стала олимпийской чемпионкой...

Все это я знала наизусть. И когда Бессекерных заговорил о том, что я могу стать ученицей Алексеева, показалось, словно я попала в сказку. Все представлялось нереальным. Какое дело великому тренеру до самаркандской школьницы? Да он, наверное, и на письмо-то наше не ответит. Мало ли ему пишут?

Нетрудно представить, сколько волнения было у нас дома, когда Владимир Пантелеймонович принес письмо из Ленинграда, написанное самим Алексеевым. Виктор Ильич давал «добро» на мой приезд: «Увидимся. Обсудим. Кстати, в Ленинграде и институтов побольше, чем в Самарканде».

Я еще не видела его, но уже одной фразой на всю жизнь он покориł меня: Алексей, конечно же, читая письмо из Самарканда, представил, как трудно будет им найти деньги для поездки на берега Невы. Но и самому приехать в Узбекистан не было возможности — в тот год его действительно атаковали письмами и предложениями... А на носу была первая Спартакиада народов СССР, и до Олимпиады-56 в Мельбурне оставалось чуть больше года... Но Алексей, взвесив все «за» и «против», подумал о моем будущем и намекнул, что желательно мне поступить в ленинградский институт. И общежитие дадут, и опять же школа «Зенита» под боком, не надо будет консультироваться за три тысячи километров...

Бессекерных понимал, что от решения Алексеева зависит вся моя жизнь. И не только моя — ибо к тому времени Ира, которая была всего на два года помоложе, отлично зарекомендовала себя в беге и прыжках...

Сколько вечеров провели мы втроем — мама, Ира и я, — гадая, как сложатся «смотрины»? Разве я могу заинтересовать Виктора Ильича, когда его ученицы ставят мировые рекорды, а мои результаты, хотя и лучшие

в Самарканде, далеки от этих рекордов, как небо от земли...

Тревожило нас и другое: если я (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!) все же выдержу приемные экзамены и буду тренироваться у Алексева, то придется расстаться с мамой и Ириной. А уж это представлялось совсем невозможным.

Решили так: была не была. Поеду в Ленинград, поговорю с Алексеевым, похожу на его занятия, поучусь, постараюсь запомнить его упражнения и вернусь в Самарканд.

...А если он не разрешит присутствовать на тренировках, то побываю в знаменитых музеях, на улицах, по которым бродили Пушкин, Белинский, Некрасов, Достоевский. Эрмитаж, Кунсткамера, Русский музей...

Трудно решались финансовые вопросы поездки к Алексеву, но нас выручил случай. Владимир Пантелеймонович рассказал, что в Москве формируется сборная юношеская команда СССР по легкой атлетике, что запланирован матч с командой Румынии и что... меня уже знают в Москве и приглашают на сбор.

Как искренне радовался мой первый тренер, с какой гордостью он показывал всем московскую программу! Еще бы: никогда до тех пор самаркандских легкоатлетов не вызывали на всесоюзный сбор!

Сборы в дорогу были недолгими. В маленький чемоданчик положила несколько легких платьев. Запаслась книжками в долгую дорогу. И... поезд тронулся!

— Вот и отлично, Тамара, — говорил Бессекерных. — В Москву, наверное, придет Виктор Ильич. Он тебя должен найти... Мне бы с тобой поехать, но куда я своих ребят брошу... Да и ты уже взрослая — пора на свои силы рассчитывать...

До Москвы ехала несколько суток. Все время читала...

В моей жизни было много встреч с журналистами. Я уже рассказывала, как однажды позвонил молодой, начинающий «писатель», который родился в тот год, когда я уже уехала из Самарканда, и предложил мне помочь зафиксировать воспоминания. Меня этот звонок разозлил: во-первых, я пишу сама, пусть трудно, пусть мучительно, но я пишу. Мне нравится сам процесс работы над словом, над фразой. Разумеется, я слабо разбираюсь в композиции, «архитектонике» книг и статей. Мне обязательно нужен хороший, доброжелательный редактор. Но мне ни в коем случае не нужен человек, который приходит с магнитофоном, включает аппарат и говорит: «Вспоминайте!» Потом он отдает магнитофонную ленту стенографистке. Вместе мы должны отредактировать рукопись — и все... Книга готова...

Один из журналистов напечатал в газете очерк, в котором рассказывается, как в 1964 году Фаина Мельник, крестьянская девушка из села Бакота Хмельницкой области, забрела случайно на киевский стадион, где в тот момент тренировалась Тамара Пресс. И вот, увидев «мягкие и грациозные» (слова-то какие нашли!) броски Пресс, крестьянка подошла к чемпионке и попросила у нее благословения на занятия метанием диска. И Пресс вроде бы дала ей напутствие.

Когда я прочитала этот бред, позвонила автору.

— Как все это объяснить? — спрашиваю.

Он испугался:

— Не губите. Простите. Мне хотелось найти яркую картину преемственности поколений. Журналист имеет право на домысел, — лепетал он.

— Но ведь мы живые люди. И, прочитав ересь, перестанем верить печатному слову, — я положила трубку. Редактору звонить не стала — если у этого журналиста «домысел» появился впервые, то уже первый звонок будет ему хорошим отрезвлением...

Когда я рассказала об этом одному журналисту-международнику, он рассмеялся: «То ли еще бывает». И вспомнил такой случай: в 1969 году одна из газет готовилась отметить сорокалетний юбилей вратаря сборной мира Льва Яшина. Решили обзвонить лучших игроков планеты и спросить их мнение о Яшине. В Лондоне английский нападающий Джон Кеван долго не мог понять, чего от него хотят. Когда ему объяснили, что нужна оценка Льву Яшину, тому вратарю, который в 1958 году не дал Джону Кевану «распечатать» свои ворота, англичанин вспомнил: «Отличный вратарь». Но для журналов этой характеристики было мало. Они стали задавать наводящие вопросы: «В воротах — четыре угла. Но для того, чтобы забить Яшину, наверное, надо искать пятый угол?» Афоризм Кевану понравился, и он согласился, чтобы за его подписью эти три строчки были напечатаны в газете... Прошло три года... Телефонное интервью забылось, и каково же было удивление журналистов, когда в книге одного маститого литератора они прочитали: «Сижу я как-то в Лондоне, в квартире Джона Кевана. Пьем кофе. И я спрашиваю его: «А каково ваше мнение о Яшине?» Англичанин улыбнулся. «В воротах, — сказал он, — четыре угла. Но для того, чтобы забить Яшину, наверное, надо искать пятый угол...»

Я еще была спортсменкой, когда меня стали привлекать к корреспондентской работе в «Известиях». Репортажи давались легко, ибо требовали ответов на четкие вопросы: где? когда? что? какова оценка результата? Но вот со статьями приходилось мучиться. Сколько раз Борис Федосов возвращал материал на доработку! То один раз скажет: «Ты что, двенадцать страниц принесла? Я даже читать не буду. Садись и сокращай. Оставляй любую половину». «Но ты взгляни», — прошу Федосова. «А может быть, я и диск за тебя должен метнуть? Нет, Тамарочка». Он брал оставшиеся шесть страниц и,

приговаривая: «Слушай, как ты хорошо написала», — вычеркивал слова, переставлял предложения, переклеивал абзацы... Часа через три говорил: «Вот и отличную статью ты написала». Я смотрела, и не верилось: «Все вроде бы мое... Мысли... Слова... Но вот как они заиграли! Для этого нужен журналистский талант...»

Спортивная журналистика — одно из самых молодых подразделений в журналистике. Ее становление происходит на наших глазах. О спорте пишут очень много. Но хорошо о нем пишут лишь некоторые журналисты. Здесь мало того, что ты умеешь жонглировать словами и метафорами, находить изюминки. Прежде всего надо прекрасно понимать душу и психологию спорта. Когда-то Юрий Машин, бывший председатель Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР, сказал на большом совещании: «В спортивную журналистику идут у нас одни неудачники. Или те, у кого не получилось в журналистике, или те, кто не достиг успехов в спорте». Какое грубое заблуждение! В спортивную журналистику должны идти талантливые молодые люди, чтобы изучать спорт, осмысливать процессы, происходящие в нем. Не знаю, как товарищи, которые тринадцать лет назад готовили доклад Машину, упустили то обстоятельство, что выдающиеся писатели XX века Лондон, Ремарк, Хемингуэй начинали как спортивные журналисты, что свои первые стихи и рассказы Евтушенко и Казаков напечатали в «Советском спорте»...

Странная забывчивость!

Ведь именно спортивные журналисты, которые изо дня в день фиксировали все результаты, сохранили для истории рассказы о выдающейся дуэли шестовиков Николая Озолина и Гавриила Раевского, метательниц диска Нины Пономаревой и Нины Думбадзе, о бескомпромиссной борьбе в послевоенные годы футбольных команд «Динамо» и ЦСКА, о непримиримом соперничестве двух подруг по алексеевскому «Зениту» — юной слушатель-

ницы школы рабочей молодежи Тамары Пресс и увенчанной почти всеми медалями, которые существуют в спорте, олимпийской чемпионки Галины Зыбиной...

* * *

Это та спортсменка, перед которой я всегда преклонялась. Судите сами: перенесла блокаду в Ленинграде. Выжила, выросла. Стала олимпийской чемпионкой. Когда я читала о ней в газетах, хотелось ей подражать. Во всем брать с нее пример...

Когда же мы встретились, то оказалось, что свое отношение к Галине Ивановне я должна пересмотреть.

Вспоминаю историю наших взаимоотношений, и хочется изобрести машину времени, заложить в нее программу, совсем не ту, которая была в жизни, а хорошую, ясную, четкую программу отношений двух соперниц.

Машина времени... Почему бы не включить ее?

...Мой папа ранен на фронте. Мы едем к нему из Харькова через Моршанск в Самарканд, где отец лежит в госпитале... Поезд задерживается, и мы встречаем отца на вокзале. Он уже подлечился и спешит на фронт, под Ленинград. Мы только полчаса можем поговорить. Отец уйдет и погибнет под Ленинградом...

...В нашей стране чуть ли не каждая семья отдала войне отца или сына, мать или дочь...

...В семье Зыбиных тоже гибнет отец...

...Мы живем под жарким солнцем Самарканда. Мама день и ночь работает. Я слежу за Ириной...

...В новогоднем приказе на 1942 год Гитлер писал, что благодарит фашистскую армию «за создание невиданной в истории мира блокады», и с маниакальной уверенностью заявлял, что нацисты не намерены штурмовать город, ибо в ближайшее время Ленинград «вы-

жрет» самого себя и «как спелое яблоко, упадет к... ногам...» Семья Зыбиных пережила блокаду...

...Я только начинаю заниматься в секции Бессекерных...

...Зыбина возвращается с Олимпиады в Хельсинки с золотой медалью...

...Толкаю ядро на 11 метров 49 сантиметров...

...Галина Зыбина устанавливает мировой рекорд — 16 метров 29 сантиметров...

Неужели наши пути пересекутся?

Когда я приехала в Ленинград к Алексееву, меня поселили в коттедже — летней резиденции алексеевской школы на Островах. Мансарда была с трех сторон застеклена. Продувалась всеми ветрами. Но я была молодой и на холод не обращала внимания. Правда, иногда спина чуть не примерзала к стенке — в комнате зимой было до шести градусов мороза. По совету Виктора Ильича, я поступила в десятый класс школы рабочей молодежи. Необходимость так резко изменить свою жизнь вызывалась тем, что Алексеев мог уделять мне на тренировки лишь дневное время, а вечером он занимался с Зыбиной, Тышкевич, Смирницкой.

В классе я была самой младшей. Рядом со мной за партами сидели сорокалетние «дяди и тети», взрослые люди, у некоторых за плечами были фронтовые дороги. Общаясь с ними, я и сама быстро взрослела...

В школе Алексеева ко мне отнеслись как к любому новичку — помогали как могли советами, подтрунивали. Было трудно постигнуть двухразовые тренировки — для девочки из Самарканда они были в диковинку... Уже через несколько месяцев я поняла, что в этой дружной школе не все так просто, как показалось в первые дни. Почему-то настороженно приняли меня толкательницы ядра. Все они — Зыбина, Тышкевич, Дойникова — были коренными ленинградками. Я же за всю историю алексеевской школы считалась первой иногород-

ней. Наверное, серьезную соперницу эти знаменитые толкательницы во мне не разглядели. Но их раздражало мое появление в школе, ибо оно несколько изменило ритм работы Виктора Ильича. Он вынужден был уделять мне время, отрывая его от занятий с Зыбиной и Тышкевич. Понимая своих старших подруг, я особенно не обижалась.

Но ни одного резкого замечания не оставляла без внимания. Особенно досаждала меня подначками Зыбина. Самая титулованная в нашей школе, она стремилась выделиться еще больше.

— Кто это тут под ногами мешается? — сказала она в один из первых дней знакомства.

Виктор Ильич посмотрел на нас осуждающе, и я, думая об Алексееве, не стала отвечать Зыбиной. Но вечером тренер, провожая меня, пытался объяснить:

— У Гали неуживчивый характер. Болезненное честолюбие. Она, наверное, даже резка, грубовата... Но сколько в ней хорошего — она аккуратна, очень трудолюбива, исполнительна, чистоплотна. Она заботлива...

Приглядываясь к Зыбиной, я понимала ее настороженность. Конечно, она ревновала Алексеева ко мне. Это первое. А второе — она видела, что ее начинают серьезно подпирать подруги — Тышкевич, Дойникова. Всем лестно выиграть у мировой рекордсменки и олимпийской чемпионки. Свою тревогу Зыбина пыталась выместить на новенькой.

В ту холодную зиму меня ничего не страшило... Даже реплику Зыбиной: «Виктор Ильич, вы занимайтесь с Тамарой метанием диска, а уж ядро не трожьте» — пропустила мимо ушей... В 1958 году я уже твердо считалась в составе сборной страны по метанию диска. Чтобы попасть в команду, которая отъезжала в Стокгольм на чемпионат Европы, нужно было стать призером на первенстве страны.

Чемпионат разыгрывался в Таллине, в городе с неповторимой архитектурой, с башнями и «Старым Томасом», с записками на дверях: «Трубочист придет во вторник»... Настроение было лучезарным. Перспектива поехать на чемпионат Европы представлялась реальной. Меня не смущала моя неопытность. Я еще не до конца отдавала себе отчет, что начинается период огромной важности — период вступления в сборную Советского Союза. Я должна была впервые осознать себя и как человек, и как гражданка, и как будущая чемпионка. Именно чемпионка, иначе зачем же было надевать красную майку с четырьмя дорогами всем нам буквами — СССР?

То ли я перестаралась, то ли перегорела, но диск далеко не летел. Другая, наверное, стала бы искать оправдание: еще, мол, все впереди, да и я не успела оправиться после операции аппендицита... Но я восприняла четвертое место в стране как большую катастрофу.

Теперь надо было потратить немало энергии и воли, чтобы найти свое место в сборной страны по толканию ядра. Вот уж в этом виде спорта мои притязания на призовое место казались наивными. Я себя успокаивала: попытка не пытка. Перед тобой «железная стена» — две олимпийские чемпионки: Зыбина и Тышкевич, и четвертая метательница мира Дойникова. Следовательно, тебе, Тамара Пресс, остается лишь четвертое место. А оно, как известно, путевки в Стокгольм не дает... Но проверь себя — покажи характер. Честолюбие может быть тяжелым, подчас неизлечимым заболеванием, но еще никто не доказал, что настоящий спортсмен не должен быть честолюбивым. Рискни! Шагни...

Вот я беру ядро — готовлюсь к попытке... Зыбина улыбается. Это своеобразная психическая атака. Улыбайся, Галина Ивановна, тебе легко: твой мировой рекорд равен 16 метрам 76 сантиметрам, а я толкаю на один метр хуже. Где мне до твоих результатов?

Разозлилась я неожиданно для себя и для Алексева. Сколько же может не везти человеку: в 1956 году я не попала на Олимпиаду в Мельбурн, в 1958 году, готовясь к первенству Европы, выиграла почти все соревнования, но оступилась на чемпионате страны. Какой-то рок...

На кого я разозлилась? Я на себя взъерилась. Ненавидела себя, только себя. Позднее это станет законом: в решающее мгновение перед стартом безжалостно разозлиться на себя и... выстрелить... и победить.

Первая моя попытка была удачной — я попала в финал.

Зыбина, чувствую, начинает кипеть. Опытнейший боец, она впервые меня видит столь собранной.

Ей бы в тот момент сдержать свои чувства, не показывать слабости, глядишь, я бы расслабилась и в финале выступила не столь решительно. Но Галина Ивановна грубо осекла меня:

— Выскочка, куда ты лезешь?

— За золотой медалью! — ответ был короток, как фехтовальный выпад.

«Выскочка!» — это слово разбудило дремавшие во мне силы. Первый раз в жизни я осознала, что могу сокрушить всех, именитых и неименитых, прославленных и дебютантов, орденосцев и медаленосцев. Не стало силы, которая могла бы меня в тот момент пересилить.

Во второй попытке «стреляю» на 16 метров 54 сантиметра, лишь 20 сантиметров не достав до мирового рекорда Зыбиной. Гляжу на бледную Галину Ивановну. Она точно в нокауте. Мысленно открываю счет: «Раз! Два!.. Пять... Девять! Аут!» Конечно, никто к моему результату приблизиться не мог. В состоянии шока толкательницы ядра закончили чемпионат. Превысив свой личный рекорд почти на метр, я сразу стала первой в СССР, а значит, и во всем мире!

Когда нас стали вызывать на пьедестал почета, я ог-

лянулась — рядом со мной не было призеров чемпионата Тамары Тышкевич и Галины Зыбиной. Что случилось? Оказывается, Зыбина не смогла перенести поражения и уговаривала олимпийскую чемпионку Тышкевич не выходить для получения медалей. Не одержав победы в секторе для толкания ядра, Галина Ивановна думала «проучить» меня, оставив в одиночестве на пьедестале... Моральное поражение Зыбиной не поддается описанию — она проиграла в глазах всех. Тышкевич в последнее мгновение все же одумалась — избежала на пьедестал...

Никогда в жизни не забуду противоречивости этого дня. Он был очень радостным для меня — завоевана первая золотая медаль в дальнейшей девятилетней беспронгрешной серии. Это был светлый день для Виктора Ильича — ведь он не ошибся во мне, предложив переехать в Ленинград, и учиться в школе рабочей молодежи, и тренироваться по той же программе, что и прославленные чемпионки... Для Алексеева уже в те годы было ясно, что он должен искать способных спортсменов не только на Выборгской стороне Ленинграда, но и в других городах страны. Искать, находить, шлифовать — делать из них чемпионов... После меня в школе Алексеева появились иногородние — моя сестра Ирина, сибирячка Надя Чижова, харьковчанка Нина Маракина, дальневосточник Александр Барышников. Словом, уже 20 лет назад Виктор Ильич проявил государственный подход к важнейшему делу — селекции талантов. Он вообще никогда не мыслил узкими категориями лишь своей школы и только ленинградской легкой атлетики. Он знал состояние всего советского спорта в целом и видел свое место в нем. Алексей — широко мыслящий педагог.

А тот светлый для него день стал одним из самых мрачных в его жизни. Как-то много лет спустя Виктор Ильич признался, что более худшего дня он не по-

мнит. Именно с того случая на пьедестале он изменил отношение к Галине Зыбиной. Для него она перестала быть той девочкой, что пережила блокаду, для него она стала человеком, который совершил тяжелый, можно сказать, аморальный поступок. Совершил и не осознал всей глубины ошибки.

Всю ночь мы ходили по Таллину с Алексеевым. Его слова помню так, словно он говорил их вчера, а не 19 лет назад: «Тамара, ты действительно становишься «ТТТ» — то есть человеком, в котором «талант+ труд+ терпение» соединены прочно... Ты доказала, что тебе уже нет равных в стране. Ты по-новому открылась и для меня в своем гневе, но помни, что сильный человек должен быть добрым и благородным... Вспышки вспышкам рознь.. Мне глубоко жаль заблуждающуюся Зыбину. Сегодня она подписала себе приговор. Она даже не могла продемонстрировать последний секрет мастерства: умение достойно встречать поражение». Жизнь не раз сводила нас с Галиной Ивановной на разных состязаниях. Зыбина уже смирилась, она не могла победить меня. В 1960 году она призналась как-то в минуту доброго расположения духа: «Моя самая большая мечта — хоть раз оказаться впереди тебя, Тамара». Но я продолжала улучшать рекорд за рекордом, меняя одну золотую олимпийскую медаль на две золотых... Галина Ивановна, проявляя чудеса самоотверженности и трудолюбия, росла от состязания к состязанию. Все свои лучшие результаты она показала после 30 лет... Но и я не стояла на месте. Став олимпийской чемпионкой, я проиграла всего четыре раза... Ни разу при этом не уступила Зыбиной... И тогда-то Галина Ивановна высказала другую сокровенную мечту: «Я сделаю так, Тамара, что тебя победит моя ученица...» Но и эта ее мечта не осуществилась — я ушла с арены непобежденной...

Отношения между мною и Зыбиной всегда были

официальными. И это очень переживал наш общий учитель, человек, которому и я, и Галина Ивановна были преданы бесконечно, — наш Виктор Ильич.

* * *

Высокая красивая женщина подошла ко мне в Лужниках и сказала:

— Что ты так волнуешься?

— Так ведь Спартакиада идет... А у меня бросок не получается: 42 метра — дальше не летит диск, — ответила я.

— У тебя полетит обязательно. Это мне с результатом 42 метра 74 сантиметра неудобно быть на пятнадцатом месте, — улыбнулась Нина Яковлевна...

Думбадзе — мировая рекордсменка, к результату которой — 57 метров 04 сантиметра — вот уже четыре года никто и не смел приблизиться, — последний раз выступала на соревнованиях. Была она не в лучшей своей форме и проигрывала своему рекорду почти 15 метров. Но в интересах сборной команды Грузии она вынуждена была поступиться гордостью: спортивные руководители сказали ей:

— Нина Яковлевна, метнете на 40 метров — все равно будет хорошо. Наша республика получит 900 очков...

В одной из предварительных попыток мой диск все же улетел на 42 метра 84 сантиметра — на 10 сантиметров дальше, чем снаряд Думбадзе. Мировая рекордсменка, поздравив дебютантку, поинтересовалась:

— А ты еще будешь на школьной спартакиаде выступать? Вот там, среди своих ровесников, ты и покажешь все, на что способна. А здесь ты зря оробела... Мы хоть и старше тебя на 10—12 лет, точно такие же... Проигрываем — плачем, выигрываем — счастливей нас никого нет. Мне кажется, что ты придешь на смену По-

номаревой и станешь олимпийской чемпионкой. Заметила, Нина Аполлоновна специально пришла смотреть твой бросок? Верный признак — она тебя выделила из всей молодежи...

Разговор с мировой рекордсменкой остался в памяти. В своем дневнике я записывала впечатления дня:

«Как все же она талантлива, какая щедрая у нее душа... Мы говорили с Думбадзе о природе спортивного таланта. Нина Яковлевна призналась, что талант и для нее непостижимая тайна. За эту неразгаданность, сказала Думбадзе, она и любит спорт... Нина Яковлевна рассказала о типичных недостатках спортсменов. Жизнь чемпионок очень уязвима: невидимые миру слезы — «привилегия» спортсменок... Думбадзе предупредила меня: цените время, не тратьте его так неистово, будто оно бесконечно. Никогда не успокаивайте себя — у меня, мол, еще все впереди. Иначе будете оттягивать этот срок, забывая, что у человека, как и у природы, свое время сеять и свое время собирать урожай. Вопрос в том, когда поймешь это. Можно ведь и опоздать».

Когда я рассказывала Ирине о беседе с Думбадзе, то призналась:

— Она, кажется, передала мне эстафету. Понимаешь? Я теперь все время буду помнить о Думбадзе и повторять ее слова: «Ты придешь на смену Пономаревой и станешь олимпийской чемпионкой...»

Как много в жизни человека может значить один разговор, одно дружеское, вовремя сказанное слово! Я была перворазрядницей и ничем не отличалась от всех участниц Спартакиады народов СССР. Но заслуженный мастер спорта сумела окрылить меня. Через несколько дней на Всесоюзной спартакиаде школьников я установила несколько рекордов СССР для девушек старшего возраста и попала в число кандидатов, которые готовились к поездке на Олимпийские игры-56 в далекий Мельбурн...

Нина Думбадзе после срыва на Спартакиаде, потренировавшись, вошла в форму и тоже реально претендовала на олимпийскую путевку. Несколько раз мы встречались в одном секторе. И всегда Нина Яковлевна была впереди. Она регулярно попадала в призовую тройку. На одной из прикидок я уже метнула диск на 48 метров 48 сантиметров и заняла третье место, пропустив вперед лишь олимпийскую чемпионку Нину Пономареву и мировую рекордсменку Нину Думбадзе.

Мы были соперницами. Я, родившаяся в 1937 году, и Нина Яковлевна, которая еще в 1939 году улучшила официальный мировой рекорд немки Гизелы Мауэрмайер. Но советские легкоатлеты до 1948 года не входили в Международную федерацию легкой атлетики, и поэтому этот результат считался лишь всесоюзным рекордом. В 1948 году Думбадзе послала «летающий килограмм» на 53 метра 25 сантиметров и стала первой официальной советской рекордсменкой мира по легкой атлетике.

Лишь однажды уступила она мировое лидерство Нине Пономаревой, но 18 октября 1952 года, послав в родном Тбилиси снаряд на 57 метров 04 сантиметра, установила рекорд, который был назван фантастическим.

Простая арифметика подсказывала, что спортивный стаж Нины Думбадзе равен моему возрасту плюс еще пять лет. Ее спортивное долголетие уникально. Четверть века оставаться на уровне международного класса, задавать тон в таком сложнейшем виде легкой атлетики — этого еще история не знала. Но Думбадзе не чувствовала возраста, она тренировалась сама и уже стала заниматься с сыном, будущим чемпионом Советского Союза по десятиборью Юрием Дьячковым...

Как сейчас помню пасмурное воскресенье 21 сентября 1956 года. В предгрозовые вечерние часы я должна была выйти на очередную прикидку. Волновалась, ибо

состязания проводились в перерыве футбольного матча СССР — Венгрия.

В раздевалке Нина Думбадзе спросила:

— Когда же ты станешь мастером спорта? Тебе только 52 сантиметра одолеть. Разозлился на себя!

Тревожное предгрозые погоды передалось мне — я разнервничалась... Но когда вышла на арену Лужников, то моим глазам, как и взорам 103 тысяч болельщиков, предстал удивительный футбольный матч. «Волшебники мяча» — сборная Венгрии — экзаменовали нашу команду. Венгры, вице-чемпионы мира, приехали в Москву в своем лучшем составе. Наша сборная еще искала оптимальный вариант — только через два месяца советские футболисты станут чемпионами Олимпийских игр, а пока... В том матче я впервые увидела классически исполненный удар «сухой лист». Венгерский нападающий прорвался по краю и ударил. Мяч летел мимо ворот, но неожиданно изменил направление и направился мимо Яшина в сетку... Моему удивлению не было предела: вот что может делать мастерство человека... Если он, футболист, может делать чудеса, то почему я не могу справиться с простой задачей и метнуть диск на 49 метров? Обязательно рискну сегодня: или — или...

Через 10 минут я стала мастером спорта — мой снаряд пролетел 49 метров 10 сантиметров, и я заняла третье место, проиграв Бегляковой и Думбадзе. Теперь мои шансы на поездку в Мельбурн стали реальными. Нина Думбадзе решила «не мешать молодым» и отказалась от мысли выступить на Олимпийских играх.

— Вы уходите без боя? — был мой наивный вопрос.

— Друг мой, надо уметь слышать предупреждающие звоночки — пора прощаться с диском. От природы не уйдешь. Но, скажу тебе по секрету, есть и другая молодость. Та, которая зависит от нас самих. Молодость — это ведь когда все впервые... Впервые нянчишь сына:..

Потом внука... Молодость — это когда ты сохраняешь способность волноваться, радоваться, удивляться...

Я не видела Нину Яковлевну в течение четырех последующих лет. В 1960 году, став в олимпийском Риме чемпионкой в толкании ядра и заняв второе место среди метательниц диска, я на следующий день после закрытия Олимпиады установила мировой рекорд в диске — 57 метров 15 сантиметров, зачеркнув достижение Нины Яковлевны. В тот же день мне передали телеграмму из Тбилиси: «Поздравляю с мировым рекордом тчк очень рада спрт что сделала это ты тчк Думбадзе». Так великая спортсменка приветствовала свою молодую сменщицу...

«ПОЗДРАВЛЯЮ С МИРОВЫМ РЕКОРДОМ...» — так она передавала эстафету новому поколению. И нужно отметить, что мы, сменщицы Думбадзе, достойно поддержали ее традиции — мне удалось шесть раз улучшить рекорд, а затем Фаина Мельник одиннадцать раз перечеркивала мировые достижения, доведя результат до 70 метров 50 сантиметров.

Нина Думбадзе — женщина очень красивая. И человек очень впечатлительный. Гордая, она никому не позволяла никакой бестактности. В ее присутствии никто ни на кого не мог повесить голос. Был однажды такой случай. Сборная страны в полном составе собралась на совещание. 200 человек вынуждены были почти полчаса скучать в ожидании задерживающегося начальства. Один из заместителей председателя Всесоюзного спортивного комитета, приехав, начал свою речь так:

— Вы у меня смотрите!.. Вы обязаны!.. — и так далее. Словом, понесся, не зная удержу.

Двести человек вынуждены были сидеть и вникать.

Лишь одна Нина Яковлевна Думбадзе поднялась и сказала:

— А почему вы с нами так разговариваете? Почему

не извинились за опоздание? Снимите, пожалуйста, шляпу — здесь женщины присутствуют... И перестаньте курить!

Нужно ли говорить, что половина запаса слов у руководителя, привыкшего командовать, сразу пропала. От его воинственности не осталось и следа.

С Думбадзе мы подружились и тесно сошлись уже после того, как я сама закончила выступать. Я была у нее дома в Тбилиси несколько раз. И что поразительно — эта женщина открылась мне по-новому. Она была неиссякаемо молодой, горячей, деятельной. Ей все время нужно было решать какие-то проблемы. Она всем должна была помогать. Как-то за один вечер, пока я беседовала с ее мужем — заслуженным тренером СССР Борисом Михайловичем Дьячковым — о методике метания диска, Нина Яковлевна два раза уезжала куда-то на машине. Возвращалась она веселая, говоря нам: «Все решено блестяще», — уходила на кухню... На столе менялись блюда — сациви, чехохбили, люля-кебаб, цыплята табака... Мне очень интересно было слушать и Бориса Михайловича — тренера, которого я приравнивала по масштабности к В. И. Алексееву, и Нину Яковлевну. Мы говорили о диске, ибо я готовилась к защите диссертации. А тема ее была связана с юными метательницами...

Тем вечером Думбадзе и спросила меня:

— А почему вас, Тамара, не взяли в команду на олимпиаду в Мельбурн? Ведь, когда я уступила место в сборной страны, мне казалось, что поедете вы.

— А руководство посчитало, что сильнее все-таки Елькина.

* * *

...Аля Елькина подбежала ко мне в Ташкенте радостная:

— Поздравь меня — я еду!

Непосредственная, она даже забыла, что путевка в Мельбурн разыгрывалась между ею и мной. К тому октябрьскому дню 1956 года я уже стала четвертой метательницей диска в стране. Лучше меня постоянно были Нина Пономарева и Ирина Беглякова. Нина Думбадзе, прощаясь со спортом, метнула снаряд на 52 метра 27 сантиметров, но сняла свою кандидатуру. Казалось, путь был открыт для меня — мой результат равнялся 50 метрам 55 сантиметрам. Альбина Елькина проигривала мне 22 сантиметра.

Серия изматывающих прикидок между Алей и мной никак не могла выявить сильнейшую. Одно соревнование выигрывает она, во втором я праздную победу.

Мне уже свили костюм, красивый, парадный... Из Самарканда в Ташкент приехала моя мама — она смотрела на тренировки, радовалась. Вообще в Узбекистане, из которого я умчалась лишь год назад и в актив которого на Спартакиаде народов СССР я внесла 915 очков, ко мне относились тепло. Все болели за меня.

Судьбу путевки решили, к сожалению, не отборочные старты, а разговоры в кабинетах.

Дело осложнялось тем, что Виктор Ильич уже плыл на теплоходе «Грузия» в Австралию. А меня подключили в группу главного тренера по метаниям профессора Дмитрия Петровича Маркова. Лучше бы я не числилась в его группе. Это был тренер, педагогические воззрения которого коренным образом отличались от взглядов Виктора Ильича. Марков тренировал олимпийскую чемпионку Нину Пономареву и был, как говорится, «на коне». Один опытный человек предупредил меня: «Марков имеет на вас виды, ведь у самого-то Дмитрия Петровича, кроме Пономаревой, нет никого. Случись что с Ниной — и нет тренера Маркова. Ему обязательно нужен кто-то на подстраховку. Ваша кандидатура лучшая: 19 лет, на восемь лет моложе Пономаревой».

Но прежде чем сделал предложение профессор Мар-

ков, ко мне подошла работник Спорткомитета СССР и ласково этак прожужжала:

— Тамарочка, давайте мы вас в Москву переведем.

— А как же Виктор Ильич? — спросила я.

— У Алексеева хватает способных учениц!

— Но я не могу предать учителя. — Мое решение было окончательным.

--- «Предать! Предать!» И где это вы так громко говорить научились?..

Потом последовало «соблазнительное предложение» профессора Маркова:

— Как бы вы посмотрели, если бы один уважаемый тренер порекомендовал вам заниматься в его группе?

— А он уже мне предложил — и я счастлива. Сейчас готовлюсь к Олимпиаде по его плану, — сказала я.

— Виктор Ильич плавает сейчас по морю-океану и вам ничем не может помочь, — жестко проговорил Марков. — Я стою рядом. И запомните — два раза одну и ту же фразу не повторяю.

— Я тоже однолюбка...

Решение путевок, сами понимаете, зависело от Маркова. Он и настоял: «Поедет Елькина»... Я ничего не имела против Али. Она трудолюбивая, старательная, преданная спорту девушка. Очень невысокая — вряд ли выше 160 сантиметров — Аля мало чем напоминала метательницу. Мы даже звали ее «акробаткой», рядом с Пономаревой, Вашенко, Тышкевич, Дойниковой она казалась хрупкой и миниатюрной.

Елькина трезво смотрела на свои возможности. В сборную страны она попала потому, что ее пригласили — были, оказывается, вакантные места. В команде она тренировалась самоотверженно и выглядела не лучше, но не хуже других.

Она мужественно и объективно встретила известие, что мне, ее главной сопернице, уже приготовили олимпийскую форму.

А потом Марков вынес окончательное решение... И Аля прибежала ко мне: «Поздравь — я еду».

— Как ты думаешь метнуть в Мельбурне? — спросила я.

— Конечно, я не выиграю... Но не уверена, что и ты выиграешь... Я очень рада, что еду, и огорчена, что дома остаешься ты... Но у тебя, Тамара, все победы впереди — у меня же последний шанс — поехать мир посмотреть... Через год уже все изменится, и я не буду для тебя соперницей, — и она побежала получать форму...

— Мне твой костюм был велик, — смеялась Аля, глядя в зеркало, — пришлось заказывать новый...

На Алю я не сердилась: «Кто-то теряет, а кто-то находит». В голосе Елькиной было и сочувствие и участие. Она почему-то чувствовала себя виноватой. Но я пожала ей руку и попросила:

— Повтори в Мельбурне пьедестал Хельсинки...

Напомню, что четыре года назад на пьедестале почта стояли все три советские спортсменки — Нина Пономарева (Ромашкова), Елизавета Багрянцева (Верхошанская) и Нина Думбадзе. Сейчас шансы советских дискоболок тоже были отличными — Нина Пономарева имела лучшие броски в мире, а Ира Беглякова не раз выигрывала у нее. Аля Елькина могла надежно подстраховать двух лидеров.

Но удача отвернулась от наших спортсменов. Верхнюю ступеньку пьедестала они уступили чехословацкой метательнице. Беглякова осталась второй, Пономарева — третьей, Елькина, метнув диск на 48 метров 20 сантиметров, пристроилась пятой...

Мне было очень тяжело. Я не уверена, что, оказавшись в Мельбурне, сумела бы выступить лучше Али. Главное в другом --- такое императивное решение, какое позволил себе тренер Марков, не по мне одной ударило. Помню, как болезненно реагировали все молодые

спортсменки, уговаривая меня написать заявление... жалобу... Естественно, я решила доказать делом, что тренер Марков был не прав. Не в том, что оставил меня в Ленинграде. В том не прав, что предложил мне пойти на сделку с совестью.

Когда самолет с олимпийцами улетел в Мельбурн с ташкентского аэродрома, я совсем уже было хотела переселиться обратно в Самарканд — к маме и Ире... Но вспомнила Виктора Ильича, наши общие планы и приказала себе: «Не ныть! На неудачах жизнь не кончается!»

Пока не началась Олимпиада, я не находила себе места. Бывает же так: мне представлялось, что в институт придет телеграмма-«молния»: «СРОЧНО ОТПРАВЬТЕ МЕЛЬБУРН СТУДЕНТКУ ПРЕСС». Но волшебная телеграмма так и не пришла.

Вернулись из Мельбурна товарищи по сборной. Виктора Ильича я побежала встречать на вокзал. Его ученицы возвращались с победами — Тамара Тышкевич привезла в Ленинград золотую медаль за самый дальний толчок ядра. Галина Зыбина уступила ей всего шесть сантиметров. Зина Дойникова внесла в копилку сборной страны три очка за четвертое место...

Виктор Ильич даже не подал виду, что знает о моей тяжбе с Марковым. Он спросил только:

— Как Ирина?

Я растерялась: при чем здесь сестра, когда в Мельбурн не взяли меня? Это моя душа переболела. А у Иры все хорошо — учится в школе, занимается пятиборьем, ее результат, кстати, 46-й в стране...

— Ирина пишет часто, мечтает приехать к вам в школу...

— А я ей обещал в Москве на Спартакиаде — и от слов от своих никогда не отказываюсь. — Вот где он проговорился, что находится в курсе ташкентских «дипломатических переговоров».

— У тебя сегодня вечером нет лекций? — спросил Алексеев. — Добро пожаловать на улицу Комсомола — покажу кино...

В доме на улице Комсомола была квартира Алексева, а кино, которое он показал в вечер приезда, он снял сам — ядро на экране метал американец Перри О'Брайен. На экране шел дождь. Брайен толкал ядро — и оно шлепалось в лужу, взметая веер брызг.

— До Рима уже совсем не осталось времени, — сказал Виктор Ильич. Учитель уже жил Олимпиадой 1960 года.

— В Риме ты, Тамара, будешь толкать ядро не хуже Брайена.

Уж это он хватил через край...

20 лет прошло с того грустного дня, когда Аля улетела, а я осталась... И тот день моего поражения я сегодня склонна считать днем первой победы. Жизнь проверяла меня, соблазняла. Подсовывала сиюминутный успех вместо трудного восхождения. Я счастлива, что в Ташкенте-56 не смалодушничала, не предала своего тренера. А наша дуэль с Елькиной — разве это дуэль?.. Она и в пожелтевших подшивках «Советского спорта» не сохранилась. Это лишь внутреннее дело двух спортсменок... Нашему поединку было далеко до дуэлей, полных драматизма и несбывшихся надежд, крушения всех планов и торжества победителя...

* * *

Токио-64 запомнилось мне одной драмой. Дважды олимпийская чемпионка Нина Пономарева, выступая на своей четвертой в жизни Олимпиаде, не попала в десятку сильнейших. И мне казалось странным: я продолжаю участвовать в соревнованиях и осознаю, что именно в этот день закончилась яркая спортивная дорога того человека, который принес нашей Родине са-

мую первую в истории советского спорта золотую олимпийскую медаль, что в тот понедельник — 19 октября 1964 года, — философски осмыслив случившееся, тихо ушла с олимпийского стадиона Нина Пономарева.

Эта высокая красивая женщина была в течение многих лет моим идеалом дискоболки. Уверенная в себе, с виду неторопливая, она умела тренироваться удивительно рационально. Вместе с профессором Д. Марковым Нина сразу же нашла удобную для себя технику метания и «эксплуатировала» ее почти двадцать лет.

Нина Аполлоновна носит титул, который никому уже, кроме нее, никогда принадлежать не будет — она первая олимпийская чемпионка среди советских спортсменов. Счет золотых медалей начался с нее. И сколько бы ни было впереди Олимпиад, сколько бы мы ни узнавали имен новых чемпионов, мы всегда будем помнить: «А первой была Пономарева».

Накануне Олимпиады-64 в Москве вышла в свет книга Нины Пономаревой «Мой спортивный путь». Участница трех Олимпиад, завоевавшая две золотые медали и одну бронзовую, рассказывает в своей исповеди о нелегком восхождении. Эту книгу я прочитала, чтобы понять, как получилось, что сильнейшая на планете Нина Аполлоновна неожиданно проиграла в Мельбурне. Оказывается, на Олимпиаде в Австралии впервые вступило в силу решение Международной легкой атлетической федерации о том, что метание диска производится из круга с цементным покрытием. Для непосвященного в метании это маленькая деталь. Но если спор ведется на уровне мировых рекордов, то каждая деталь приобретает важнейшее значение.

Привыкая к цементному кругу, Нина была вынуждена внести кое-какие незначительные коррективы в свою технику. В ту самую технику метания, которая была у Пономаревой почти идеальной. И на последней тренировке Нина растянула мышцу ноги. Конечно, ни-

кто не заметил травмы спортсменки. Но в день состязаний Нина метала диск, буквально сжав зубы. Она чуть не плакала от боли. А точнее, плакала, когда ушла в раздевалку, и, надевая костюм, долго-долго не могла прийти в себя... Олимпийская чемпионка, она должна была показать, что умеет и проигрывать. Она держалась с достоинством — и о драме в Мельбурне рассказала лишь через семь лет. Ей не нужны были слова утешения...

Мои отношения с Пономаревой складывались абсолютно спокойно. Вообще Нина из тех людей, которые никогда ни о ком ничего дурного не скажут. Ни в глаза. Ни тем более за глаза. Уравновешенная, невозмутимая, она продолжала трудиться всю жизнь так, как привыкла с детства. Сколько житейских неудач встречалось на ее пути. Она, закусив губу, проходила мимо. Тренировалась так азартно, так вкусно, что и нам, молодым, хотелось не отставать от нее... Труд, труд, труд...

Лично я глубоко благодарна Нине Пономаревой за... свою победу в Токио-64. Могу даже утверждать, что моя золотая медаль — это отчасти и медаль Пономаревой. А все было так...

19 октября я должна была выступать в олимпийском турнире по метанию диска. Честно говоря, не думалось, что кто-то окажет мне конкуренцию. Мой отрыв от соперниц был так велик, что... я была спокойна.

Нет, вовсе не потирала руки от предвкушения победы. Была занята заботами своей сестры, которая уже состязалась в пятиборье. Виктор Ильич опасался за ногу Ирины — могла дать знать о себе ее травма... Но Ирина неслась к победе как на крыльях. Она установила мировой рекорд! Как правило, на Олимпиадах редко устанавливают мировые рекорды в таких изнуряющих состязаниях, как многоборье. Но Ирину никто не мог остановить. Ни сильные соперницы, ни травма...

Даже Виктор Ильич не подозревал, с какой больной спиной выступала в теченис двух дней моя Ирина. За день до старта на тренировке в Киото, занимаясь на турнике, Ирина защемила мышцу. Сестра не могла разогнуться. Выручила ее наша массажистка Евдокия Матвеевна Степанова. Удивительный человек, прошедший войну, обладающий колоссальным житейским опытом. Она — волшебница массажа — много сделала для успешного выступления Ирины.

Занятая заботами о сестре, я вовсе о себе не думала, хотя мне предстояло выступить через два дня.

Самыми трудными состязаниями для меня всегда были квалификационные. Я плохо настраивалась, чтобы выполнить определенный норматив. Можно припомнить ряд срывов именно в квалификации — так, в 1956 году на Спартакиаде народов СССР я не попала в число двенадцати сильнейших. Но тогда-то я была новичком, а сейчас... Имею все титулы и звания, на мою фамилию записан мировой рекорд — что мне волноваться?

Но «привычная психологическая травма» — боязнь квалификации — подстерегала меня и на Олимпиаде-64. На следующий день «Советский спорт» писал в заметке «Победа с волнениями».

«Сказать честно, Тамара Пресс заставила вчера изрядно поволноваться всех нас. Вчера разыгрывалась золотая медаль в метании диска у женщин, а в судьбе этой медали мы были уверены. Однако еще утром, когда наши девушки вышли в сектор для метания диска, чтобы произвести квалификационные состязания, броски у Тамары не шли. Самый дальний путь, который проделал ее диск утром, равнялся всего лишь 50 метрам 28 сантиметрам. Это, конечно, не могло не насторожить».

Разумеется, я насторожилась — вспомнила, что почти не спала тревожную ночь перед главным стартом че-

тырехлетия. Ну ничего, самое опасное осталось позади — теперь финал! Все мои конкурентки уже привыкли, что отстают обычно метра на два...

Финал начался неожиданно для меня — спортсменка из ГДР Ингрид Лотц посылает снаряд на 57 метров 21 сантиметр. Превосходный результат!

Да, бурный старт немки выбил меня из привычной колеи. В первой попытке мой диск летит за пределы сектора. Стадион в недоумении ахает...

Вторая попытка — 50 метров 56 сантиметров... Это же смех, а не бросок. Румынка Лия Манолиу, которая на десять лет старше меня, уже запустила снаряд на 56 метров 97 сантиметров. Болгарка Виржиния Ангелова, занимающая третье место, имеет в активе бросок на 56 метров 70 сантиметров. Ни Жёня Кузнецова, ни Нина Пономарева не могут собраться. Мое волнение передалось им. Жёня и Нина знают, что им не в силах совершить столь дальние броски, они с надеждой смотрят на меня.

Но диск летит неровно, как-то скособочась, и зарывается в землю не так далеко, как планировалось...

Ясно, что произошла декоординация движений. Я перестала контролировать себя. Десять лет жесточайших тренировок идут насмарку. Мне никто не может помочь. Виктор Ильич сидит на трибунах, он переживает за меня. А я подвожу его. Не хочу, не имею права оступиться, но... «Куда ты удаль прежняя девалась?»

В эту минуту ко мне подошла Нина Пономарева:

— Ты не имеешь права распускаться. Возьми себя в руки. Мне уже, очевидно, ничего не удастся сделать, а ты обязана... Слушай внимательно: с твоей декоординацией мы справимся. Я буду стоять на повороте как ориентир. Заметишь меня — только тогда должна работать корпусом. Собираешься?.. Повторяю снова — я стою как ориентир. Ты делаешь вращение. Когда вы-

ходишь из поворота и видишь меня... Только в этот момент...

Словом, не буду пересказывать всего, что говорила мне Нина. Вначале я слушала ее как в тумане. Это был голос из другого мира. А кругом ревели многотысячные трибуны, мешая сосредоточиться. До сознания с трудом доходило: «Пономарева... ориентир... вращение... ноги не должны опережать корпус...»

С помощью Нины я заставила себя абстрагироваться, отключиться. Вспомнила всю последовательность тонкой, сложной техники метания диска... Вернуть самообладание мне помогла мудрость старшей подруги... В финал я пробилась с результатом 55 метров 80 сантиметров — это был шестой показатель дня. Так как я занимала последнее место среди финалисток, то получила право метать последней. А это уже было кое-какое преимущество, ибо у меня всегда оставалась возможность для ответа.

Лишь в пятой попытке удался мой коронный бросок — диск ввинтился в небо и затем взметнул веер земли на отметке 57 метров 27 сантиметров... Это была победа. Первой бросилась меня поздравлять Нина Пономарева, у которой я приняла эстафету олимпийских побед в диске...

После соревнований я с Ириной снова поехала в Киото. Нам нравилось тренироваться в тишине, где нас мало кто узнавал, где не нужно было давать автографы. В Киото есть знаменитый философский «сад камней» (их пятнадцать), сад Дзэн. В этот сад приходят люди, которым необходимо отрешиться от суеты, сосредоточиться, подумать, осмыслить... Смотришь на пятнадцать камней, а видишь только четырнадцать. В каком бы месте ни стоял — всегда не можешь заметить одного, пятнадцатого...

— Вот тебе лучшая модель жизни, — говорила

Ирина. — Всегда в нашем познании что-то остается неизвестным, несосчитанным, неучтенным...

Могла ли я думать до олимпийского старта в диске, что растеряюсь как девчонка? Могла ли я думать, что душевная красота и щедрость Пономаревой придут мне на помощь в ту единственную минуту жизни, когда лишь ее опыт, опыт участницы четырех Олимпиад, мог выручить меня... Нет, эти мысли до 19 октября были неучтенными, несосчитанными, неизвестными. Старшая подруга по сборной Нина Пономарева преподавала хороший урок... В будущем я уже не бывала такой беспомощной. «В грозы, в бурю, в житейскую стынь» и когда мне было очень тяжело, я всегда ощущала помощь старших товарищей по работе, их мудрую и тактическую подсказку.

УХОДИМ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ

О гордости, о достоинстве, об олимпийском спокойствии Нины Пономаревой, о ее заботе о подрастающей смене я вспоминала не раз, когда пыталась решать вопрос вопросов всех именитых атлетов. В 23 года победа в Риме-60... В 27 лет еще две золотые олимпийские медали... В 29 лет финиш?

Как ты уйдешь из спорта? Вопрос вопросов... Надо научиться мужественно задавать себе этот нелегкий вопрос, надо уметь смело и твердо отвечать на него.

Никогда, даже в минуты самых опьяняющих взлетов, я не забывала о том, что неизбежно наступит день, когда придется навсегда выйти из круга. Да и Виктор Ильич Алексеев не давал нам — мне и Ире — забыть об этом. В самой основе его школы лежит один постулат: «Сегодня ты ученик, завтра — учитель! Сегодня ты спортсмен, завтра — тренер, врач, инженер. К этому переходу надо неустанно готовиться, приучать себя к

мысли, что в этом расставании с юностью нет ничего трагического, что суть жизни в другом: уходя — оставаться!»

Виктор Ильич исподволь и постоянно приучает своих старших учеников к мысли, что они — его помощники, что им можно в любой момент доверить подготовку новичков. «Покинешь круг, дистанцию, сектор — ты будешь нужен людям как специалист», — говорит Алексеев.

Все это я помнила, видела, знала, и все же конец моего спортивного пути наступил внезапно.

1966 год. Июль. Еще вчера я жила в таком привычном для себя ритме — непрерывные тренировки, в которые входила не только физическая, но и моральная подготовка к новым стартам, мысли о главных противниках (почему-то в нашей спортивной литературе слово «противники» стало чуть ли не запретным и заменено другим — «друзья-соперники», по-моему, фальшивым и слащавым). Нет, спорт — это борьба, а в ней противостояние неизбежно.

Я привыкла жить в ожидании тех минут высочайшего напряжения всех физических и духовных сил, когда все, что ты накопила внутри себя, в одно мгновение выражается в полете диска или ядра. Это было непрестанное чувство свершения чего-то еще неизведанного, предчувствие новых волнующих событий и одновременно ощущение предельной приземленности. Оно было связано с чугунной тяжестью ядра, безжалостной крылатостью диска, вбирающего в себя без остатка всю твою энергию. Тренированность — это всегда предельная усталость, без которой невозможно рождение вдохновенной легкости. Это я прекрасно знаю, всегда об этом помню, хотя иной раз кажется, не остается сил, чтобы добраться до души, сохранить в мышцах и голове то, что удалось накопить за сегодняшний день, чтобы завтра отшлифовать освоенное.

Часто бывало так — просыпаешься утром, первая мысль: удалось ли сохранить в себе вчерашнее? Обычно я еле сдерживалась, чтобы тут же с постели не броситься на стадион, в круг для метания, чтобы удостовериться: да, сохранила! Чем более высокого предела достигала моя тренированность, чем ближе день соревнования, к которому готовилась, тем все с большей тревогой я прислушивалась к себе: сумею ли подойти к тому мгновению, когда от меня потребуется все мастерство, готовность к любым неожиданностям?..

И вдруг... Финал... Последний день — он трудный самый. Знала, что он неизбежен, готовилась к нему, и все же как катастрофически внезапно пришел конец спортивного пути. Еще вчера я твердо стояла на ногах в круге для метаний. Сегодня я почувствовала себя одинокой, выброшенной на необитаемый остров. Кругом были близкие мне люди, Виктор Ильич предлагал тут же включиться в тренерскую работу, но...

Помню, долго я не могла заставить себя пойти на стадион. Два года не показывалась на легкоатлетических соревнованиях. Радио выключала, когда слышала знакомые имена. Старалась побыстрее пробежать четвертые страницы газет. Призы и медали спрятала подальше в шкаф. Даже вспоминать не хотела о том времени, когда стадион был моим родным домом. Тот дом был близок мне и в часы, когда он пуст и до самых краев наполнен блаженной тишиной, и в те минуты, когда он кипел страстями...

Что я чувствовала тогда? Пожалуй, прежде всего опустошение — и физическое, и духовное. Сказалось, наверное, напряжение многих лет, постоянные безжалостные требования к себе... Как это ужасно, когда вдруг исчезает чувство ответственности, ответственности перед собой, командой, перед страной. Много лет я не имела права проигрывать. Только побеждать! И вдруг

от меня никто ничего не ждет. Вот с чем трудно было примириться.

Какие только душеспасительные беседы не вела я сама с собой в те трудные дни! Убеждала: отдохнув, смогу помочь Виктору Ильичу в подготовке новых метательниц, свой жизненный опыт смогу использовать для работы в области спорта. А уход мой, я была уверена, бесспорно, сыграет положительную роль в росте молодых метательниц, ведь на них больше не будет давить авторитет Тамары Пресс, им не надо будет ориентироваться на результаты олимпийской чемпионки... Настанет день — и падут все мои рекорды.

И действительно. Не прошло и года, когда тихим вечером, работая за столом над планом диссертации, которая должна была обосновать методику тренировки юных метательниц диска, я услышала, что давняя моя противница Вестерман побила мировой рекорд в метании диска. А ученице Виктора Ильича Надежде Чижовой потребовалось два года, чтобы удлинить на восемь сантиметров рекорд в толкании ядра.

Вот только тогда, спустя два года после своего ухода из круга, я уступила окончательно свое место моим сменщицам, но к тому времени я уже смогла не умоглядительно, а по существу освоить мысль Виктора Ильича, что мы уходим из спорта, чтобы остаться в нем. Мы уходим, оставляя в спорте свое «я».

Мы уходим спокойные, ибо знаем: у нас есть сменщицы. Они-то и понесут нашу эстафету дальше. И высоты, не занятые нами, завоюют именно они...

* * *

С особой теплотой я всегда думаю о своих сменщицах — Фанне Мельник и Надежде Чижовой.

Вспоминаю год 1971-й. Как-то я тренировала группу своих девочек на стадионе ЦСКА. А в стороне

стояла невысокая, плотно сбитая девушка. Наблюдала за нами. Потом подошла ко мне и сказала:

— Тамара, я бы хотела тренироваться у вас. Думается, наш дуэт прозвучал бы, — сказала Мельник.

— Это невозможно, Фая, — отвечала я. — А куда же денется тренер Буханцов?

— Мы с ним окончательно разошлись. У него очень много учеников. Он каждому уделяет время, а я хочешь не хочешь все равно тренируюсь одна.

— У меня свободное время только после 19 часов, — сказала я. — Это первое. Но главное в другом — я тебе, наверное, ничем не смогу помочь. Ты достигла высочайшего класса, ты уже перешагнула мои представления о возможностях дискоболок, — и я обняла Фаю.

— Очень жаль, — сказала Мельник. — Через год Олимпиада в Мюнхене. Мне надо ее выиграть, и я остаюсь при убеждении, что вы смогли бы помочь... Но на нет и суда нет...

Этот разговор состоялся сразу же после чемпионата Европы, который завершился удивительной победой Фаины Мельник. Память моя сохранила столь впечатлительную и столь драматическую победу.

Мельник выходила метать в круг сразу же после мировой рекордсменки Лизель Вестерман, той самой спортсменки из ФРГ, которая отобрала у меня мировой рекорд и первая в истории спорта метнула диск за 60 метров... К 1971 году Вестерман довела мировой рекорд до 63 метров 96 сантиметров. Чемпионат Европы немка встретила в своей лучшей форме...

Фая, естественно, нервничала. Когда Вестерман, метнув диск, заступила, Мельник не воспользовалась ее промахом и послала снаряд далеко вправо. Диск пролетел за отметку 60 метров, но выскочил из коридора...

Во второй попытке немка решила поставить точку над «i» — она зафиксировала 61 метр 68 сантиметров...

Четыре раза подряд Фаина срывалась — ни один из ее бросков не засчитывался судьями.

В распределение призовых мест пробует вмешаться румынка Арджентина Менис — невероятно сильная девушка, которая при росте 1 метр 71 сантиметр и солидном весе (80 килограммов) обладает потрясающей взрывной силой: Арджентина преодолевает в высоту 145 сантиметров. В Хельсинки ее диск чуть-чуть не перелетает границу 60 метров — 59 метров 04 сантиметра.

Шестая попытка.

Последняя попытка.

Вестерман входит в сектор, уже чувствуя себя чемпионкой Европы. Она спокойна и горда. И результат ее хорош — 60 метров 68 сантиметров.

И вот — Фаина Мельник. Вся ее злость впрессована в эти мгновения перед броском. Отрешенность? Нет, собранность.

Снаряд вылетел с ее руки, набрав скорость около 100 километров в час, летел, казалось, долго-долго... А над олимпийским стадионом еще дрожало эхо ее крика: «А-а-а», вырвавшегося непроизвольно.

Нас часто спрашивают: «Зачем вы кричите?»

Мы разводим руками, не зная, как ответить. «Зачем ты кричишь, если на узкой тропе встречаешься с медведем?» — примерно такого же плана вопрос о крике дискоболок. Мы даже сами не отдаем себе отчета, что кричим..

Еще не потух крик Мельник, а судья уже передвинул голубой флажок мирового рекорда к отметке 64 метра 22 сантиметра. Теперь Мельник может радостно прыгать, махать костюмом — она не просто победила. Она вернула в нашу страну мировой рекорд, который после моих достижений пять лет кочевал между ФРГ и ГДР, прописываясь то в одной, то в другой стране.

12 августа 1971 года Фая установила свой первый мировой рекорд. Кажется, именно в тот день она «нокаутировала» всех соперниц. Вестерман больше не оправилась от удара и даже на Олимпиаде-72 не могла составить конкуренцию Мельник.

За выдающиеся спортивные достижения Фаину Мельник советское правительство наградило орденом «Знак Почета». И в день, когда был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР, Фая установила еще один мировой рекорд — она послала снаряд на 64 метра 88 сантиметров. Причем этот бросок она совершила на международных предолимпийских состязаниях в Мюнхене. В своей передовой «Советский спорт» писал:

«Так замечательная спортсменка ответила на награду Родины.

Сегодня, когда высшие достижения поднялись до небывалых высот, при одинаковых физических данных и технической подготовке побеждает тот, у кого сильнее воля, кто умеет все отдать победе, кто дерзает и мужественно борется до конца. Именно такой атлет вписывает золотыми буквами свою страничку в историю спорта. Это нелегко. Но настоящие спортсмены всегда шли к победам, преодолевая трудности. И народ всегда воздавал им должное. За мужество! За дерзание! За подвиг!»

Фаина Мельник — постоянный возмутитель спокойствия. На каждом соревновании она стремится к предельному результату. Поставив в 1971 году рядом два флажка — голубой (рекорд мира) и красный (рекорд СССР), Фаина лишь однажды в заочной борьбе уступила лидерство румынке Менис. Арджентина, которую тренирует профессор Ион Берг и консультирует олимпийская чемпионка Лия Манолиу, сумела на первом же послеолимпийском турнире в Констанце метнуть «килограмм» на 67 метров 32 сантиметра.

Когда Фая узнала об этом рекорде, она лишь улыбнулась:

— Подождем до следующего старта. Метать по «средам» хорошо, но все же почетнее по «праздникам»...

Фая имела в виду то обстоятельство, что на Олимпиаде-72 Менис уступила Мельник.

На пресс-конференции в Мюнхене румынка сказала:

— Арджентина в переводе с румынского означает — серебряная. Значит, мне сама судьба велела быть второй...

До этого броска Менис лучшей спортсменкой за всю историю Румынии считалась Иоланда Балаш — двукратная олимпийская чемпионка по прыжкам в высоту. Теперь, после очной и заочной дуэли между Менис и Мельник после бурных, страстных дискуссий на страницах печати и различных конференциях, серебряная Арджентина Менис признана и журналистами, и спортивной общественностью лучшей наряду с Балаш спортсменкой Румынии...

Интересная деталь: спортсменка, проигравшая советской метательнице, признается лучшей за всю историю Румынии. Представляете? Она, оказывается, лучше, чем феноменальная Лия Манолиу, которая принимала участие в шести Олимпиадах и всегда была в числе лидеров. Впервые она вышла на арену в 1952 году. В Хельсинки Лия уступила Пономаревой, в Мельбурне, через четыре года — Фикотовой, еще через четыре года — снова Пономаревой, еще через четыре года — мне. И лишь в 1968 году, когда все мы, олимпийские чемпионки предыдущих лет, сошли, она стала в Мехико обладательницей золотой медали... А потом еще пыталась отстоять свое звание в Мюнхене-72. Лия Манолиу сейчас работает заместителем председателя Национального совета физвоспитания и спорта, заместителем председателя Национального олимпийского комитета...

В 1976 году Мельник установила свой одиннадца-

тый мировой рекорд. 70 метров 50 сантиметров пролетел ее крылатый диск. Фая первой перешагнула заколдованную границу 70 метров.

Это ее результат я бы поставила на второе место в мире за всю историю. Лишь легендарный прыжок американца Бимона на 8 метров 90 сантиметров стоит выше. Результат американца Стоунза — 232 сантиметра — может лишь в какой-то мере поспорить с фантастическими метрами Фанны.

Когда делаю такой вывод, это вовсе не значит, что я упиваюсь звучанием цифр — 890! 232! 70,50! Нет, может быть, кому-то более ласкают слух 200 килограммов, поднятые в рывке болгарским богатырем Христо Плачковым? Но задумаемся: болгарин еще не одержал ни одной победы на международной арене, он все время где-то рядом, где-то в тройке. Конечно, рекорды тяжелоатлетов впечатляют, но все они показаны в острой борьбе, ибо три соперника почти равны в силе...

А прыжок-полет Бимона? Кто за последние восемь лет хоть однажды приблизился к результату 890 сантиметров? Хотя бы на полметра... Даже сейчас, в 1977 году, мы иногда радостно отмечаем: а Подлужный имеет в своем активе прыжок на 814 сантиметров... Переверзев однажды пролетел 821 сантиметр... Они завоевали путевки в Монреаль... 814 сантиметров и 890 — небо и земля!

231 сантиметр, которые преодолел в 1976 году Дуайт Стоунз, они ведь тоже пришли к нам из области фантастики. Со времен 1963 года, когда неповторимый Брумель перекидным преодолел 228 сантиметров, лишь два спортсмена — Патрик Матцдорф и сам Стоунз — прыгали выше. Мы сейчас с восторгом пишем: «Сенюков преодолел 226 сантиметров». А ведь от этих 226 сантиметров до 232 сантиметров расстояние, как от Москвы до Луны...

Так же высоко я оцениваю и результат Мельник.

Трудно назвать другую спортсменку, столь зримо, столь ощутимо мощную, столь превосходящую своих соперниц, столь возвышающуюся над ними. В отдельных попытках она может держаться в тени, выпустить кого-то вперед, дать кому-то порезвиться, но в любом соревновании она найдет бросок, который перечеркнет усилия остальных спортсменов... Одиннадцать мировых рекордов! Это не укладывается в голове. За десять лет занятий диском я установила всего шесть рекордов, а ведь меня называли в свое время ненасытной и жадной. Как же можно охарактеризовать безудержную погоню за рекордами 31-летней москвички?

Меняются у нее соперницы. Сдаются. Уходят с поля боя. Появляются новые. Искусственным светом журналисты высвечивают новые имена, а Фаина знай себе всех сокрушает!

За последние годы Мельник никому не уступила в состязаниях. Ее выступления, особенно за сборную страны, — это образец самоотверженности и преданности команде.

В июне я специально поехала в Подольск, чтобы посмотреть на тренировку Мельник. Фая занималась вместе с Евгением Лутковским, моим старшим товарищем по школе Алексева (Женя сейчас тренер сборной страны по метаниям). Мне сказали на спортбазе, что Фая недавно грипповала, что сейчас она в плохой форме и что... лучше ей на глаза не попадаться.

Вообще у нас любят поговорить о спортсменах. И кто на ком женат... И у кого какая машина... И кто недавно нарушил правила движения — не остановился по требованию инспектора ГАИ...

Пусть говорят...

Небо было обложено черными тучами. На опушке леса, где Фая посылала в высокую траву диск за диском, дождь не проливался каким-то чудом. Мельник кричала свое: «А-а-а!», и ее броски были все под

шестьдесят метров. Двадцать бросков подряд! Вот вам и «она сейчас не в форме»!

Когда дождь все же разразился над лесом, Фая спряталась под кронами деревьев — метать в дождь опасно, можно травмировать ногу...

— Как состояние? — спросила я.

— Отвечу в Монреале! — Фая подала мне локоть для рукопожатия, ибо ладони ее были черными от металла и грязи...

Не хотелось волновать Фаю дежурными вопросами, и я пошла на маленькую хитрость:

— Фая, хотим утвердить тебя главным судьей все-союзных соревнований учащихся профтехучилищ... Не откажешься?

Она растерялась:

— Но ведь я поеду на Олимпиаду!

— В августе это будет! — я рассмеялась.

Дорого дали бы мне некоторые товарищи, которые никогда в жизни не видели растерявшуюся Мельник.

Пожелала ей успеха. Попрощались. И ни она, ни я не знали, что буквально через несколько часов она получит телеграмму: «Умер отец»... Фая рванется в родной дом... Она простится с отцом... Ее никто не будет ждать на чемпионате страны в Киеве, но она успеет к квалификационным состязаниям.

Лишь в борьбе за медаль она могла забыться, отрешиться от трагедии. Всю невысказанность горя она вложила в свой золотой бросок — 67 метров 12 сантиметров. Ближайшая конкурентка отстала на два метра...

В одной из наших бесед я поинтересовалась у Нины Думбадзе — человека, разбирающегося в диске, установившего за свою жизнь 21 всесоюзный рекорд, каждый из которых превышал официальное мировое достижение, — так вот я спросила: «Какой результат надо ожидать в метании диска в 2000 году». Думбад-

зе подумала и сказала: «70 метров... Но вы, конечно, извините меня за полет фантазии...»

Сегодня диск Мельник уже летал к отметке 70 метров 50 сантиметров. А что думает сама мировая рекордсменка о будущих достижениях.

— Надо мечтать о 80 метрах, — твердо говорит она. — Я хочу установить 20 мировых рекордов... Пока я на полшага опережала дискоболов-мужчин... Я первой перемахнула через 70 метров, а американец Уилкинс ответил мне броском на 70 метров 86 сантиметров... Он меня «завел»... Я вообще люблю, когда меня перед борьбой заденут за живое. Спортсмену необходимо раздражение. Когда я злюсь, я значительно сильнее...

Вы не всегда верьте Фае — иногда она нарочно напускает на себя: мол, я и злая, и загадочная, и демоническая... Но известный французский обозреватель по легкой атлетике Р. Парианте на страницах газеты «Экип» дал отличную характеристику Мельник: «Мне очень понравилось настроение Надежды Чижовой и Фаины Мельник. Они веселы, общительны, уверенны в себе, и, наверное, молодым следует именно этому у них поучиться...»

Вот так логически получилось, что, говоря об олимпийской чемпионке в метании диска, пришедшей мне на смену через восемь лет после токийской победы, я, по воле французского журналиста, должна сказать и о другой своей сменщице — об олимпийской чемпионке в толкании ядра Чижовой. О Наде.

Ее сразу же стали называть моей «сменщицей», «преемницей», сопоставив наши биографии. Получалось действительно забавно: мой тренер Владимир Пантелеймонович Бессекерных, как я уже говорила, написал письмо Алексееву и попросил проэкзаменовать свою ученицу. О факте моей биографии упоминали в печати неоднократно. Прочитал об этом и в далеком

Усолье-Сибирском тренер Нади Чижовой — Дмитрий Николаевич Гладышев. «А почему бы и мне не рискнуть?» — и он написал письмо в Ленинград.

Я приехала в город на Неве в предолимпийский 1955 год.

Надя Чижова прилетела в Ленинград в предолимпийском 1963 году.

На этом, как мне казалось, сходство биографий должно было закончиться. Надя не произвела на меня никакого впечатления: она была значительно ниже ростом, да и вес у нее оказался небольшим. Мне она представлялась ординарной ученицей, и где-то в глубине души я не понимала Алексеева, когда он дал «добро» на ее поступление в свою школу.

Первые же тренировки убедили меня, что у сибирячки твердый характер, железная воля и очень четкие планы.

Как же все-таки гениален Виктор Ильич, если он в этой девочке увидел будущую чемпионку! Что он оценил в ней запал и настойчивость, требовательность к себе.

Признаюсь первый раз в жизни: я не всегда могла выполнять до конца объемы, предлагаемые Виктором Ильичом. Я работала обычно до седьмого пота. Каково же было мое удивление, когда рядом со мной эта девчонка трудилась до десятого пота. И звали ее многообещающе — Надежда...

Виктор Ильич рассказывал, что, получив в 1963 году письмо из Усо́лья-Сибирского и ответив адресату, он в хлопотах и предолимпийских заботах забыл о своем вызове. И вот однажды осенью, когда он читал лекцию в Парке имени Кирова, ему потребовалась помощница для демонстрации движений.

— Кто может помочь? — спросил Алексеев.

На эстраду вышла угловатая девчушка. Она очень старалась понравиться Алексееву. И когда он, пожимая

ей руку, спросил: «Как вас зовут?» — она ответила: «Я Чиждова из Усолья».

— Какая Чиждова? — переспросил Алексеев, выигрываая время и старательно вспоминая события последних месяцев.

— Вам же мой тренер писал из Сибири.

— Где вы остановились? — моментально вспомнил Виктор Ильич.

— В общежитии «Спартака».

— Жду вас на тренировку.

Виктор Ильич был очень расстроен, когда Надя толкнула ядро лишь на 14 метров. Стоило ли ехать за 7 тысяч километров, чтобы показывать здесь такие слабые результаты?

Наверное, другой тренер на месте Алексеева сразу же распроштался бы с Чиждовой. Но чутье подсказало Виктору Ильичу: «В характере девочки что-то есть! Что-то!.. А что — пока неясно...»

Надя на меня не обидится, если я скажу: ее успехи — это прежде всего не следствие ее таланта, а результат колоссального трудолюбия. Выдающимся талантом (как Брумеля, например!) природа Надю не наградила. Но Чиждова недостаток физических данных полностью искупала отличной координацией... А если приплюсовать сюда и исключительную добросовестность, и абсолютную честность, и принципиальность, и человеколюбие?! Кстати, последнее качество очень ценное — Надя доброжелательна к юным спортсменам алексеевской школы, она с энтузиазмом помогает молодым.

Позанималась Надя в нашей школе два года — и я вынуждена была расписаться в собственной близорукости. Рядом, незамечаемая мною, выросла классная спортсменка.

В 1966 году я принимала участие в организованной Гаврилом Коробковым поездке по Австралии и Новой

Зеландии. Турне было незабываемым. Когда еще придется побывать в южном полушарии? Но из турне я вернулась психологически очень подавленной. Я чудовищно устала, каждый день выступая в состязаниях. Причем, хотя у меня и не было достойных соперниц, я не имела права обидеть новозеландцев плохими результатами. Я постоянно посылала диск на 55—58 метров, а ядро — за 18... Летели мы обратно через Бомбей. В 25-градусную жару я купила огромный букет красных роз. В московском аэропорту нас встретила 25-градусная стужа. Такой перепад температур показался символичным. В 1966 году я уже устала от нагрузок. На «военном совете» с Алексеевым уже было решено, что я в последний раз выступаю на первенстве страны, выигрываю и... Прощай, спорт!

Наш договор был величайшей тайной, в которую мы посвятили только Ирину. Впрочем, и сестра моя в 1966 году уже увлеклась научной работой, создала группу барьеристок, проводила эксперименты, пользуясь советами Виктора Ильича...

Я вся кипела в ожидании встречи с новой жизнью, ибо уже готовилась к экзаменам в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. И я устала от стадиона. Плюс 25 — и минус 25...

Ни в каких состязаниях я участвовать не хотела, да просто не могла, но один из руководителей Всесоюзной федерации легкой атлетики упрекнул меня:

— В Новой Зеландии ты выступать можешь, а в нашем манеже — извините?..

Фраза хлестнула как ремнем. Я вышла на старт и первый раз в жизни проиграла Чижовой. Нас разделяло всего несколько сантиметров, но сам проигрыш подстегнул меня. Вообще за всю жизнь, как я стала чемпионкой, я лишь четыре раза была второй. К новому сезону пришлось готовиться «во весь голос».

В 1966 году я выиграла все состязания, в которых участвовала. На первенстве страны дала прощальный бой Надежде — победила ее. И ушла...

Покидала спорт со спокойной совестью — Чижова надежно подстраховывала меня. Ученица Алексеева сразу же почувствовала себя лидером сборной страны. На первенстве Европы 1966 года она толкнула ядро на 17 метров 22 сантиметра и стала золотой медалисткой. Результат этот был по тем временам высочайшего международного класса.

17 метров 22 сантиметра... С этого начался ее триумфальный путь. Надежда — единственная советская спортсменка, которая четыре раза подряд была чемпионкой континента.

Чижову считали наиболее вероятной претенденткой на золотую медаль в Мехико-68. В газете «Советский спорт» первая советская олимпийская чемпионка в толкании ядра Галина Зыбина, как бы передавая эстафету, писала:

«Признаюсь, когда я в 1952 году уехала в Хельсинки, у меня было гораздо меньше оснований рассчитывать на золото, чем у Нади Чижовой. Сейчас в Мехико спортивная форма у нее отличная. Характер самый спортивный, да и возраст самый что ни на есть олимпийский — 29 сентября ей исполнилось 23 года.

...Я знаю, что Наде уже сейчас по плечу и 19-метровый рубеж. Кстати, убеждена, что взят он может быть именно на Олимпиаде. Для победы в Мехико, видимо, нужен будет результат где-то в пределах 18 метров 60 сантиметров. Право, это не так уж сложно — взять и толкнуть...»

Я не оборвала цитату, это сама Галина Ивановна так закончила обозрение: «Верю — будет золото».

А в другой статье «Традиции, которые мы нарушаем» журналист М. Марин заранее бил в литавры:

«Говорю Наде: «В вашей победе я тоже не сомневаюсь. Но только победить для вас, милая Надя, мало». — «Как это мало? — говорит Чижова. — Для вас, журналистов, теперь все, что ни сделай, мало. Толкнула в Ленинграде на мемориале Знаменских ядро на 17 метров 66 сантиметров, а вы уже пишете — поскромничала...» — «Правильно, пишем. Потому что ждем от вас, Надя, победы убедительной. Ждем 19 метров, и вы это сами понимаете». — «Понимаю, — говорит Надя. — Но трудно ведь. Знаете, чем можно толкнуть за девятнадцать? Только трудом и головой Алексеева». — «Ну и очень хорошо — трудиться вы умеете, а голова у Виктора Ильича... Всем бы такую голову. Так, значит, можно... И не только можно, очень это нужно — за девятнадцать...»

Но Олимпиада есть Олимпиада! Олимпиада — фантастические рекорды, великолепные победы и горькие поражения, бушующие трибуны, подвиги мужества и воли, крушение иллюзий... Олимпиада — это одна попытка в четыре года завоевать единственное звание, которое не имеет приставки «экс».

В 1968 году в Мехико с непередаваемым подъемом выступала метательница из ГДР Маргитта Гуммель. Уже в третьей попытке она послала снаряд на 19 метров, 07 сантиметров. А в пятой... увидев цифры на табло, Гуммель ахнула и закрыла лицо руками. Она сама не ожидала, что установит столь фантастический рекорд — 19 метров 61 сантиметр!

Надя растерялась. Виктор Ильич сидел на трибунах, он делал Наде ободряющие знаки. Но она не могла прийти в себя. Со скромным для себя результатом — 18 метров 19 сантиметров — она осталась на третьем месте.

Из Центральной Америки Надя вернулась на Родину расстроенной. Она старалась никому не попадаться на глаза. Даже пыталась оставить спорт. Виктор Иль-

ич признавался мне, что такого исхода он никак не ожидал. Надю могли превзойти на десяток сантиметров. Но здесь она отстала на полтора метра! Чем это объяснить? Где совершен просчет? Как использовать резервы хорошо тренированного организма? Как вернуть уверенность спортсменке, пережившей неожиданный и оттого вдвойне тяжелый удар?

В этот период Виктор Ильич надумал перевооружить Надю — он разработал для нее новую технику толкания. Алексеев добился разрешения — и Чижова на полгода исчезла из сектора для толкания ядра. Поговаривали, что она уже никогда не оправится от «нокаута»...

Но через четыре года Надежда победила на Олимпиаде в Мюнхене-72, установив мировой рекорд. Еще раз весь спортивный мир убедился: своих учеников Алексеев умеет вести от поражений к победам!

Вспоминаю еще раз свою биографию. И хотя поражений в моей судьбе было немного, но они все же случались. Особенно запечатлелась неудача в поединке с молодыми метательницами из команды ГДР. Правда, ни одной из них я ни разу не уступила на официальных соревнованиях — Олимпиадах и первенствах Европы. Но в середине шестидесятых годов немки все ближе подбирались к мировым достижениям. И стоило мне в июле 1966 года уйти из спорта, как сразу же первой метательницей Европы стала Кристина Шпильберг.

Именно она, 24-летняя слушательница Немецкой высшей школы физической культуры, возглавила отряд метательниц ГДР, которые не смирились с моим восьмилетним господством в секторе для метания «летающего килограмма» и, собирая силы, готовились дать мне решительный бой. Первый сигнал немки «В атаку!» прозвучал еще в Токио-64: неизвестная мне спортсменка из ГДР Ингрид Лотц, как я уже говорила, в

первой же попытке послала диск на 57 метров 21 сантиметр.

И хотя до моего мирового рекорда — 58 метров 29 сантиметров — оставался добрый метр, я встревожилась. Неотразимый эффект этого броска заключался в том, что он был первым (помните, как у Цыбуленко в Риме). Значит, эта Ингрид может метнуть и лучше? Как отбросить малодушную мысль: «Неужели не догнать?» Как утвердить себя в осознанной необходимости: «Нет, я должна!»? В советской олимпийской команде было три человека, от которых ждали только победы, — от Валерия Брумеля, которого трижды признавали лучшим спортсменом года и награждали «Каравеллой», от Юрия Власова, которого иначе, как «сильнейший человек планеты Земля», за последние четыре года и не называли; третьей в этом списке была я, не знавшая поражений в диске с 1960 года... Знаете, какой это неумолимый пресс: «Ты обязана победить! На тебя вся страна надеется!»

Бремя лидерства — бремя нелегкое. Каждому хочется победить именно тебя! Нелегка она, шапка Мономаха!

Власов проиграл Жаботинскому... Я еле-еле выиграла шесть сантиметров у Лотц... Брумель лишь по попыткам опередил американца Томаса — оба спортсмена взяли высоту 218 сантиметров, что было на 10 сантиметров хуже мирового рекорда Брумеля...

Итак, первой в наступление против меня пошла Ингрид Лотц, она чувствовала за своей спиной уверенную поддержку Дорис Мюллет-Лоренц, Ирены Гризер. Именно у этих девушек и училась будущая чемпионка Европы и мировая рекордсменка Кристина Шпильберг.

Взлет ее начался броском на 57 метров 76 сантиметров, которым она повергла тогдашнюю мировую рекордсменку Лизель Вестерман из команды ФРГ. Да-

вая оценку новой чемпионке континента, Нина Думбадзе сказала:

— Кристина, по-моему, больше других приближается к идеалу современной дискболки.

Женский диск так легок, что идеальному типу метательницы не нужно обладать какой-то сверхсилой. Все решает скорость в сочетании с силой.

Шпильберг обладала качествами, о которых упоминала Думбадзе. Она, будучи метательницей, прыгала в высоту на 158 сантиметров и толкала ядро на 14 метров 98 сантиметров. Уже в 16 лет Кристина метнула диск на 40 метров 92 сантиметра...

Как ни странно, поначалу результаты Шпильберг росли медленно. «Можно ли сдвинуться с мертвой точки?» — этот вопрос уже начинал волновать Кристину. И тогда-то Шпильберг по совету толкательницы ядра Бэрбель Браун всерьез занялась... ручным мячом. Динамичная игра научила ее скорости. Скорости движения и скорости мышления.

Неоценимую помощь принесли занятия спортивной гимнастикой — упражнения на бревне и разновысоких брусьях.

Разумеется, Шпильберг никогда не забывала о шлифовке техники метания.

Работая бухгалтером, Кристина закончила вечернюю школу. Долгое время прячась в тени старших подруг, Шпильберг первый раз стала возмутительницей покоя на чемпионате Европы в 1966 году, а второй на состязаниях в небольшом городке Регис Брейтинген, где 26 мая 1968 года метательница послала диск на 61 метр 64 сантиметра, превысив на 38 сантиметров мировое достижение западногерманской метательницы Л. Вестерман.

Взлеты И. Лотц, а затем К. Шпильберг еще раз подтвердили обоснованность моих взглядов: я всегда считала немецких дискболок и толкательниц ядра самы-

ми сильными соперницами. У меня в картотеке памяти и по сей день осталась история поражения в толкании ядра от спортсменки из ГДР Ренаты Гариш.

В 1961 году в Берлине шел матч по легкой атлетике между сборными РСФСР и ГДР. Меня заявили в двух видах — метании диска и толкании ядра. Настроение было превосходным: рекорд мира — 17 метров 78 сантиметров принадлежал мне. Вот уже два года к нему никто не мог приблизиться.

Стадион имени Фридриха Людвига-Яна был переполнен. Матч транслировался по телевидению. За единками следили, стало быть, миллионы зрителей. Было бы неверным утверждать, что я пребывала в благодушном состоянии. Но и нельзя, конечно, сказать, что я испытывала чувство тревоги. Моей соперницей оказалась Рената Гариш. Эта девушка уже выступала на Олимпиаде-60. Но в Риме я Ренату, откровенно говоря, «не увидела». Тогда я была целиком поглощена дуэлью с другой представительницей команды ГДР — Иоганной Лютге, которая завоевала серебряную медаль.

Через несколько месяцев соотношение сил на «немецком небосклоне» изменилось — рекордсменкой ГДР стала Рената Гариш.

Краткое сообщение о ее достижении прошло мимо моего внимания.

И вот мы встретились. Толкаю ядро в первой попытке за 16 метров. Затем достигаю отметки 17 метров... И... успокаиваюсь. Кажется, что этот результат уже сам по себе есть гарантия победы, ведь рекорд ГДР, принадлежащий Гариш, равен 16 метрам 40 сантиметрам.

В последней попытке на всякий случай для стопроцентной гарантии «кладу» ядро на 7 сантиметров дальше 17 метров. Отхожу в сторону, уверенная в своей

победе. Никто в мире дальше 17 метров не толкает — и не станет же сегодняшний день исключением?

Когда Гариш шла, чтобы выполнить последнюю попытку, неожиданное чувство тревоги пронзило меня. Рената долго выбирала ядро, как будто искала то, что весит меньше четырех килограммов. В круг немка вошла пружинистой походкой. Толчок ее был впечатляющим. Ядро еще не опустилось на землю, но стало ясно — оно упадет дальше моего результата...

Тишина, висевшая над трибунами, сменилась взрывом восторга и аплодисментов, когда на табло появились цифры — 17 метров 17 сантиметров — новый рекорд ГДР... И мое первое поражение за последние три года. Может быть, это первый звонок? Сигнал бедствия?

— Конечно, ничего страшного не случилось, — успокаивала я себя.

Надо внимательно присмотреться к Ренате. Кто она? Чего от нее ждать в будущем?

Хотя 1961 год прошел успешно, я выиграла все состязания, в которых выступала, но горечь от поражения в Берлине не проходила: она то затихала, то вновь вспыхивала. И хотя встреч за рубежом у меня было много, с Ренатой встретиться не удалось. Сама того не сознавая, Р. Гарниш держала меня в постоянном напряжении и практически во многом гарантировала мои последующие победы. Подготовительный период 1961 — 1962 годов был для меня самым плодотворным.

Освободиться от постоянного гнета мне помогала учеба в институте. На четвертом курсе нужно было сдавать много чертежей. Сидя над доской, я успокаивалась. Выходя утром на стадион, снова вспыхивала. Я готовилась к поединку, знала, что, пока не встречу с Ренатой, покоя мне не будет.

А в это время в газетах — в «Советском спорте»,

в «Дойчес шпорт эхо» и «Нойес Дойчланд» — появились заметки, в которых обсуждалось: смогу ли я составить конкуренцию Гариш на первенстве континента в 1962 году?

А пока в 1961 году Ренату назвали лучшей спортсменкой ГДР. Такое признание — большой почет, но и огромная ответственность. Я знала, что Рената усиленно готовится к чемпионату Европы. Ну что ж, тем интереснее будет наша встреча.

А сейчас учеба, тренировки, тысячи упражнений... Ожидание и тревога.

Итак, до встречи на стадионе.

На одной из прикидок я вывихнула палец правой руки. Месяц лечилась, но палец продолжал ныть. Ждать окончательного выздоровления у меня не оставалось времени. Пришлось взяться за ядро. Училась улыбаться, хотя ладонь горела. Маленькое ядро казалось раскаленным шаром. Чувствовала я себя в секторе, словно слепая после операции. У ослепшего человека одна мысль — будет ли он снова видеть. У меня — смогу ли я соревноваться?

Лишь в конце мая 1962 года представилась возможность встретиться с Ренатой Гариш, которая к тому времени вплотную приблизилась к мировому рекорду. В ее активе был прекрасный результат — 17 метров 58 сантиметров — всего на 20 сантиметров хуже моего высшего результата.

В Лейпциге, где должны были состояться состязания, немецкие журналисты с любопытством расспрашивали меня: «Как вы себя чувствуете?», «Верно ли, что серьезная травма мешала вам?», «Не пугает ли вас достижение Гариш?»... По всему чувствовалось, они верили в победу своей соотечественницы.

Но и я решила бороться, как говорится, до последнего дыхания.

Предполагалось, что на соревнованиях в Лейпциге

в первый день будет проведено метание диска, во второй — толкание ядра. Но вдруг распорядок состязаний изменился. Самое неприятное ждало меня — метание диска и толкание ядра были назначены с перерывом на 20 минут. Что делать мне? Выступить только в метании диска? Пропустить толкание ядра?

Спокойнее, спокойнее... Разберись хладнокровно, говорила себе. Метание диска... Но не потребует ли борьба такого напряжения сил, что уже ничего не останется для дуэли с Гариш? Надо благоразумно отказаться от участия в метании диска... Но не выскажу ли я этим решением своего страха перед Гариш? Не дам ли дополнительную фору своим соперницам в метании диска, ведь ясно, что именно метательницы ГДР будут главными претендентами на золото на первенстве Европы... Мне вспомнилось, как в феврале 1960 года по грязи и хляби Петр Болотников пробежал на одном из рядовых соревнований 10 километров быстрее 29 минут. По тем временам это был замечательный результат. Когда Петра спросили, не рано ли он показал свои козыри, Болотников ответил: «А кто знает, что ждет меня на Олимпиаде в Риме? Жара? Холод? Ветер? Дождь? Я готовлюсь к борьбе со всеми случайностями, и мне незачем взвешивать на сверхточных весах свое самочувствие. Так ведь и продешевить недолго. Олимпийские игры ждут не примадонн, не жеманниц из института благородных девиц. Они ждут настоящих бойцов». И Болотников в Риме блестяще доказал свою правоту: он победил так уверенно, что стал одним из героев Олимпиады-60, достойным наследником славы великого Куца...

Итак, судьба испытывала меня, предлагая выбор: диск или ядро? Но раз уже несколько лет назад решилась на то и на другое, то сейчас не имею права отказываться ни от одного из этих испытаний.

В секторе для метания диска меня поджидала мощ-

ная сборная ГДР. Все девочки как на подбор — рослые, сильные, ни в чем мне не уступающие.

Первая попытка. Я метаю диск неудачно. Остальные спортсменки кладут диски за пятидесятиметровую отметку.

Вторая попытка. Я все-таки выхожу в финал.

Заключительная попытка. 58 метров 17 сантиметров пролетает диск, выпущенный из моей руки. Лучший результат сезона. Как выяснилось позже, майский рекорд так и остался в первой строчке достижений за 1962 год.

Но победа в диске далась мне с большим трудом. Усталость сковала мышцы. Свежести, которая необходима для толкания ядра, не было и в помине.

А чаша стадиона в эти минуты стала напоминать парную в бане. Температура воздуха поднялась до 30 градусов — нечем было дышать.

Состязаний в толкании ядра ждали в Лейпциге с нетерпением. Гариш на разминке творила чудеса. Рената думала, что я растеряюсь, увидев ее броски. Но у меня не было сил наблюдать за разминкой соперницы. Единственная мысль сверлила меня: «Восстановиться! Отвлечься! Все твои будущие золотые медали на чемпионатах Европы и Олимпиадах куются сегодня. Или Гариш уйдет со стадиона окрыленной победой и... тогда очень трудно будет ее догнать, или...»

Неожиданности, которые подстерегали меня с утра, не кончились после победы в метании диска. Когда я уже готовилась к первому толчку ядра, судья-информатор объявил по радио, что состязания переносятся... на 20 минут. Я впала в отчаяние — боялась «перегореть», ибо держать себя в течение двух с половиной часов в состоянии огромного нервного напряжения очень трудно. Я ведь не йог, хотя и знакома с этой системой. Два с половиной часа терпения. Знаете, что мне помогло выдержать напряжение? Я представила себе, что бегу

марафонскую дистанцию — 42 километра 195 метров, — для преодоления этого расстояния надо, очевидно, два с половиной часа. О чем думает марафонец, когда он меряет нескончаемые километры? Не раз этот вопрос задавала я марафонцам. Сергей Попов, который в 1958 году в Стокгольме пробежал последний километр с лавровым венком, отвечал: «Я говорю себе: «Терпи! А потом это терпение окупится!»... Абебе Бикила говорил так: «Ни о чем не думаю, когда бегу. Мне нравится сам процесс бега...»

Занятая своими мыслями и воспоминаниями о великих тружениках-бегунах, я не заметила, что вокруг сектора устанавливают дополнительные теле- и кинокамеры.

Наконец судья вызывает участниц.

Рената толкает ядро на 17 метров 28 сантиметров — здорово!

Мой ответный комплимент — 17 метров 30 сантиметров. Впереди лишь на ноготок. Но впереди.

Гариш волнуется. А кинокамеры жужжат, как пчелы.

Во второй попытке я достигаю уже 17 метров 48 сантиметров.

Чувствую себя превосходно. Голова работает четко, мышцы послушны, в теле легкость, уверенность — это и есть та высшая спортивная форма, о которой мечтают спортсмены. В таком состоянии, кажется, нет ничего невозможного. Делаю третью попытку. Где-то далеко позади от места приземления ядра осталась линия 17 метров. Выхожу из круга, ко мне бегут люди — поздравляют.

Подходит Рената Гариш и, улыбаясь, говорит:

— Ты победила!

На табло вспыхивает: «18 м 55 см»... В такой результат я даже сама не верила. Старый мировой рекорд побит сразу на 77 сантиметров.

После этих соревнований я поняла, что борьба на

чемпионате Европы будет упорной, но и мои шансы на победу в Белграде значительно возросли. И не ошиблась. В Югославии я выиграла первые места в диске и ядре, причем в ядре с тем же результатом, что и в Лейпциге, — 18 метров 55 сантиметров.

«ПОБЕДА» НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Как-то Гавриил Витальевич посоветовал мне купить в Нью-Йорке вискозную майку.

— Мелочь мелочью, а, глядишь, сантиметров двадцать к своему мировому прибавишь.

— Значит, все дело в майке? — пошутила я.

— Разумеется, рост рекордов связан с совершенствованием методики тренировок, — ответил Коробков. — Но иногда на рекорд влияет и инвентарь. Мне всегда казалось, что наше дело — это делать лучше спортсмена, воспитывать его характер, совершенствовать координацию, развивать его силу, выносливость, скорость. Однако технический прогресс властно вмешивается и в область спорта. Глупо не замечать его и не считаться с ним...

Возьми прыжки с шестом. Сначала спортсмены прыгали с деревянной палкой, вбив на конце гвоздь. Затем в дело пошли бамбуковые снаряды, затем — металл. А вот теперь — пластмасса. Что такое современный шест? Это катапульта, пружина. Шест делают специально для каждого спортсмена, учитывая его вес, рост и хват...

В 1963 году в Америке я стояла рядом с Коробковым, когда он разговаривал с «летающим пастором» — двукратным олимпийским чемпионом Бобом Ричардсом. Мы смотрели, как Джон Юлсес с фиберглассовым шестом преодолевал высоту 5 метров.

Ричардс покачал головой:

— Черт побери, как много пришлось мне поработать, чтобы достичь 4 метров 70 сантиметров со стальным шестом, и как просто они достигают результатов далеко за 5 метров. Юлсес как спортсмен не лучше, чем я, Брегг или Гутовски. Но у него другой шест. Мы работали на шесте, а у Юлсеса шест работает на него. Надо только его хорошо согнуть. Это уже другой вид спорта...

Вам, наверное, интересно будет знать, что Брэгг, после того как был побит его рекорд, положил в банк на имя Джона тысячу долларов с запиской: «Выдать Джону Юлсесу, если он прыгнет на 16 футов (487 см) со стальным шестом «Гилл Пол». И Брэгг ничем не рисковал...

Слушая перевод Гавриила Витальевича, в совершенстве владевшего английским языком, я попросила задать Ричардсу один вопрос: верно ли, что он, летающий пастор, записал свои проповеди на магнитофон и что теперь в церкви включают ленту с этой записью? А сам пастор в это время... смотрит бейсбол... или подрабатывает как телекомментатор... или сидит в своем офисе, утверждая очередную рекламу на кукурузных палочках, которые изготавливаются на его, миллионера Ричардса, предприятиях...

Коробков слегка смягчил мой вопрос. Ричардс расмеялся:

— Отставать от атомного и электронного века не имею права.

— А век спортивный может отставать от века кибернетического? — спросила я Коробкова.

Он махнул рукой, а потом-то и посоветовал купить... вязкую майку. И хотя в те годы у меня соперниц не было и о каких-то ничтожных сантиметрах «прибыли» не приходилось тревожиться, я все же майку приобрела...

Современный человек, Коробков правильно ставил

вопрос о необходимости учета сотых долей секунды в спринтерском беге. Еще 14 мая 1970 года, сдавая в набор свою книгу «Записки легкоатлета», Г. Коробков писал:

«Считаю, что прогресс в беге на короткие дистанции особенно труден, и вряд ли в ближайшее время кто-нибудь сможет пробежать 100 метров за 9,8 секунды и быстрее.

Это отчасти потому, что быстрота как решающее качество спринтера труднее всего поддается значительному улучшению. Если силу и выносливость можно улучшить до высочайших уровней, то развить быстроту у человека, когда ему уже больше 15 лет, невероятно трудно. А ведь для того, чтобы бить рекорды на 100 метров, надо обязательно пробежать 100 метров за 9,8 секунды, на целую 0,1 секунды быстрее, чем рекордсмен мира.

В наш век сверхточных измерений это огромная несправедливость. Ведь мы не требуем, чтобы при установлении мирового рекорда в метании копья снаряд пролетел на целый метр дальше, чем у Киннунена. Достаточно броска на 92,72 метра, чтобы был зафиксирован новый мировой рекорд. В беге же на 100 метров бегун должен стать мировым рекордсменом, опередив мирового рекордсмена на 0,1 секунды, то есть ровно на метр. Результат 9,89 секунды все равно будет зачтен как 9,9, хотя в этом случае он на 10 сантиметров впереди рекордсмена мира. А ведь в современном спринте выигрываются сантиметры, и в один метр укладывается весь финал.

Пора уже открыть счет на сотые доли секунды в беге на короткие дистанции и дать дорогу мировым рекордам в спринте».

Насколько дальнозорок был Гавриил Витальевич, говорит тот факт, что ныне введено электронное хронометрирование.

Да, цепляться за вчерашний день по меньшей мере неумно. Новое никогда не приходит в праздничной одежде. Вспомним, как на Олимпийских играх 1952 года деревянные колья фирмы «Карху» были оттеснены на второй план алюминиевыми кольями братьев Хелд, один из которых — Франклин — первым в мире достиг восьмидесятиметровой отметки. Цельнотянутое металлическое планирующее колье было встречено консерваторами в штывки:

«Хелдовское колье — это инженерный фокус, это профанация благородного искусства метания, которое уходит в далекие эллинские времена. Если дать такому американскому колью права гражданства, тогда уж лучше запускать в воздух авиамодели. Нет, спорт в аэродинамическую трубу не стоит загонять, а то он вылетит в трубу».

Пока скептики, перебивая друг друга, пытались затормозить прогресс, ленинградец Владимир Кузнецов — заслуженный мастер спорта, один из сильнейших колье-метателей мира — писал в кандидатской диссертации, которая называлась «Исследование вопросов обучения метанию колья в связи с использованием естественного навыка в метаниях и применением копий с повышенными аэродинамическими качествами»:

«Недалек тот день, когда и девяностометровые броски колья не будут сенсацией».

Профессор Владимир Кузнецов, ныне один из ведущих спортивных ученых, оказался прав. Сегодня бросками за 90 метров никого не удивишь. А что касается вопроса об отмене планирующих копий, то это сегодня кажется таким же бредом, как запрещение кибернетики, бионики и генетики...

Говоря об инженерном оснащении спорта, вспомнила, как в комедии Эрдмана, рассказывающей об эпохе нэпа, один подвыпивший обыватель говорил:

— Я Карла Маркса читал, и мне не понравилось...

Охотно допускаем, что труды Маркса не всем могут понравиться. Но они существуют. И с ними приходится считаться всему миру.

«Мне не понравилось»... Наверное, любое открытие науки и техники вызывало споры. Одни считали его новое порукой вечного благосостояния. Другие — смертельной угрозой. Первые колеса паровоза еще отмеряли первые километры, а газета «Тан» уже с ужасом фантазировала: «С помощью этой железной конницы новые гунны, овладев дарами цивилизации, смогут в течение нескольких месяцев завоевать любую страну». А русский дворянин Волков в 1844 году воскликнул: «Хвала железным дорогам! Скоро осознает человечество, что никому более Стефенсона оно не обязано всеми будущими своими благами». Полвека спустя Эмиль Золя проехал в одном из первых автомобилей. Французский писатель предположил, что найдено еще одно орудие сближения народов. А, комментируя первые полеты самолетов, голландский военный еженедельник безапелляционно заявлял: «Не пройдет и двадцати лет, как цветущая Европа обратится в пустыню, жизнь возродится где-нибудь в Австралии...»

Годы проходят, десятилетия сменяются десятилетиями. До недавнего времени Финляндия была единственной страной, где выдающимся спортсменам были поставлены памятники при жизни. Таких монументов было два — Пааво Нурми, который блистал на Олимпийских играх 1920 и 1924 годов, и копьеметателю Ярвинену. В честь Ярвинена, например, в 1952 году на Олимпийском стадионе в Хельсинки воздвигли башню высотой 72 метра — таков был тогда установленный финном мировой рекорд в метании копья. Сегодня увековеченные в бронзе и камне достижения атлетов соответствуют нормативу первого разряда Всесоюзной спортивной классификации. Ниже этих результатов лишь два разряда — второй и третий, а выше три: кандидат в ма-

стера спорта, мастер спорта и мастер спорта международного класса.

Жизнь стремительно набирает темп. «Уже не помнят Лядумега, уже забыли наповал. А как он бегал! Как он бегал! Какую скорость выдавал!»

Сегодня даже рекорды недавнего близкого, 1958 года кажутся «детскими». Почему я выбрала 1958 год? Мне хочется, говоря о Коробкове, вспомнить его великую заслугу перед легкой атлетикой: Гавриил Витальевич был самым активным участником организации «матчей-гигантов» — так называла пресса матчи легкоатлетов между сборными Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Эти матчи были первыми ласточками разрядки после долгих лет «холодной войны». Той войны, от которой наша планета очень устала.

Коробков был разведчиком в области спортивных контактов. Блестяще образованный, говорящий на английском языке не хуже, чем жители Калифорнии и Вашингтона, человек, читающий все спортивные журналы мира, Гавриил Витальевич был старшим тренером советской сборной в семи матчах СССР — США.

Мне посчастливилось участвовать во всех этих двухдневных турнирах. В 1958 году в Москве я вообще впервые увидела американцев. Всех нас интересовало, какие они, на что способны в личной встрече. Нам, новичкам, все было интересно. Но даже ветераны, те, за плечами которых были Олимпиады в Хельсинки и Мельбурне, готовились к первому матчу с волнением. Спортсменки тайком от тренеров дали друг другу клятву: «Все силы отдать борьбе, победе». Вы думаете, почему Хуберт Пярнакиви в 1959 году, выступая на дистанции 10 тысяч метров в умопомрачительную жару, теряя сознание, бежал все-таки вперед? Очко, которое он должен был завоевать, если бы пересек ленточку финиша, было необходимо нашей команде. Поэтому в полуоб-

морочном состоянии Пярнакиви финишировал. Окажись на месте Хуберта любой другой спортсмен, он поступил бы так же. Это не слова. Это свидетельство человека, который за 10 лет участия в крупнейших международных состязаниях не знал большей ответственности, чем выступление в матчах СССР — США.

В 1958 году сотни тысяч Лужники стали свидетелями нашей напряженнейшей борьбы. Счет первого матча был 172 : 170 в нашу пользу. Радости советских спортсменов не было предела. Вечером после победы мы собрались в Малаховке возле автомобиля Коробкова.

— А что, если нам этой «Победой» отметить победу? — предложил Володя Лошилов, чемпион страны по толканию ядра.

— Как это? — не поняли мы.

— Взять автомобиль шефа и внести его по лестнице. Коробков утром проснется и, увидев свою «Победу» на пьедестале, поймет, что счет в матче 172 : 170 — это его личная победа.

Богатырей в нашей команде хватало. Если уж мы смогли американцев одолеть в единоборстве, то какой-то легкой автомобиль затащить по лестнице нам особого труда не составляло...

Утром в понедельник Гавриил Витальевич вышел из своей комнаты и застыл: прямо перед дверью стояла «Победа».

— Лучшей оценки своего труда я не представляю! — растроганно сказал старший тренер.

ВОТ ТАКИЕ У НАС КАПИТАНЫ

Фамилию Цыбуленко в алексеевской школе произносили очень часто. Все знали первую спортивную привязанность Виктора Ильича, помнили, что Алексеев был пятикратным чемпионом страны по метанию копья и

11 лет был рекордсменом страны. Это вообще своеобразное достижение — за все годы в метании копья лишь рекордсмен страны Александр Решетников в течение 11 лет оставался сильнейшим в стране (с 1922 по 1933 год), а его неофициальный рекорд повторил наш Виктор Ильич (1936—1947). Перед войной Алексеев вплотную подошел к рубежу 70 метров — ему не хватало лишь крошечных 35 сантиметров... И Виктор Ильич планировал установить всесоюзный рекорд именно в воскресенье 22 июня 1941 года. Но Великая Отечественная отменила соревнования... Алексеева на фронт не пустили: во-первых, у него была изуродована одна рука, во-вторых, в военкомате вспомнили, что рекордсмен страны в метании копья Виктор Алексеев является одновременно и мастером спорта по стрельбе, и, стало быть, он может стать хорошим инструктором, в-третьих, учли, что метание копья очень близко по своему стилю к метанию гранаты (а ведь и здесь Алексеев считался сильнейшим в стране), следовательно, его знания могут пригодиться при обучении бойцов...

Виктор Ильич начал готовить резервы для Красной Армии. Именно Алексеев первым обучил штыковому бою тысячу воинов и тем самым положил начало движению «тысячников». А всего Виктор Ильич обучил 5 тысяч солдат...

Надвигалась блокада... В кинотеатре «Балтика» уже не крутили комедию «Антон Иванович сердится». Теперь здесь показывали учебные ленты «Умей защищаться от фугасных бомб», «Умей владеть штыком». На экране можно было увидеть, как инструктор Алексеев тренирует новобранцев в солдатских гимнастёрках. Крепкий молодой человек на киноленте был неутомим. И никто не знал, что через несколько месяцев его, пока еще здоровяка, вывезут из заблокированного Ленинграда. Вывезут, ибо сам Алексеев не сможет сделать ни шага — так он будет истощен...

В вагоне поезда, который позднее повезет его в Пятигорск, за ним начнет ухаживать медсестра — бывшая спортсменка. Она-то и напомним Виктору Ильичу:

— Ох, как же вы метали копьё! У меня всегда сердце замирало. Так и казалось, что полечу вслед за копьём... Вам чуть-чуть до 70 метров не хватало. А помните, как один раз копьё сломалось в воздухе — с такой силой вы его выпустили...

69 метров 65 сантиметров... Рекорд СССР, записанный на имя Алексева, продержался семь лет. Никому он не покорился. Лишь в 1947 году сам Виктор Ильич превысил его на... три сантиметра. Переступить границу 70 метров ему так и не удалось.

Алексеев мечтал, что это сделают его ученики. Казалось, так оно и будет... Юрий Щербаков, мальчишка с улицы Комсомола — родной улицы Виктора Ильича, — в годы войны работавший фрезеровщиком на оборонном заводе и подставлявший под ноги деревянный ящик, чтобы быть выше, этот Юра однажды даже победил своего учителя. На состязаниях в Туле его копьё пролетело 68 метров 84 сантиметра... На открытом первенстве Румынии Щербаков довел личный рекорд до 69 метров 40 сантиметров. 28 сантиметров оставалось до результата Алексева и 60 сантиметров до заветного рубежа.

Но первым преодолел «психологический барьер семидесяти метров» эстонец Харри Вальман — его копьё воткнулось на отметке 71 метр 66 сантиметров. Случилось это осенью 1950 года.

— Не в цифрах счастье, — сказал своему ученику Алексеев. — Ты обязан вернуть рекорд в Ленинград.

Щербаков тренировался, как одержимый. Вот-вот он должен был установить рекорд страны. Но...

Украинский копьеметатель Виктор Цыбуленко поставил перед ним шлагбаум — копьё киевлянина пролетело 73 метра 37 сантиметров...

Тогда-то впервые в алексеевской школе и произнесли фамилию Цыбуленко. Как ни старался Алексей подготовить Щербакова к новому рекорду — Юрий все равно терпел поражение. Результат Цыбуленко возвышался над всеми бросками метра на два. Ученику Алексея удалось в 1951 году выиграть первенство Советского Союза, но большего он добиться не смог...

А Цыбуленко тем временем шел от успеха к успеху. Накануне Олимпийских игр 1952 года он стал чемпионом страны, а в столице Финляндии занял четвертое место и оказался лучшим из советских метателей. Правда, затем Виктор на два года «одолжил» звание чемпиона и рекордсмена СССР ленинградцу Владимиру Кузнецову — будущему профессору, доктору педагогических наук...

В 1954 году результаты Цыбуленко почему-то резко затормозились. Требовательный к себе, Виктор проанализировал технику метания, сравнивал ее с кузнецовской, и ему вдруг открылось: «А ведь я плохо разбегаюсь...» Да, Цыбуленко на заре своей спортивной юности, сделав несколько шагов разбега, останавливался и только потом посылал копье в воздух. Как же можно было без скорости мечтать о рекордах и победах? Этот вопрос задал Цыбуленко его тренер Зосима Петрович Синицкий, которому было поручено следить за подготовкой своего земляка к Олимпиаде-56.

«Как беден тот, у кого нет терпения», — записал великий норвежский полярный исследователь Амундсен, первым покоривший Южный полюс. «Терпение» — вот отличительное качество киевского богатыря Цыбуленко. Виктор ворочал штангу, играл двухпудовыми гирями, словно легкими гантелями. Он часами прыгал через веревочку. Результаты росли медленно. В каждый сантиметр вкладывался титанический труд — серьезный, взрослый... Можно было впасть в отчаяние, если пересчитать количество затраченных усилий и разделить их

на длину завоеванных сантиметров. Но Цыбуленко отступать не привык. Впрочем, как и его учитель Синицкий, который повторял на тренировках:

— Сколько бы ни отняло это времени, надо идти лишь одной дорогой — шлифовать движение, полировать его. Меня не волнуют твои сантиметры, меня беспокоит совершенство броска.

В 1955 году Цыбуленко обыграл Кузнецова, на следующий год на первой Спартакиаде народов СССР он на целый метр опередил второго призера соревнований, ученика В. И. Алексеева ленинградца Александра Горшкова, послав снаряд на 78 метров 58 сантиметров...

Я видела, как старательно готовился Виктор к Олимпиаде-56. Мы тренировались на одном стадионе в Ташкенте, когда, открыв 2 ноября газету «Правда», прочитала, что на одном из соревнований в Испании 49-летний метатель Эраускин послал копьё, держа его на старте за спиной так, как это делается при метании диска. Эраускин, оказывается, не разбежался, а совершал два оборота и выпускал копьё, словно диск...

Начало статьи вызвало недоумение: 25-летний Цыбуленко метает на 78 метров 58 сантиметров... 49-летний Эраускин — на 83 метра 40 сантиметров...

А следующие абзацы спортивного обозрения вызвали озноб: оказывается, финн Миккила метнул копьё с поворотом на 86 метров 70 сантиметров, испанец Клаверо — на 90 метров 30 сантиметров, а юный норвежец Эгиль Даниэльсон достиг новым способом феноменального результата — 93 метров 70 сантиметров... Но и это еще было не все... Финн Саарикоски, мало кому известный, в конце октября, метая копьё по-испански, показал 99 метров 52 сантиметра!

«Может ли Сидло спать спокойно?» — спрашивалось в статье. Ответ был лишь в последних абзацах:

«Уже после того как была написана статья, получено сообщение о том, что генеральный секретарь

ИААФ Дональд Пэйн (Англия) послал 24 членам бюро ИААФ телеграфный запрос об утверждении дополнения к правилам в целях запрещения испанского способа метания копья и непризнания результатов, установленных с его помощью».

Газета выражала уверенность, что сильнейшие копьеметатели мира — поляк Сидло, француз Мишель Макэ, американец Франклин Хелд, советские метатели Виктор Цыбуленко и Владимир Кузнецов могут спокойно готовиться к Мельбурну.

В тот день, когда «Правда» рассказала об испанской сенсации, Галина Зыбина и Михаил Кривоносов установили всеююзные рекорды, которые значительно превышали их официальные мировые достижения. Отличился на тренировках и Виктор Цыбуленко...

Из Австралии киевлянин вернулся с бронзовой медалью — проиграл норвежцу Э. Даниэльсону, установившему новый мировой рекорд — 85 метров 71 сантиметр, — и экс-рекордсмену планеты Я. Сидло. Третье место Цыбуленко было высоко оценено в нашей стране — Виктор Сергеевич стал заслуженным мастером спорта.

Получение этого звания он расценил как аванс и твердо решил «отработать» его на Олимпиаде-60 в Риме...

Накануне Олимпиады Виктору исполнилось 30 лет. Он участвовал в третьей Олимпиаде, и его называли ветераном. Само по себе это слово прекрасно. Но мы, спортсмены, его не особенно любим. Ветеран для нас почти то же самое, что пенсионер.

В древнегреческой мифологии существовал такой сюжет. Всемогущий Зевс даровал бессмертие Титону, возлюбленному богини Эос. Он даровал ему бессмертие, а не вечную молодость. И что же? Прошли десятилетия. Титон стал дряхлым, он вскоре надоед богине своими жалобами.

Сюжет этот символичен для спорта. Все мы на своем спортивном пути стремимся не к формальному долголетию — ведь и раньше люди выступали до преклонного возраста. Главное в том, чтобы как можно дольше сохранить силу, энергию, гибкость мысли, жажду победы.

Нам дана жизнь с одним неизменным условием — каждый день защищать ее. Защищать ради великолепного счастья — побеждать на Земле.

Такое счастье Виктор Цыбуленко испытал в Риме. Он победил, взяв реванш за все предыдущие неудачи.

— В Риме я старался из кожи не лезть, — признавался позднее Виктор. — Хотелось сохранить спокойствие. Даже новые копы, «жесткие собаки», меня не сердили. А ведь сколько раз я даже в их ось не попадал. Я спал столько, что Леван Григорьевич Сулиев стал даже тревожиться. Зато вечером 8 сентября я разозлился на себя. Говорю себе: попытка не пытка, спрос не беда. Вложи все свое умение в один бросок — и пусть этот бросок будет первым. На остальные попытки может просто не хватить сил...

Цыбуленко — человек добродушный. Но мы знали, что стоит только разозлить нашего Виктора, как сил у него прибавляется втрое. Мы шутили: «Цыбуля (а цыбуля в переводе с украинского — лук), если его слегка почистить, может все глаза выщипать...»

В фонотеке Всесоюзного радиокомитета, наверное, сохранился репортаж со стадиона «Олимпико». Был он примерно таким:

«Цыбуленко стартует седьмым. Он производит отличное впечатление. Этот стокилограммовый гигант еще достаточно быстр, несмотря на годы, но, судя по вчерашним квалификационным соревнованиям, ему будет трудно бороться с Сидло, который столько лет ждет своего часа. Правда, поляк не смог сразу попасть в копы, но у него ведь еще в запасе пять попыток! Итак,

Цыбуленко. Отличный разбег... Хорошо обогнал снаряд... Скрестный шаг... Копье в воздухе... Кажется, отличный бросок... Даже нам слышно, как оно звенит в полете... Так и есть... 84 метра 64 сантиметра... Но не будем торопиться. Впереди еще пять попыток у Сидло, у венгра Кульчара, американца Кантелло и итальянца Лиеворе — все шесть».

«Первый бросок — решающий», — не раз говорил Цыбуленко тренер сборной страны Л. Г. Сулиев. Задолго до Олимпиады-60 Сулиев и Цыбуленко составили такой тактический план:

— С первого броска сделать 83—84 метра. Этот бросок деморализует соперников. Весь «взрыв», накопленный за шестнадцать лет тренировок, вложить в первый бросок!

Прямо из ложи прессы обозреватель газеты «Экип» передал в свою редакцию:

«Золотой бросок Цыбуленко был так красив, что казалось, копье навсегда застрянет между небом и землей».

Да, первый же бросок оказался золотым! Главный тренер советской сборной Гавриил Коробков запишет впечатления от первой попытки:

— Как изменилось все! Все метатели как будто проснулись. Но, как всегда, излишнее волнение мешает правильным движениям. И вот одно за другим копья втыкаются у черты 75—76 метров. Как ни стараются Януш Сидло и сильнейший американский копьеметатель Альберт Кантелло — они даже не входят в финал. Цыбуленко становится олимпийским чемпионом с отрывом от ближайшего соперника в 5 метров с лишним!

Вот вам и ветеран! Вот так тридцатилетний! Вот что такое труд и терпение! Победа Цыбуленко — лучшая иллюстрация к стихам:

Мы знаем: время растяжимо,
Оно зависит от того,

Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

Все годы Виктора Сергеевича — это сплошной труд. Он умел работать на свою мечту. Он сумел повторить достижение Виктора Ильича Алексева и тоже стал пятикратным чемпионом СССР. Он шел к олимпийской победе без страха и упрека, достойно продолжая традиции своих предшественников, которые, наверно, тоже могли бы стать олимпийскими чемпионами, если бы им не помешала война...

«Сам метатель никогда не видит, насколько удался ему бросок. Это легче наблюдать со стороны. Но он может ощутить это, — писал впоследствии сам Цыбуленко. — И мне показалось, что именно в Риме, на этот раз, возможно, впервые в жизни я выполнил все движения безукоризненно. Копье легко, как птица, выпорхнуло из руки и взлетело в синее итальянское небо».

Капитан советской мужской легкоатлетической команды Виктор Цыбуленко сделал в Риме все, чтобы внести достойный вклад в общекомандную победу. На Олимпиаде 1960 года мы, легкоатлеты, завоевали 11 золотых медалей — этот успех до сих пор не повторен нашими последователями. 5 высших наград достались на долю мужской команды (Болотников, Голубничий, Шавлакадзе, Руденков и Цыбуленко), а шесть завоевали женщины (Шевцова, И. Пресс, Крепкина, Т. Пресс, Пономарева и Озолина), дружную сборную которых возглавляла замечательная прыгунья в высоту, инженер из Челябинска Таисия Ченчик.

* * *

Капитан сборной! Вдумаемся, как много значит это слово — капитан... Легкоатлетическая команда — это сто, сто пятьдесят, двести спортсменов. Это изящные прыгуньи в длину... Это воздушные прыгуньи в высоту...

Это мощные метательницы... Сборная Советского Союза по легкой атлетике — это и кандидаты наук, и студенты, и школьники. Это посланцы Хабаровска, Барнаула, Свердловска, Баку, Тбилиси, Кишинева и Риги, Десятки, не меньше, национальностей. Колоссальный возрастной разброс: от шестнадцати лет до сорока.

Спортсмены, включенные в команду, собираются вместе не на год и даже не на месяц, а от случая к случаю. Кончится тренировочный сбор, финиширует матч СССР — США, опустится флаг чемпионата Европы, отзвучат фанфары Олимпиады — и мы снова разлетаемся по домам: возвращаемся в техникумы и школы, институты и на заводы.

Но два-три раза в год мы единый коллектив. Во всяком случае, должны им быть. И вот задача капитана сборной СССР — помочь девчатам сблизиться, сдружиться, почувствовать себя командой. Не просто группой спортсменов, волей судьбы собравшихся вместе, а единым коллективом!

Таисия Ченчик была капитаном настоящим — она умела каждую спортсменку настроить на хороший результат. Предельно честная, принципиальная, она сама была образцом бойца и умела задать нужный тон всему коллективу.

21 июля 1959 года в газете «Правда» была напечатана телеграмма сборной СССР по футболу, которая пришла из Москвы в отель «Варвик», что в американском городе Филадельфия. Телеграмма была такой: «Приложим все силы, чтобы не омрачить вашу победу. Капитан команды Завидонов. Тренерский совет».

— Теперь все пути к отступлению отрезаны, — пошутила капитан советской сборной Тая Ченчик. — Победу нам авансом присудили.

Футболистам мы послали ответ вежливый, но тоже ультимативный: «Надеемся и на ваш успех».

Как известно, советские легкоатлеты одержали в Филадельфии блестящую победу, победив американцев со счетом 175 : 167.

А футболисты-олимпийцы нашего почина не поддержали, они устроили себе «римские каникулы» и на Олимпиаду-60 в Вечный город не были допущены...

Но вернусь в памятный день 20 июля 1959 года. На стадионе Пенсильванского университета в матче СССР — США успех в дебюте сопутствовал хозяевам — они выиграли гладкие беговые и барьерные дистанции. И тогда-то свое веское слово сказала наш капитан. Снова цитирую «Правду»:

«Победное шествие хозяев прервалось, когда начались прыжки в высоту. Челябинский инженер Таисия Ченчик не только опередила Э. Флинн и Э. Рониджер, но и установила новый рекорд СССР — 177,5 см (второе достижение в мире за все годы)».

Вспоминаю и Универсиаду-73, которая была в Бразилии. Нашей сборной для успеха в командном зачете обязательно нужна была победа в последнем виде состязаний. А этим видом были прыжки в высоту у женщин. Представляете, какая ответственность лежала на нашем капитане, на Таяе Ченчик.

Руководитель нашей делегации сказал мне:

— Пойдем, Тамара! Хочу поговорить с Ченчик. Я должен ее вдохновить, показать ей перспективы, чтобы она поняла...

— Да она сама любого вдохновит, — успокоила я руководителя сборной. — Возьмите у доктора Воробьева валидолчик. Говорят, помогает...

Ченчик прыгала великолепно. Нужно ли говорить, что она победила и принесла советской сборной командную победу?

Таяа участвовала в двух Олимпиадах. В Риме заняла пятое место, а в Токио удостоилась бронзовой медали. Эти достижения надо признать очень высокими, если

вспомнить, что и в 1960, и в 1964 годах на Олимпиадах выступала румынка Иоланда Балаш. Победить ее было нереально, как глупо было бросать вызов Валерии Брумелю в 1961, 1962 и 1963 годах, как смешно было пытаться догнать Валерия Борзова на Олимпиаде-72, как невозможно было соперничать на помосте с Василием Алексеевым в 1969—1976 годах... Тая, конечно, не повезло — выступай в другие годы, она, конечно, добилась бы больших успехов и завоевала значительно больше почетных титулов. Уже на финише спортивной карьеры Таисия Ченчик совершила подвиг — в 1966 году на чемпионате Европы в Будапеште она завоевала золотую медаль.

Такого высокого звания никто из советских прыгуний — ни до Ченчик, ни после нее — не добивался. Боец до мозга костей!

Но постараюсь сейчас показать Таяю такой, какой она запомнилась мне.

Природу она любит трепетно... Звоню ей 1 Мая 1976 года, хочу поздравить с праздником весны... Телефон молчит. Через неделю узнаю: Таисия в выходные дни уходила в байдарочный поход.

— Но ведь холодно же! — поejalaсь я.

— По берегам Клязьмы еще снег лежал, — засмеялась Тая. — Но мы с Маргаритой Борисовной прошли весь маршрут.

Вместе с доцентом Московского энергетического института М. Б. Коломейцевой ассистент кафедры теоретических основ электротехники и инженерной электрофизики Таисия Ченчик прошла на лодках до Киржача — до того места, где трагически оборвалась жизнь Юрия Гагарина...

Каждый отпуск Тая проводит в походах. Саяны и Алтай, Приполярный Урал и Башкирия, Западная Сибирь и Карелия — это маршруты походов последних лет. Она узнает страну на вкус и на цвет... Ей, объез-

дившей в свое время полмира, сейчас хочется пройти по голубым дорогам больших и малых российских рек. Нелегко? Трудно? А когда путь первопроходцев бывает легким? Однажды в Карелии на байдарке Таисия пролетела метров тридцать, выброшенная напором воды у водослива...

Из каждого похода она привозит несколько бобин с кинолентой. Потом в московской квартире она будет пленки проявлять, монтировать и наконец пригласит своих друзей на премьеру очередного фильма. Помню, как она заставляла меня десятки раз позировать. Я отказывалась, тогда Тая снимала «скрытой камерой». Возвращаясь в Москву, она показывала в общежитии МЭИ, где она жила многие годы, любительский фильм. Некоторые считали увлечение киноаппаратом чудачеством, но должна заметить, что кинолентки Таисии Ченчик сохранили драгоценные моменты спортивной борьбы легкоатлетов на протяжении почти десятилетия... Сейчас, когда Тая, тренирующая на общественных началах студентов МЭИ, показывает ученицам фильмы, она задерживает мгновение: «Так бежала Галина Попова... А это прыгает Вера Крепкина... Вы видите Нину Пономареву... А это ваша покорная слуга...» Таисия Ченчик на многие годы сохранила воспоминания о нашей юности...

Походы, поездки за грибами, рыбная ловля — это ее досуг. «А на охоту со мной не поедешь?» — спросила я недавно Таисию. «Ни за что — я раз в жизни убила утку, — голос Таи задрожал. — Когда ее поджарили, я не могла есть. Но все же меня заставили погрызть крылышко... С тех пор я сказала себе — никакой охоты!..»

В давние годы инженер Таисия Ченчик увлекалась созданием магнитной системы двигателя для точных измерений. Сейчас преподаватель МЭИ думает изобрести прибор, который бы давал количественную оценку

функционального состояния живого организма... Подключит спортсмен датчик — и на экране увидит условные показатели: «Ага, сегодня я переутомился... Восприимчивость моя ниже уровня... Надо подумать о восстановлении... Что рекомендует прибор?.. Барокамеру? Баню?..» Над конструированием прибора Ченчик работает уже восемь лет. И она обязательно добьется своей цели!

..Живет Таисия в однокомнатной квартире. В комнате у нее стоит раскладушка, письменный стол, телевизор. Почти все стены заняли полки с книгами.

Вообще ей некогда думать о себе. Сколько раз она как капитан сборной страны ставила вопрос об улучшении быта своих подруг: спорила, доказывала, убеждала... А сама много лет жила в общежитии со студентками, которым преподавала электротехнику. Несколько лет назад мы, ее подруги, пришли к руководителям Спорткомитета СССР и потребовали от них:

— Поставьте вопрос перед МЭИ, чтобы Ченчик дала квартиру!

— А она сама разве маленькая?

— Она деликатная! — сказали мы.

В тот день мы не ушли со Скатертного переулка, из дома номер четыре, пока не добились разрешения вопроса. Если наш капитан все время думал о нас, то могли же мы раз в жизни позаботиться о нем...

Тая Ченчик всегда поражала меня своей эрудицией. Она читала все толстые журналы, была в курсе всех новых литературных публикаций.

Помню, она завидовала мне, когда я, победив в олимпийском Риме в толкании ядра, ходила по римским музеям. Я говорила Таисии:

— Не понимаю, почему итальянцы так чтят Рафаэля, когда над ним, мальчиком, возвышается такой гигант, как Микеланджело? Ты представляешь...

Рассказывала я ей о том, что в Пантеоне на могиле Рафаэля выбита такая надпись: «Здесь лежит Рафаэль. Тот Рафаэль, при жизни которого мать всех вещей — Природа — боялась быть им покоренной и умереть вместе с ним».

Тая слушала, спрашивала:

— А может быть, ты что-то недопонимаешь? И зачем сравнивать — Рафаэль или Микеланджело, Леонардо да Винчи или Тициан, Боттичелли или Эль Греко?.. Искусство — это ведь не Олимпиада, где обязательно нужен победитель.

— Но ты бы посмотрела Микеланджело! — не сдавалась я. — Это титан. Именно про него Энгельс писал в «Диалектике природы»: это была «...эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености». Что ты сидишь на стадионе, как привязанная? Когда еще попадешь в Рим?

— Я капитан, — ответила Тая. — Должна быть с девочками до конца. Вот кончатся соревнования, победим, тогда ты и проведешь меня по всем музеям... И сама заново посмотришь все и спросишь себя еще раз: «Не ошиблась ли с Рафаэлем?»

Тонкий знаток искусства и поэзии, Таисия Ченчик все же прежде всего была инженером. В Риме я говорю ей:

— Если площадь всех спортивных площадок Италии разделить на число населения страны, то получится: на итальянца в среднем приходится по 74 квадратных сантиметра.

— Это почти площадь почтовой открытки! — моментально нашла доступный образ преподавательница одной из точных наук...

Вот такая она, Таисия Ченчик.

Помня о моей любви к поэзии Пушкина, она недавно позвонила в полночь:

себе серебряный призер XV Олимпийских игр А. Чудина. Ее результат — 52 метра 16 сантиметров. Мировая рекордсменка Надежда Коняева достигает отметки 50 метров 90 сантиметров. И лишь шесть сантиметров не дотягивает до этого результата Инесса. Снова третья.

В финале Инесса тоже «пристроилась» на третьем месте и завоевала бронзовую медаль. Молодую студентку Латвийского медицинского института включили в состав сборной страны, и она начала готовиться к Олимпиаде-56 под руководством Виктора Ильича Алексева.

Мы очень быстро подружились — обе были первокурсницами, обеих открыла спартакиада. Но если Яунземе место в команде было гарантировано, то мне нужно было завоевывать его в бою. Я тренировалась и соревновалась как могла — самоотверженно, добросовестно.

Инесса, словно предчувствуя мою неудачу в 1956 году, советовала:

— Ты настраивайся на конечный жизненный результат, а Мельбурн — это так, проходящее. Ты тренируешься и о чем думаешь? Чтобы стать самой сильной, да? А мечтаешь втайне, чтобы у других хуже получилось, ничего из их занятий не вышло?

— Никогда об этом не думала! — призналась я.

— Вот и хорошо. Значит, окончательный результат будет положительным.

Один раз вечером в Ташкенте, заметив, что я плачу, когда решила судьба путевки в Мельбурн и когда тренер Д. Марков сказал мне, оправдываясь: «Это не я настоял, это Леонид Сергеевич Хоменков велел. А выше его в легкой атлетике никого нет», — Яунземе успокоила меня:

— А я никогда не плачу. Для меня в спорте интересна сама борьба. Мне нравится доказывать кому-то, что я сильная. А уйду со стадиона, только переступлю

за ворота — все: забыла, и ничего нет — ни копыя, ни разбега. Наверное, спорт в моей жизни займет совсем мало места...

Инесса была спокойной, уравновешенной, рассудительной. Все свои удачи и промахи она воспринимала с философских позиций. Больше любила тренироваться самостоятельно, хотя очень ценила советы пятикратного чемпиона СССР Виктора Ильича Алексеева. Жалела, что такого прекрасного специалиста в области метания копыя не будет рядом с ней в Риге. Она записывала каждый совет Алексеева, рисовала в блокнотах схемы. Будущий врач, она прекрасно знала анатомию и могла четко, по-научному сформулировать характер упражнений, которые заставлял ее выполнять Виктор Ильич.

Именно Инесса приучила меня к мысли, что у спортсмена всегда под рукой должна быть записная книжка. Она помогает анализу тренировок, систематизации упражнений, на изобретение которых наш общий учитель был щедр.

Яунземе первой сказала:

— Не понимаю, как у нас ведется отбор тренеров на Олимпиаду? Что нужно сделать, чтобы заслужить право ехать со своими учениками? Алексеев, воспитавший Зыбину, не попал в сборную и вынужден теперь плыть в Мельбурн туристом на теплоходе. Это какое-то головотяпство. Посчитайте, сколько учеников Виктора Ильича летит в Мельбурн: Зыбина, олимпийская чемпионка; Тамара Тышкевич — на сегодняшний день вторая в мире; Зина Дойникова — третья-четвертая толкательница ядра в мире; Борис Матвеев — дискобол, который может попасть в заветную шестерку; Анатолий Михайлов — барьерист, который первым из советских легкоатлетов обязан пробежать 110 метров быстрее 14 секунд. Из молодых — Тамара Пресс. Из прикрепленных — Яунземе. Все мы остались без тренера.

Разумно ли это? Кто нас лучше знает, кроме Виктора Ильича?..

Потом я провожала Инессу в Мельбурн. Перед отъездом на аэродром она призналась:

— Самая большая мечта у Алексева — воспитать олимпийского чемпиона в метании копья. Я, хотя и не прямая ученица Виктора Ильича, постараюсь на Олимпиаде выступить на пределе сил. Будет ли в жизни вторая попытка?

Инесса вернулась из Австралии олимпийской чемпионкой. Когда теплоход «Грузия» бороздил волны Тихого океана, Инесса не выпускала спиц из рук — она вязала из толстой и красивой шерсти шарф своему учителю Виктору Ильичу Алексеву. На шарфе были разноцветные олимпийские кольца и цифры: 52 метра 86 сантиметров. Да, это был ее победный результат. А вообще из шести бросков Яунземе четыре были самыми дальними. Казалось, без борьбы уступила верхнюю ступеньку пьедестала чехословацкая метательница Дана Затопкова — олимпийская чемпионка. У Надежды Коняевой, чей мировой рекорд равнялся 55 метрам 48 сантиметрам, копьё не летело дальше 50 метров 28 сантиметров. А Инессу не мог остановить даже попутный ветер, столь неприятный для метателей. Ее серия была запоминающейся: 50 метров 46 сантиметров, 51 метр 63 сантиметра, 53 метра 40 сантиметров, 53 метра 86 сантиметров — это на три с половиной метра дальше, чем у занявшей второе место чилийской спортсменки М. Арэнс.

Трудно передать, как я была рада за Инессу — моя подруга за один год стала и мастером спорта, и заслуженным мастером. Самый дальний полет копья в ее жизни пришелся именно на 28 ноября — день финала Олимпиады...

В латвийской спортивной газете так писали о своей знаменитой землячке:

«Не все ли равно, где родилась Инесса — в Латгалии, Земгалии, Видземе или Курземе? Все равно она жила где-то рядом, кидала камешки в какую-то свою Имулу или Амулу, а вон куда залетел ее камешек! Ты думаешь, на 53 метра и 86 сантиметров? Как бы не так! Сосчитай, сколько километров от Риги до Мельбурна — и ты узнаешь, сколько пролетел ее камешек...»

После своей олимпийской победы Инесса все силы сосредоточила на учебе. Она, правда, продолжала тренироваться в Риге у Валентина Маззалитиса, который занимался с подающим надежды Янисом Лусисом. Результаты Инессы не росли. Она выступала еще в нескольких соревнованиях. Успехов не добивалась. Ее смело можно назвать «чемпионкой одного дня». Как боксера-перворазрядника Владимира Сафронова, вернувшегося из Мельбурна олимпийским чемпионом, как спринтера-конькобежца Юрия Михайлова, который привез с Олимпиады-56 из Кортина д'Ампеццо золотую медаль, а потом... растаял на конькобежном небосклоне.

Помню, на одном из сборов в Малаховке Инесса говорила в 1959 году:

— Каждый человек должен знать свои возможности. Про меня судачат, что я победила случайно. Спорить не хочу. Я могла победить случайно, если бы в одной из попыток мое копьё улетело дальше всех. Но четыре попытки были самыми дальними. Но именно олимпийский рекорд стал лучшим результатом в мире. Это, конечно же, не случайность...

В те четыре попытки я вложила все свое умение, старание, волю и силу. На большее меня не хватает. Но я не отчаиваюсь: у меня есть другая страсть — медицина.

А тебе, Тамара, хочу вот что завещать: если моя победа расценивается как удача, то пусть твоя победа в Риме-60 станет стопроцентной закономерностью...

Сегодня Инесса Яунземе — мать троих детей. Не-

давно по телевидению в передаче «Очевидное — невероятное» был показан документальный фильм о работе моей подруги по спорту. И в тот же день на экране выступали поэты. Вадим Шефнер читал стихи:

Растут рекорды понемножку,
И, новой силою полны,
По тем же гаревым дорожкам
Другие мчатся бегуны.
Бегут спортсмены молодые,
Легки, как ветер на лугу, —
Себе медали золотые
Они чеканят на бегу.

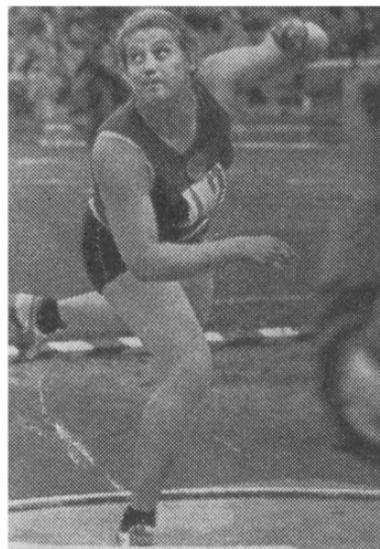
А славу в ящик не положишь,
Она жива, она жива,
К тем, кто сильнее и моложе,
Она уходит — и права.
Она не знает вечных истин,
За нею следом не гонись —
Она сменяется, как листья
На древе, тянущемся ввысь...

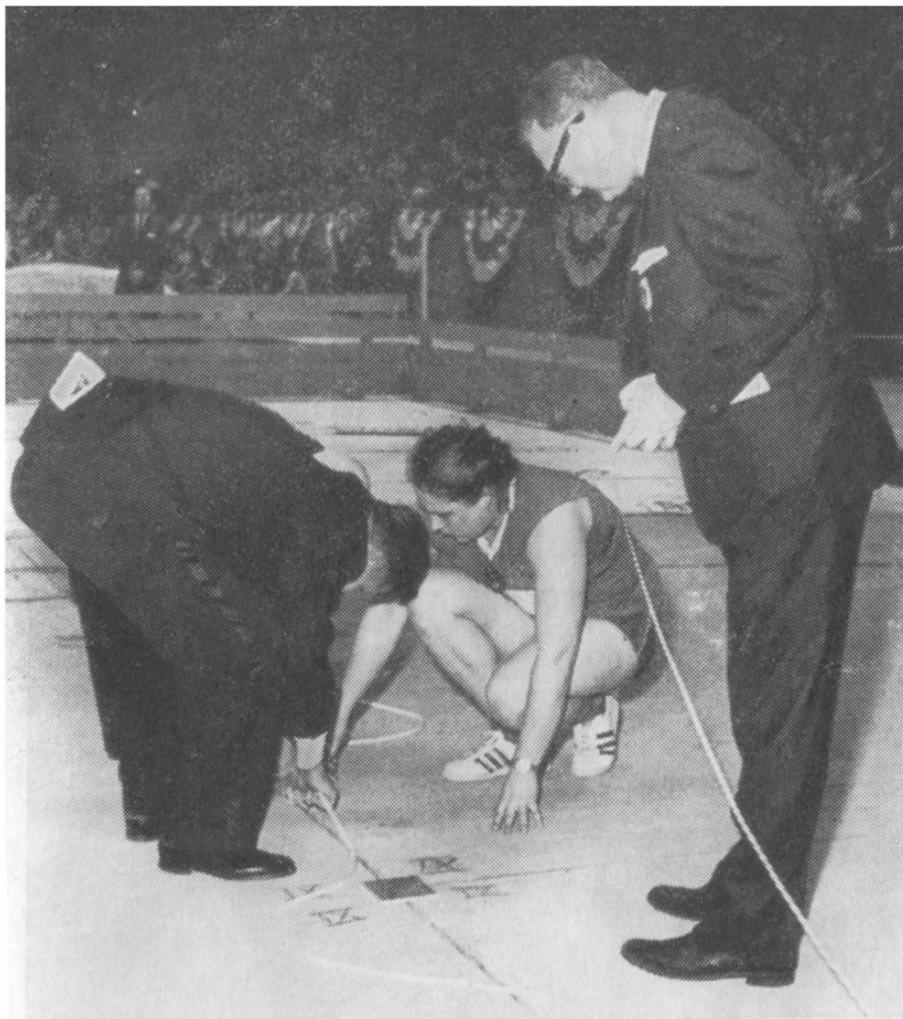
Слушая стихи, я была под впечатлением фильма про Инессу. И мне показалось, что сочетание «олимпийская чемпионка и лауреат Государственной премии» является само по себе уникальным: «И славу в ящик не положишь, она жива, она жива». Вообще я не принимаю стихов на слух, наверное, поэтому и не сразу заметила, что выражение «по тем же гаревым дорожкам» не совсем верно. Сегодня по гаревой дорожке бегают лишь в пионерских лагерях и на сельских стадионах. Мир уже давно перешел на синтетические дорожки — резино-битумные, тартановые, рекортановые, спортановые... За это время разрешили метать планирующее копьё братьев Хелд. Фиберглассовые шесты-бананы окончательно вытеснили металлические. На помощь спортсменам пришли математики, химики, инженеры...

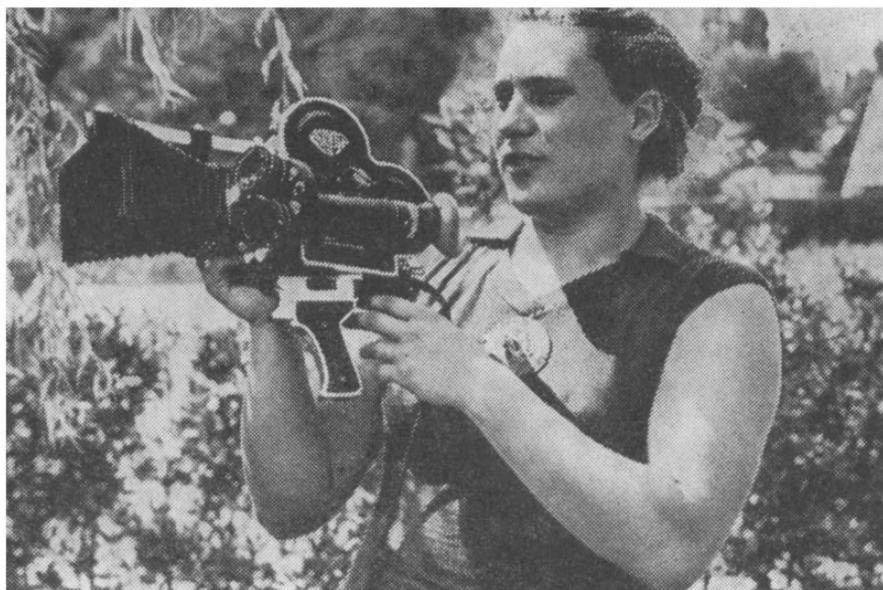

Так фиксируется рекорд.

**Рим-60.
Мы — олимпийские
чемпионки.**

**Кинокамера —
верный помощник.**

Двукратная
олимпийская
чемпионка
Ирина Пресс.

В тренировочном манеже — творческой лаборатории наших рекордов.

С учителем.

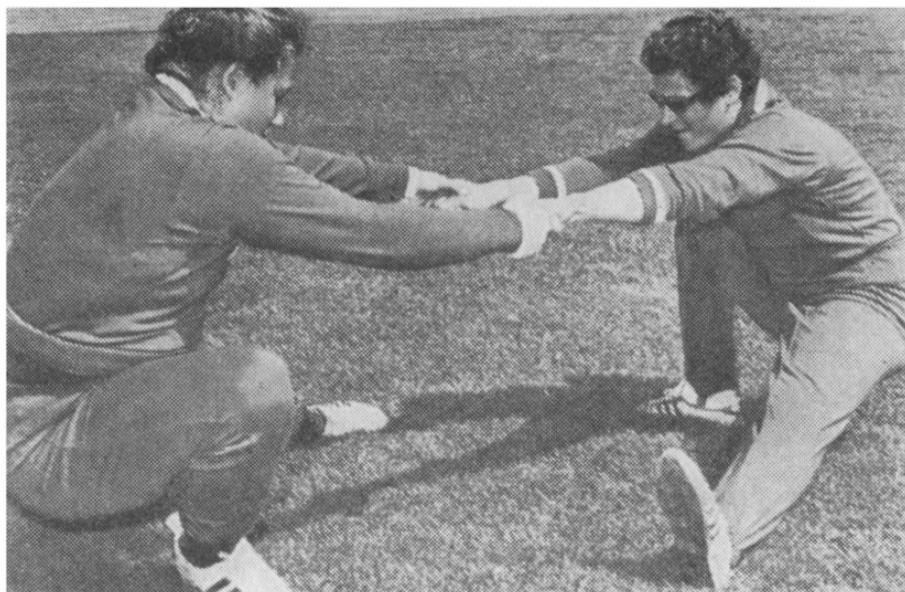
США. Интервью перед матчем «гигантов».

Старты Ирины.

Тренировка на свежем воздухе.

В институте.

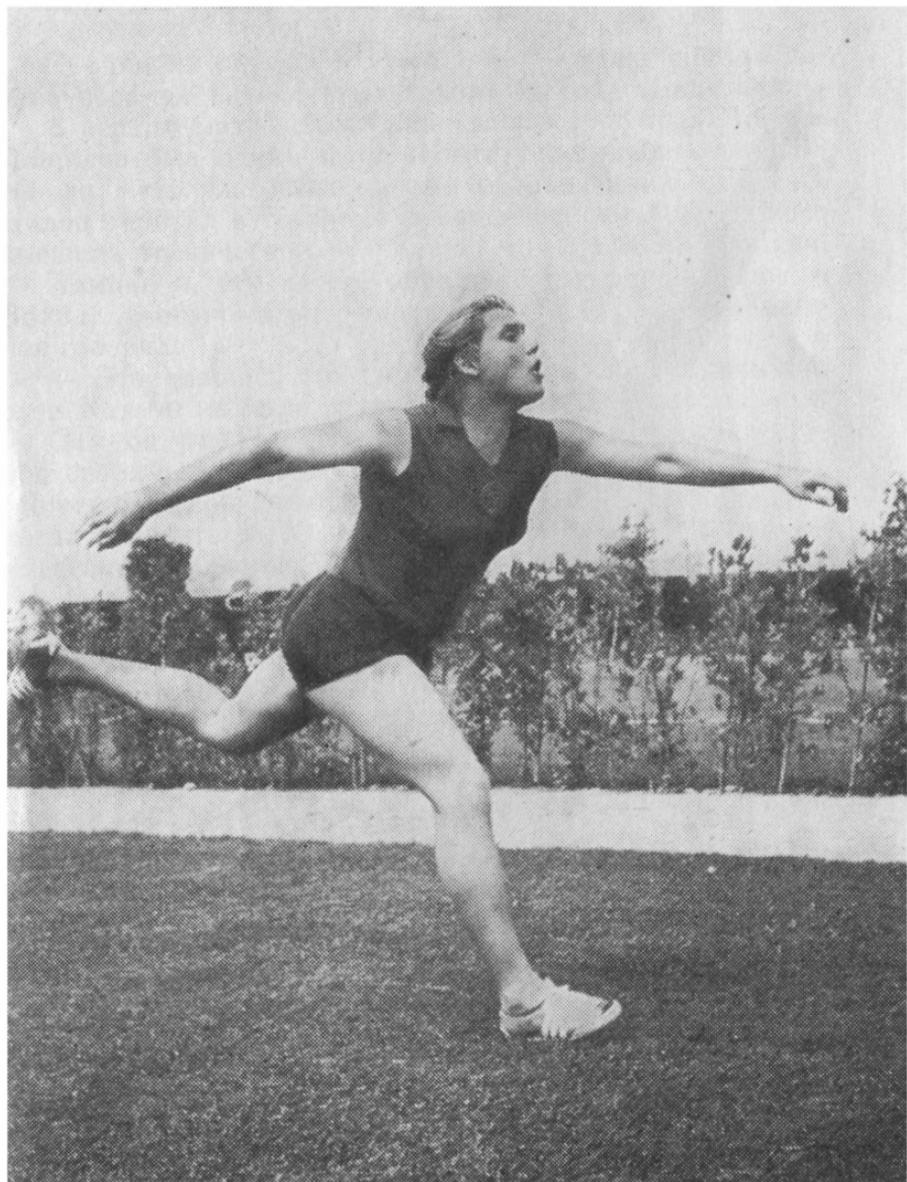

В гостях у пионеров.

С Виктором
Ильичом и
Хильдой
Оскарвной.

Первый бросок
в сборной СССР.

Последний...

И один из первых в этом ряду — «техническая голова сборной пятидесятых годов» Володя Лощилов!

В первом матче с американцами в 1958 году Володя Лощилов был одним из немногих участников советской сборной, кто уже имел диплом об окончании вуза. Лощилов работал в то время преподавателем Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана.

Помню, я, студентка, обращалась несколько раз к Володе, и он помогал решать различные задачи. Лощилов говорил:

— Это хорошо, что ты занимаешься в техническом вузе. Как бы ни было трудно — не бросай!

Сам он имел право говорить так: «Не бросай», — ибо любимым словом Володи было одно: «Борись!» Может быть, он полюбил это слово с тех далеких дней, когда четверть века назад стал чемпионом Сибири по классической борьбе? А может быть, чуть позднее, когда выдержал конкурс в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта? А может быть, слово «борись» пришлось ему по душе, когда он пробился в ряды сборной страны по легкой атлетике и, имея в своем активе результат 17 метров 50 сантиметров, поехал на Олимпийские игры в Мельбурн? И там-то он впервые столкнулся с тем, что цель, которую он поставил себе — попасть в призовую шестерку, — оказалась невыполненной. Лощилов вернулся из Австралии с тринадцатым местом. Он тяжело переживал неудачу. Хотел было оставить спорт. И повод был подходящий — он стал аспирантом на кафедре «Машины и автоматизация сварочных процессов», ближайшим помощником ректора МВТУ имени Баумана, Героя Социалистического Труда, члена-корреспондента Академии наук СССР Георгия Александровича Николаева. Приходилось разрываться: тренировки, участие в международных соревнованиях, преподавательская работа и учеба в аспирантуре...

Вот тут-то жизнь и потребовала от Лощилова бойцовских качеств. Что любопытно, в эти годы и пришел к нему самый большой успех в спорте.

Поднимите подшивку «Советского спорта». Вот что писалось о Лощилове после его победы на матче СССР — Великобритания в 1957 году:

«...Упорная борьба шла в толкании ядра у мужчин: разница между первым и четвертым участником составила всего 55 см. Первое место занял Владимир Лощил — 16 м 72 см...»

А через несколько дней та же газета комментировала итоги чемпионата СССР:

«Среди финалистов соперником чемпиона сразу же зарекомендовал себя В. Лощил... В третьей попытке решалась судьба первенства... толчок Лощилова — 16 м 72 см — остается лучшим. С этим достижением он и завоевал звание чемпиона страны по толканию ядра. Золотая медаль чемпиона досталась ему впервые».

А в эти же дни в МВТУ профессор Г. Николаев сказал своему ученику:

— Ультразвуковую сварку мы уже освоили... «Соединяться, и обязательно прочно» — нашему требованию подчинились металлы, их сплавы, керамика, пластмассы — практически все неживые материалы... У меня был разговор с руководителем кафедры травматологии института усовершенствования врачей профессором В. Поляковым, медики просили подумать, как сваривать кости, поврежденные при переломе. Врачи будут искать свои пути. Мы обязаны подумать об операциях ультразвуком. Придется, видимо, заняться изучением медицины...

Надо было верить в удачу, иметь силу побороть сомнения, чтобы пережить неудачи первых лет. Ультразвук таил в себе такую силу, что кости — бараньи и коровьи — моментально обугливались. Инженеры и медики искали оптимальный режим работы генератора.

А когда это удалось сделать, врачи решительно заявили: для соединения костей пригоден лишь полимер, который способен рассасываться в живом организме. Иначе он будет отторгнут как инородное тело. Разрабатывать пригодную методику нужно было в эксперименте над животными...

Прошел год. Но спортсмен Лоцилов продолжал выступать за сборную страны, он участвовал, как я уже писала, и в первом историческом матче с американцами. Он по-прежнему считался сильнейшим в нашей стране. «Советский спорт» констатировал его очередную попытку:

«Очень острой была борьба за титул чемпиона в соревнованиях по толканию ядра у мужчин... В. Лоцилов добивается нового успеха — 17 м 40 см. Этого достаточно для выигрыша звания чемпиона».

Второй раз подряд достается Лоцилову золотая медаль — и снова он должен был отчаянно сражаться за победу. Молодые соперники дружно наседали на двадцатисемилетнего преподавателя...

...А в это время и научная работа успешно продвигалась вперед. Для соединения костей решили использовать консервированную кость, или, как выразился Лоцилов, костную щебенку, присадочный материал и циакрин, успешно применявшийся хирургами для склеивания мягких тканей. Новый мономер обладал стерильностью и способен был без следа рассасываться в организме.

Прибор, который создали профессор Г. Николаев и В. Лоцилов, понравился медикам — аппарат был надежен, портативен, способен действовать в условиях небольшого операционного поля. Плюс ко всему он легко разбирался и стерилизовался.

Новый метод передали в клинику только через десять лет, когда остались позади тысячи экспериментов, поправок и доводок.

8 декабря 1969 года впервые в мировой хирургической практике кости сломанной ноги человека были соединены при помощи ультразвука. Операцию делал академик М. Волков. Работу ультразвуковой аппаратуры корректировал инженер В. Лошилов...

В 1972 году мастер спорта СССР, доктор технических наук В. Лошилов в составе группы инженеров и врачей был удостоен Государственной премии СССР «за разработку и применение в клинической практике методов ультразвукового соединения костей после переломов, ортопедических и торакальных операций, восстановления костной ткани при заболеваниях и дефектах костей, а также ультразвуковой резки живых биологических тканей». В этой сухой научной формулировке сконцентрирована суть многолетних поисков.

Когда я позвонила Владимиру Ивановичу Лошилову и поздравила лауреата с высокой наградой, то напомнила ему перечень парадоксов в истории развития науки и техники:

телеграфный аппарат изобрел Морзе — живописец;
телефон — учитель глухонемых Белл;
паровую машину — часовщик Уатт;
пароход — ювелир Фултон;
прядильную машину — парикмахер Аркрайт;
дневное кино сконструировал юрист Новицкий;
аппарат для ультразвуковой сварки костей... спортсмен Лошилов...

Володя рассмеялся:

— Неплохо придумано. Но ты забываешь, что в освоении нового генератора принимал участие Владимир Петров — профессор-хирург, мастер спорта по лыжам. Ты его должна помнить — он был врачом сборной страны по легкой атлетике, когда в 1959 году вы летали в Филадельфию. Так что добавь в свой перечень — «аппарат для ультразвуковой сварки костей... изобрели и внедрили, в частности, спортсмены Петров и Лошилов...»

— А сам-то ты о спорте, наверное, забыл? — спрашиваю.

— Доброго друга разве забудешь? — отвечает. — На всех состязаниях по легкой атлетике обязательно бываю. Поддерживаю дружбу со своим тренером Леонидом Митропольским. Играю в училище в волейбол — удар не потерял силу. На лыжах — каждое воскресенье...

А дочь мою — Люду — помнишь? Она у Лизы Верхошанской тренируется. Учится толкать ядро и метать диск. Иногда помогаю ей, показывая элементы техники, но стараюсь не вмешиваться в учебный процесс. Для своего возраста Люда выступает неплохо...

Герой Социалистического Труда Г. А. Николаев дал такую оценку моему товарищу по сборной страны:

— Энергичный, исключительно инициативный человек, умеющий работать в нескольких областях. Того, что достиг уже Лошилов, иному хватило бы на несколько жизней. Но это лишь начало его большого пути — гуманного пути в науке, служащей человеку...

Олимпийская чемпионка И. Яунземе — кандидат медицинских наук, чемпион СССР В. Лошилов — доктор технических наук, профессор, декан факультета МВТУ... Вас, друзья мои, часто я вижу с расстоянья лет...

НЕ ТОЛЬКО ТРУБЫ И БАРАБАНЫ...

Но не только одни победы мне вспоминаются. Работая над книгой, я дала слово: «Нигде не упомяну тривиальную мысль о том, что человек в жизни проходит через огонь, воду и медные трубы». Но, видимо, придется взять обещание обратно. Сейчас расскажу о том, что спорт — это не только медь начищенных труб оркестра, встречающего чемпионов в аэропорту Шереметье-

во, не только звук барабанов: «Гром победы, раздавайся»... Спорт — это жизнь, как утверждает поэт Рождественский, целая жизнь и даже немножко больше...

Почему Озолина не победила в 1964 году в Токио? Почему счастье не улыбнулось ей, в глазах которой пряталась облака?

Оригинальная в своей неповторимой внешности, Эля и впрямь была человеком загадочным.

То, бывало, смеется, озорует.

То вдруг замолчит и не спускает глаз с разбега соперницы, следит за полетом копья, пока оно, воткнувшись в зеленую траву, не вздрогнет последний раз, прощаясь с полетом...

Меня всегда интересовало, что думают разведчики незнаемого — мировые рекордсмены? Ведь они впервые постигают немислимое напряжение. Только им дано узнать радость первой встречи с цифрами, которые еще вчера назывались фантастическими. Не им ли, мировым рекордсменам, стремящимся за ускользающий круг горизонта, дано первыми угадать великую значимость и в то же время зыбкость мирового рекорда.

Ты первый в мире... Ты сильнейший... Это вызывает и радость, и томление.

Про них иногда говорят: «Странные люди». Иногда им снятся странные сны — знаю по себе. Даже наяву их тревожат видения, которыми они ни с кем не делятся. Мечтатели и романтики, труженики, они обычно бывают людьми напряженного волевого действия. Стремлениям их нет предела. Однажды взлетев, они снова тянутся к неведомому рубежу. Это словно болезнь. Наверное, так летчики на земле тоскуют по небу.

Романтики... Герой Социалистического Труда авиаконструктор Олег Антонов утверждает, что «романтика — это состояние духа, которое может сдвигать горы, но в то же время, как нежный цветок, сворачивается от неосторожного прикосновения».

Характер у Эльвиры Озолиной трудный.

Ее учитель, заслуженный тренер СССР Леван Григорьевич Сулиев, жаловался своему другу Виктору Ильичу Алексееву:

— Есть у меня девочка. Камешки она метает так, что даже Кузнецову не снится. Хлыстообразное движение такое, что уму непостижимо. Прыгучая, гибкая. Но характер... Я ей говорю: «Три шага вперед». Она обязательно сделает на шаг больше... Эля уже сегодня в пятиборье за 4 тысячи очков набирает, но она природненная метательница копья. На днях с трех шагов на 35 метров запустила...

В Риме-60 Озолина стала олимпийской чемпионкой. После установила мировой рекорд. На Олимпиаду-64 она прилетела с твердым намерением отстоять свое звание. Своим близким подругам Эля сказала:

— Если не я, то кто же может выиграть? А если проиграю, подстригусь наголо.

Мало ли что мы говорим иной раз? Бросаем слова, обещания. Знаем: не получится сегодня — выйдет завтра... А Эля, проиграв в Токио, словно знала: уж больше не будет ни гимнов в честь твоей победы, ни фанфар, ни гвоздик для чемпионок, ни медалей особого сплава. Ничего этого не будет... Останется серятина — переползание изо дня в день, унылые результаты.

Нет, я права, что таким людям, как Озолина, даже наяву видятся картины, о которых они никому не говорят.

Озолина пошла в парикмахерскую и подстриглась. Наголо.

В нашей команде говорили: «Ребячество... Хулиганство... Пижонство...» Но люди по-разному переживают неудачи. Озолина поступила в духе своего характера...

— Да, я такая! — Она и в поражении осталась победительницей.

Она дружила с Янисом Лусисом. И если для нее все

уже было покончено со спортом в 1964 году, то большая любовь только начиналась.

Не говорила ли Эля своим поступком: «Да, Ян, характер у меня не сладкий. Как захочу, так и сделаю. Если даже ты станешь головой, то я твоей шеей — куда захочу, туда и поверну».

На стриженую голову можно надеть парик, благо тогда они еще были в моде. А на больную душу что можно напялить?.. И как вылечить ее, душу, если она, «как нежный цветок, сворачивается от неосторожного прикосновения».

Несколько лет Озолина не могла прийти в себя. К травме душевной прибавилась травма физическая. Любой метатель поймет, что значит слово «переартрит». Это разрыв плечевой сумки. Для нас, метателей, эта травма равна перелому толчковой ноги у прыгуна. И случилось это в 1966 году... Затем годы безвестности, которые Эля называла уединением и утверждала, что оно прекрасная штука... В эти годы она вышла замуж за Лусиса, переехала в Ригу. Два олимпийских чемпиона под одной крышей... Когда Эля твердо решила вернуться в спорт, Ян не протестовал. Он лишь сомневался: «Честно говоря, я не думал, что возвращение в большой спорт после такого перерыва и такой травмы, какие были у Эльвиры, вообще возможны...»

Лусис стал помогать Эле. Учил ее и учился сам. Он знал, как ранима ее открытая душа. Он волновался: какую струну тронуть?

А потом был июльский день 1973 года, когда на чемпионате страны в Москве Эля после семилетнего перерыва вышла на дорожку разбега. Загадочная женщина, она и на этот раз задала всем любителям легкой атлетики трудную задачу: «Откуда это берется? Такая красота и такая воля?»

Из мира безвестности она на несколько дней вернулась в мир ажиотажа, бесконечных интервью: «Только

одно слово скажите, только одно слово». Она была немного рада, что снова оказалась в центре пристального внимания.

В день ее броска даже непогода отступила. На трибунах собралось столько любителей легкой атлетики, сколько старожилы Лужников не помнят. Большинство пришло посмотреть на Озолину.

Эльвира в первой же попытке вспорола копьем купол неба. Все мы, сидящие на трибунах, молили: «Ну еще немного пролети, еще чуть-чуть»... Копье Озолиной вонзилось за отметкой красного флажка.

Переписав на свое имя всесоюзный рекорд, Озолина как-то успокоилась. Всесоюзное достижение 63 метра 12 сантиметров до последних дней числилось за ней... А сама Эля нянчит малыша. Наверное, все справедливо?.. В двадцать лет она узнала такую славу, о которой ей и не мечталось. В двадцать четыре года она потерпела такое поражение, которое не приведи бог кому-либо пережить. А вот теперь семья, уют... И где-то там, в далеком прошлом, знакомый с детства запах сена и гостеприимная трава ленинградского стадиона. Что бы ни говорили люди, лишённые воображения, но метатели не забудут эту траву. Здесь ощущали мы и радость одоления собственного бессилия, и полынную горечь в дни неудач. «С кем протекли его боренья?» С самим собой, с самим собой», — писал поэт.

Одна из самых выдающихся копьеметательниц нашей страны, самая экстравагантная женщина, видела ли Озолина, как последний раз задрожало копье, воткнувшись в траву и прощаясь с полетом. Что испытала в этот момент ее чуткая душа?..

Драма Озолиной в Токио по-новому открыла мне спорт. Отчаяние и вызов всему миру!..

«...Интересно и бесполезно и для себя и для других припомнить историю собственного произведения, — писал Александр Блок в предисловии к поэме «Возмез-

дие». — К тому же нам, счастливейшим и несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и увы! — забыть их нельзя, — они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах».

Где-то я уже утверждала, что мировые рекорды, показанные в спорте, являются такими же человеческими ценностями, как прекрасные стихи и волшебная музыка. Мировой рекорд!.. Объективный показатель труда, затраченного человечеством для достижения предела на сегодняшний день. Здесь, при установлении мировых рекордов, случайности исключены... Я помнила, что где-то у Блока были афористичные стихи о «случайностях». Стала искать их в восьмитомнике. «Сотри случайные черты — и ты увидишь: мир прекрасен»... Но, прежде чем дошла до одиннадцатой строки поэмы «Возмездие», я на сороковом году впервые прочитала предисловие в прозе. Оно пронзило меня: «Каждая цифра кажется написанной кровью; мы не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах...»

Это ведь на 100 процентов можно отнести к спортсменам — каждый результат, каждая цифра, каждый рекорд даются нам кровью. Труд, самоотверженность, упорство — вот разгадка наших результатов. Все знаменитые чемпионы шли в спорт тружениками. Рядовыми.

Именно труд плюс талант всегда помогали и помогают спортсменам обретать крылья, устанавливая рекорды, тасовать строчки в таблицах мировых достижений... «Мы не можем забыть этих цифр», — написано Блоком в 1919 году. Содержание этого предложения открылось для меня через 57 лет... На моем лицевом счету за 10 лет пребывания в спорте значится 12 мировых рекордов в толкании ядра и метании диска. Каждый из

результатов — итог многолетней подготовки, сложной психологической борьбы. Любой из рекордов забыть я не в силах. Но память моя так уж устроена, что я почему-то хорошо помню все рекорды моих товарищей — 10,3 секунды, показанные сестрой Ириной на барьерной дистанции в 80 метров, и ее фантастическую сумму в пятиборье — 5246 — мировой рекорд, установленный на Олимпиаде-64 в Токио; и 228 сантиметров, которые преодолел в Лужниках Валерий Брумель... Но все это было уже потом, в те годы, когда я уже привыкла к мировым рекордам и когда десятки раз была их свидетельницей. Но никогда не забуду летнего дня на стадионе «Динамо» в 1957 году. Как замороженная смотрела я на состязания прыгунов в высоту, которые всегда считаются изюминкой легкоатлетических турниров. Ленинградец Степанов взял на «Динамо» высоту 216 сантиметров и установил рекорд. Впервые фамилия советского спортсмена появилась в таблице мировых достижений в том виде легкой атлетики, который заокеанские спортсмены считали исконно американским. 216! Вдумаемся — Степанов прыгал с гаревой дорожки... Попросите сегодняшних спортсменов толкнуться с земли — не с тартана или рекортана, а с обыкновенной земли, — на сколько они взлетят в 1977 году? А тогда, в 1957-м, результат Степанова считался прямо-таки сказочным... 216! Я счастлива, что видела тот прыжок Степанова...

20 лет назад это была очень популярная фамилия в легкой атлетике. Даже бронзовый призер Олимпиады-56 Игорь Кашкаров ушел в тень... На устах всех ценителей прыжков в высоту витало лишь одно: Степанов.

В 1957 году американцы готовились торжественно отметить 70-летие с того момента, когда рекорд Америки и рекорд мира по прыжкам в высоту стали синонимами. Журнал «Лайф» благодушно констатировал 20 лет назад: «У наших чемпионов и рекордсменов прекрасная

судьба: проигрывая, они уступают славу и честь победителя своему соотечественнику».

На 13 олимпийских играх, которые предшествовали 1957 году, американцы побеждали 11 раз, уступив лишь в 1932 году канадцу Мак-Наутону и в 1948 году австралийцу Уинтеру. Причем обоих чемпионов тренировали американские «коучи». Поэтому-то прыгуны в высоту из США не особенно переживали те два поражения.

Атлеты США уже давно освоили высоту 2 метра, а рекорд Советского Союза никак не мог подняться выше 199 сантиметров.

...Высота 200 сантиметров оставалась «заколдованной» для наших прыгунов. Но в 1955 году Юрий Степанов взял наконец 202 сантиметра... Вслед за ним киевлянин Владимир Ситкин установил рекорд СССР — 205 сантиметров. Потом студент Московского энергетического института Игорь Кашкаров, прибавляя по сантиметру, пять раз улучшал высшее всесоюзное достижение. Именно Кашкаров стал первым советским спортсменом, вернувшимся с медалью по прыжкам в высоту с Олимпиады в Мельбурне. Валерий Брумель в книге «Высота» назвал Кашкарова кумиром своего детства. Не мудрено: Кашкаров 17 лет выступал в секторе по прыжкам в высоту и из них 10 последних лет брал высоту более 203 сантиметров...

Но меня в этой главе больше всего интересует Степанов, ибо он представляется мне одной из самых трагических фигур в истории нашего спорта. Итак, он первым взял психологический барьер — 202 сантиметра. Он ворвался на такую высоту первым, для того чтобы растеряться и... уступить лидерство. Сантиметр за сантиметром прибавляют Ситкин, Поляков, Кашкаров... Сантиметр за сантиметром опускается ниже Степанов... На первой Спартакиаде народов СССР он берет высоту лишь 190 сантиметров и занимает двенадцатое место. Естественно, на Олимпиаду в Мельбурн ему дорога заказана.

Кажется, ушло его время. Появились новые герои высоты и новые кумиры молодежи.

Юрий Степанов продолжал заниматься у Павла Гойхмана. На ленинградском зимнем стадионе я не раз наблюдала за этим незаурядным тренером. Гойхман подготовил первого советского прыгуна, преодолевшего два метра. Гойхман тренировал победителя многих турниров Иосифа Берхина — спортсмена, прыгавшего в высоту всего лишь на 196 сантиметров, но носившего титул неофициального рекордсмена мира среди низкорослых атлетов — Иосиф брал высоту на 27 сантиметров выше своего роста... Однажды в секцию Гойхмана пришел паренек, который... хромал. И думаете, Павел Наумович прогнал его со стадиона? Нет, он стал его тренировать. Забегая вперед, скажу: этот хромающий спортсмен брал через несколько лет высоту 203 сантиметра... Гойхман был тренером олимпийского чемпиона 1972 года Юрия Тармака.

В 1957 году Павел Наумович Гойхман, тщательно проанализировав итоги выступления Юрия Степанова в спартакиадном и олимпийском году, пришел к выводу, что именно Степанов способен замахнуться на мировой рекорд олимпийского чемпиона американца Чарльза Дюмаса — рекорд, равный 215 сантиметрам.

Как человек и спортсмен, Степанов был очень впечатлительным. Если можно так сказать, он был словно обнаженный нерв. Обостренная чувствительность помогала ему в штурме мировых рубежей. И именно обостренная впечатлительность мешала нашему рекордсмену.

Однажды за рубежом я спросила Юрия:

— Ты что такой мрачный?

— Понимаешь, дали в гостинице красное одеяло. Красное! Это какой-то ужас!

В другой раз я рассказывала Ирине, как случайно порезала ножом палец. Очень волновалась — смогу ли толкать ядро? Конечно, я не обратила внимания на си-

дящего рядом Степанова. А он, слушая меня, шевелил пальцами, словно это он порезал себе руку, словно это ему предстояло толкать сейчас ядро. Степанов остро переживал боль любого человека. . .

Надо же было случиться, что именно на долю такого чувствительного спортсмена выпали тяжелейшие психологические испытания. Обозреватель «Советского спорта» писал в статье «Господствующая высота»:

«Бедный Степанов! Сколько пришлось ему вынести, сколько вонзалось в его душу отравленных стрел, выпущенных из-за рубежа, как долго ему пришлось ждать, чтобы его мировой рекорд в конце концов был признан. Не знаю, существовала ли тогда и существует ли теперь стандартная толщина легкоатлетических туфель и в какой степени она влияет на результат, но, думаю, антисоветская кампания на Западе объяснялась совсем иной причиной: болезненной реакцией на утерю своего приоритета. Во всяком случае, когда через год американцы приехали в Москву на матч со сборной СССР, тот же Степанов побил всех своих соперников, среди которых был и Дюмас, побил с редким для такого рода состязаний превосходством в сантиметрах — 212 против 203!

216 сантиметров Юрий Степанов преодолел на международном матче СССР — Финляндия в присутствии десятков тысяч зрителей. Никаких сомнений в правомочности рекорда быть не могло, но... французская газета «Экип», претендующая на объективность, вдруг закусила удила и понеслась: «Юрий Степанов прыгал в туфлях на толстой подошве». Эту ложь подхватили другие зарубежные издания: «Прыгая на толстой подошве, Степанов пользовался своего рода трамплином».

Степанов переживал эту клевету мучительно. Отчаяние наваливалось на него глухими ночами, когда мерно тикал будильник, когда спал многомиллионный город Ленинград, а он, мировой рекордсмен Юрий Степанов, не мог сомкнуть глаз. Может быть, бросить этот

спорт? Кому они нужны, его результаты? Кому он нужен сам? Ведь стоит проиграть в соревнованиях, сразу за спиной шепоток: «Зазнался, не выдержал славы».

Его воодушевило сообщение из Москвы, что первыми из советских спортсменов удостоены почетной «Памятной медали» Владимир Куц, Юрий Степанов и Василий Кузнецов. «Памятная медаль» учреждена была в нашей стране для награждения спортсменов, добившихся выдающихся результатов в различных видах спорта. Критерием для оценки «выдающийся» служили нормы, превышающие официальные рекорды мира.

В конце июля 1958 года Юрий Степанов сокрушил в Лужниках олимпийского чемпиона Дюмаса. Ритмичный и стремительный разбег, непринужденный и мощный толчок заворожили экс-рекордсмена мира. Подойдя после поражения к ленинградцу, американец пожал Юрию руку и сказал: «Слава богу, что вы не читаете по-английски. Ваши нервы не выдержали бы груза клеветы». Но беда была в том, что Степанов читал по-английски...

Ровно через месяц, в августе 1958 года, Степанов неудачно выступил на первенстве Европы в Стокгольме. Он не мог перенести бесконечных пресс-конференций и проверки туфель. Степанов нуждался в срочном отдыхе — полном отключении от спорта. Юрию необходим стал покой, но... его включили в состав сборной страны на матч СССР — ФРГ. Наверное, в сентябре 1958 года Юрий Степанов в Аугсбурге и сломался окончательно. Психологическая травма вывела его из строя... Сколько лет прошло, но помню растерянность мирового рекордсмена Степанова, его мутный взгляд. Помню и равнодушие одного из руководителей делегации, бросившего: «Из него песок сыплется, а он прыгает».

Взлет и посадка... Не в этих ли двух словах заключен весь спорт? 216 сантиметров Степанова — феериче-

ский взлет... А что интересно, именно в этот год 15-летний украинский школьник Брумелль преодолевает 175 сантиметров... А другой мальчик — двенадцатилетний Валерий Скворцов — перелетает планку на высоте 130 сантиметров. И произойдет это в маленьком Бердичеве, в костеле, где размещалась детская спортивная школа Виктора Лонского.

Тропка, проложенная на прыжковый Олимп Юрием Степановым, должна была обязательно превратиться в широкую дорогу... И она стала магистралью — в 1960 году советские прыгуны Роберт Шавлакадзе и Валерий Брумелль вернулись из Рима с золотой и серебряной олимпийскими медалями, в 1964 году Брумелль завоевал в Токио новую золотую медаль, а в 1972 году в Мюнхене сильнейшим был признан Юрий Тармак...

А Юрий Степанов? Он погиб трагически... Теперь о нем напоминает проводимый в Ленинграде «мемориал Степанова». Первый советский рекордсмен мира по прыжкам в высоту, будучи одной из ярчайших звезд легкой атлетики, выигрывал очень редко — стал победителем чемпионатов страны в 1954 и 1958 годах, «вспыхнул» на матче с финнами в 1957 году и «нокаутировал» олимпийского чемпиона Дюмаса в 1958-м... Почему на его долю выпадали лишь «шишки»? Наверное, потому, что он был спортсменом уже уходящей эпохи. Самоуглубленность и бескомпромиссность уже перестали быть необходимыми слагаемыми спортивного характера. Если любая победа Юрия Степанова давила на него своей тяжестью, то уже следующий после Степанова советский рекордсмен по прыжкам в высоту Валерий Брумелль так рассказывал о своих ощущениях во время штурма мирового рекорда:

— 210... 213... 216 сантиметров. Прыжки даются с первой попытки. Потом 221 сантиметр — на 1,3 сантиметра выше мирового достижения негра Джона Томаса.

Судья наращивает стойки, а для промера высоты бе-

рут рейку, которой обычно пользуются в секторе для прыжков с шестом. В это время мне страшно хочется спать — часы показывают за полночь. Рекордная высота дается не сразу — лишь со второй попытки.

А потом планка поднимается еще выше. Судьи достают до нее, взобравшись на стул. Страшно? Нет. Этого чувства у меня не было. Просто чертовски захотелось прыгать. И высота 225 сантиметров сдалась.

Теперь вспоминаются слова моего римского соперника негра Джона Томаса. Он как-то заявил: «Если возьму 225 сантиметров, непременно взбегу на 102-й этаж небоскреба Эмпайр Стейт Билдинга». Знаешь, Джон, я не стал пересчитывать ступеней домов Ленинграда, где родился мой рекорд. Просто той ночью я прошелся по чудесному Невскому проспекту. Конечно, мне не спалось в ту ночь...

Это говорил Брумелль-победитель... Но я уже упоминала о растерянном Брумеле образца 1964 года, когда высота не покорялась ему, когда массажист Эльмар Мартин по совету тренера Коробкова нарочно проигрывал в шахматы мировому рекордсмену Брумелю. И эти победы за шахматной доской давали лучшему спортсмену мира дополнительную уверенность в своих силах...

Спортивный мир, наверное, одинаково запомнил взволнованность непосредственной и искренней Наташи Кучинской в Дортмунде-66, где на чемпионате мира по гимнастике она громогласно заявила о себе; слезы Ольги Корбут на Олимпиаде-72 тоже останутся не только в киноархивах, но и в сердцах всех, кто видел Олимпиаду на экранах телевизоров... Спортивные болельщики помнят и горе Давида Ригерта, получившего «баранку» в Мюнхене-72, и его радость в Монреале-76. Трудно забыть трагедию Власова, не вынесшего своего поражения и покинувшего Олимпиаду-64 досрочно. А Эля Озолина?..

Спорт — это и вечный праздник! И вечная боль!..

Можно ли в потоках славословия и гимнов вечному движению забыть о том, что спорт не только многое дает, но и многое отбирает?

ПРОФЕССОР

25 июля 1976 года Владимиру Павловичу Филину исполнилось 50 лет. Его ученики предлагали торжественно отметить юбилей. Назывались кандидатуры членов организационной комиссии. Писались приветственные адреса, продумывались подарки. Была даже мысль провести телевизионную трансляцию из института физкультуры, где преподает профессор, но вовремя вспомнили, что летом студенты не учатся, а весь эфир с 17 июля по 1 августа переполнен репортажами с XXI Олимпиады, а 25 июля, кстати, в видеозаписи мы увидим бег самого Борзова.

«Где снять банкетный зал?» — признаюсь, возникал и такой вопрос. Но Владимир Павлович Филин, главный виновник торжества и намечающейся суматохи, предложил: «Отметим по-семейному. Человек восемьдесят придут? Разместимся!..»

О профессоре В. П. Филине упоминают все ученые, которые занимаются проблемами детского и юношеского спорта. По его книгам воспиталось не одно поколение студентов. Сам Владимир Павлович написал столько статей, заметок и рецензий на научные работы, что сосчитать трудно.

Но вернемся к юбилею. Вот как бы осветил «Советский спорт» пятидесятилетие В. П. Филина, если бы... день его рождения не пришелся на Олимпийские игры в Монреале.

Вчера, 25 июля, в последнее воскресенье месяца, спортивная и научная общественность страны торжественно отметила пятидесятилетие мастера спорта по

легкой атлетике, чемпиона СССР в эстафетном беге, доктора педагогических наук профессора В. П. Филина.

В квартире юбиляра весь день раздавалась трель телефонных звонков — это искали, находили и поздравляли именинника. Зарегистрированы 484 звонка из 62 городов страны. Но и междугородная телефонная станция в этот день не бездействовала. Был установлен телефонный мост между Москвой и Монреалем. Первой позвонила двукратная олимпийская чемпионка Ирина Пресс, у которой четыре года назад В. П. Филин был научным руководителем диссертации. Среди монреальских забот не забыл о пятидесятилетии своего первого тренера Николай Политико, который ныне является старшим тренером сборной СССР по спринту и занимается в аспирантуре под руководством В. П. Филина.

Тепло поздравил профессора ректор Челябинского института физической культуры Юрий Викторович Катукков, который вошел в спортивную науку, пройдя «университеты» Владимира Павловича. Интересно отметить, что именно Ю. В. Катукков был пятидесятым — юбилейным — высококвалифицированным ученым, который прошел через школу Филина.

А всего В. П. Филин подготовил для спортивной науки 69 кандидатов и докторов наук.

Как ученый профессор В. П. Филин удивительно многогранен. Прodelав в спорте путь от новичка до мастера спорта, завоевав золотую медаль чемпиона СССР, Владимир Филин почти пять лет возглавлял сборную страны по спринту. Под его руководством тренировались к Олимпиадам 1956 и 1960 годов эстафетные команды, которые завоевывали серебряные олимпийские медали.

Тренер В. П. Филин умеет работать не только с опытными спортсменами. Четверть века назад начинающий тренер Владимир Филин сумел создать из студентов Московского энергетического института такую

команду, которая на протяжении всего сезона показывала результаты более высокие, чем... первая сборная Румынии. Именно этот факт натолкнул молодого ученого на мысль, что необходимо в научном плане работать на направлении, связанном с теорией детского и юношеского спорта. Не будет преувеличением сказать, что В. П. Филин является родоначальником этого направления в нашей стране.

В науке профессор В. П. Филин исповедует те же принципы, которыми руководствуется в научной практике тренер СССР Виктор Ильич Алексеев. Знаменитый ленинградский «воспитатель чемпионов» поделился однажды с профессором В. П. Филиным своими наблюдениями за детворой, играющей во дворе его ленинградского дома по улице Комсомола. Виктор Ильич с карандашом в руке подсчитал, что во время игры с мячом или в «казаки-разбойники» ребята затрачивают значительно больше энергии, чем его юные ученики-легкоатлеты во время изнурительных, но методически правильно организованных тренировок.

— Но ведь тренировки в школе Алексеева проводятся в гигиенических условиях, под руководством квалифицированных специалистов и под наблюдением врачей. Стало быть, в секции исключен какой-либо ущерб для здоровья детей, польза во много раз большая, чем действительно утомительная и бессмысленная беготня по двору, — заметил В. П. Филин. — Так не лучше ли направить неиссякаемый источник энергии ребят по руслу организованных спортивных занятий в целях физического развития, укрепления здоровья и в целях побед на Олимпийских играх.

Жизнь уже доказала: олимпийцы должны воспитываться сызмальства. Статистика свидетельствует: средний возраст атлетов высшего класса непрерывно снижается. Все больше специалистов сходится на том, что возраст олимпийских чемпионов скоро приблизится к

17 годам... На Олимпиаде в Токио чемпионкой в метании копья стала семнадцатилетняя румынка Михаэла Пенеш, девятнадцатилетняя американка Вайомия Тайес выиграла стометровку, олимпийскими чемпионками в эстафетном беге 4 × 100 метров стали две восемнадцатилетние полячки — Эва Клобуковска и Ирена Киршенштейн. Кстати, столь раннее начало вовсе не предполагает быстрого спада в результатах.

Ирена Шевиньска (Киршенштейн) в 1968 году выиграла финальный забег на 200 метров. В 1972 году Ирена завоевала бронзовую медаль на Олимпиаде. В 1976 году установила мировой рекорд на дистанции 400 метров.

Успехи выдающейся польской спортсменки объясняются еще и тем, что она рано начала заниматься спортом. Ведь благодаря высокой восприимчивости дети с поразительной легкостью постигают нюансы сложной спортивной техники. А взрослым все дается с большим трудом. Сто лет назад Фридрих Энгельс писал:

«Не лучше ли систематически и основательно обучать вольной гимнастике и упражнениям на гимнастических снарядах учащихся всех классов, пока их члены не утратили еще своей эластичности и гибкости, чем биться над двадцатилетними парнями в поте их лица — и своего собственного, — тщето пытаясь вернуть их костям, мускулам и связкам прежнюю подвижность и гибкость».

Это замечательное высказывание не потеряло актуальности и по сегодняшний день и может быть выбито золотыми буквами на кафедре ГЦОЛИФКА, где преподает профессор В. П. Филин.

Детский спорт!.. События на гимнастическом помосте, узком бревне и разновысоких брусьях, взлеты двенадцатилетних гимнасток Н. Дроновой, Н. Шапошниковой и М. Филатовой, драмы на ледяном овале Дворцов спорта — они уже вышли по своему значению за рамки

спортивного мира. Разве это не прекрасно, что сегодня мальчишки знают имена своих одноклассников, блестяще проявивших себя в спорте, равно как и в музыке, и в математике...

Правда, необходимо оговориться, что работа с детьми дело тонкое и деликатное. Часть тренеров по гимнастике, стремясь к скорейшему успеху, набирает учеников прямо... в детском саду. На Всесоюзной спартакиаде школьников 1976 года во Львове заслуженный тренер СССР Александр Семенович Мишаков, воспитавший великих гимнастов Ларису Латынину и Бориса Шахлина, категорически выступил против безудержной погони за непомерной сложностью упражнений.

— Я не могу на все это смотреть, — сказал он. — Впрочем, вести разговор с тренерами на эту тему сложно, потому что, с одной стороны, это требование времени — ранняя специализация и большая сложность. А с другой, гимнастика — это еще и школа, и ее не перепрыгнешь, надо идти по всем ступенькам классов.

А иные девчонки и голову вскинуть не умеют, и рукой повести не знают как, а вот по три сальто крутить и потом сразу же по три пируэта — это они научились...

Но вернусь к юбилею. Ведь именно интерес В. П. Филина к юношескому спорту дает нам простор для размышлений о чемпионах 1980 года, о путях и методах подготовки юной смены.

В 1969 году, когда мне пришлось составлять в ВЦСПС документы о детских юношеских спортивных школах, я решила посоветоваться с профессором В. П. Филиным, у которого моя сестра занималась в аспирантуре. Владимира Павловича я знала еще по тем годам, когда он был тренером сборной страны. Он мне нравился еще и тем, что был сторонником педагогических взглядов В. И. Алексеева.

После нашего разговора с В. П. Филиным о ДЮСШ я записала для себя его советы:

«Путевку в большой спорт дают молодым спортсменам в основном наши ДЮСШ. Кстати, сборные команды СССР на 90 процентов состоят из выпускников этих школ. Они главная кузница олимпийцев. Но мехи ДЮСШ действуют еще вполсилы. Уже здесь (правда, в миниатюре) существуют те же беды, что иногда мешают воспитанию спортсменов во взрослых коллективах.

Та же прозаическая система комплексного зачета в комплексных соревнованиях. Не поэтому ли отделы народного образования, советы добровольных спортивных обществ, в ведении которых находятся ДЮСШ, заинтересованы прежде всего в подготовке спортсменов, которые бы обеспечили зачет по многим видам спорта... Отсюда, наверное, и отсутствие специализированных школ, и карликовые отделения по отдельным видам спорта, и кустарная организация занятий. И давнишняя беда — натаскивание юных спортсменов на посредственный результат, но зато зачетный! А это все пагубно сказывается на дальнейшем росте детворы...»

На тот день, когда я занималась вопросами ДЮСШ, меня поразила такая цифра: в 1969 году в 305 отделениях конькобежного спорта ДЮСШ занималось 18 294 спортсмена. И лишь 349 из них позднее попали в школы высшего спортивного мастерства. Отсев был велик. Уже один этот факт свидетельствует, что, к сожалению, тогда не было стройной системы, которая бы вела выпускника ДЮСШ все выше и выше по крутым ступеням, где талантливый спортсмен смог бы углублять и совершенствовать свое спортивное мастерство...

Когда я в 1969 году поделилась с Владимиром Павловичем некоторыми своими мыслями, он посоветовал проверить догадки экспериментальным путем, обобщить и осмыслить опыт работы школы В. И. Алексеева, из которой я вышла в большой спорт.

Семь лет назад я прошла по многим московским школам, присмотрелась к девочкам, которые хотели

стать метательницами, и при ДСО «Зенит» создала экспериментальную группу легкоатлетов. Тренируя спортсменов, я планировала учебный процесс, пользуясь советами как Виктора Ильича, так и профессора В. П. Филина.

Чувствовалось, что работа, которую я вела, принесет пользу и девочкам, тренирующимся в секции, и мне, и научной кафедре. Вскоре первая моя ученица — Валя Русанова — выполнила норму мастера спорта по метанию диска, а потом она же сделала дубль в толкании ядра. В 1971 году Владимир Павлович официально пригласил меня к себе на кафедру на должность, как он сказал, внештатного младшего научного сотрудника. Вместе с учеными я стала участвовать в разработке методических указаний, в экспериментах... Теперь я проверяла свои выводы не только на своих первых ученицах, но даже на спортсменах молодежной сборной страны. В этот период мне очень помогла Анна Дмитриевна Комарова — кандидат педагогических наук, ученица В. П. Филина, старший тренер молодежной сборной СССР. Анна Комарова была мастером спорта по толканию ядра. Вместе с ней я выступала во многих состязаниях. А в 1971 году наше соперничество в секторе для толкания ядра перешло в тесное сотрудничество. Анна Дмитриевна стала вторым моим научным руководителем.

Комарова научила меня излагать свои мысли просто, четко. Цели своей Анна Дмитриевна добилась очень легко — она дала мне почитать наукообразную статью «Метание диска». Где-то на тридцатой странице я, бывшая спортсменка, стала недоумевать: или я не знаю, что такое диск, или этого не знает автор. За научными оборотами и словесами пропала суть работы, а выводы утонули в рассуждениях.

С тех пор я боюсь наукообразности. Признаюсь, было нелегко читать десятки кандидатских и докторских

диссертаций, когда я готовилась к защите своей работы. В ряде диссертаций, которые разбухали до объема в 200 страниц, все выводы можно было спокойно уложить на двух-трех страничках. Но кто же станет это делать? Ведь для представления работы на защиту нужен стандартный объем — 200 страниц. Не меньше!..

Все эти мысли пришли мне в голову в день пятидесятилетия моего научного руководителя. Нет, мне не всрилось, что ему уже пятьдесят...

Владимир Павлович сидел у рояля. Он играл Бетховена. Он не хотел никаких торжеств.

— Ради чего столько шума? — спрашивал он у друзей. — Только ради того, что я родился. Стоит ли моя жизнь такого шума, такой суеты... Юбилей интересен тем, что он обязательно заставляет человека остановиться и оглянуться... Силы есть? Есть... Опыта хватает? Хватает... Хочется воспитать не только учеников, но и учеников учеников...

Какая моя мечта? Если бы разрешили, я собрал бы группу инициативных ученых и посадил бы их на несколько месяцев в школу Виктора Ильича Алексеева. Титаническая деятельность этого подвижника до сих пор не получила своего научного оформления. Сам Виктор Ильич к званиям не стремится, но мы не настолько богаты, чтобы разбрасываться бесценным опытом «спортивного академика»...

Замечательная мысль: создать научное оформление трудам Алексеева! Как это прекрасно — в день юбилея профессор В. П. Филин думал не о себе...

СПАСИБО ОЛИМПИЙСКОМУ ОГНЮ

Знакомишься с героями этой книги — и невольно ловишь себя на мысли: «Все у автора хорошо: спортом занимаются и народный артист, и строитель — герой

труда, и летчики, и драматурги, и академики, и доктора технических наук. Прекрасно... Но не забыла ли автор, которая, к слову говоря, была первым председателем единственной пока в мире федерации здоровья, что она в ряде своих же статей, опубликованных в «Известиях», утверждала, что у нас каждый седьмой занимается спортом... Каждый седьмой! Стало быть, есть и люди, которые к спорту равнодушны?»

Вопрос непростой. Признаюсь, что людей, равнодушных к спорту, я не встречала. Через телевидение, кино, печать спорт вошел в каждую семью. Но есть, к сожалению, люди, которые любят лишь рассуждать о спорте, не пропускают у экрана телевизора ни одного интересного матча, но сами спортом не занимаются...

Почему?

Давайте познакомимся с одним моим другом — «нетипично типичным героем» — Вадимом Удачным...

Приехала я в его семью без звонка. Вадим встретил гостью без энтузиазма: «Дети в доме отдыха — на лыжах катаются... Жена скоро придет... А я работаю... Считаю...»

— С этой физикой ты становишься не просто домоседом, ты делаешься преступником, — говорю я ему. — Сидеть над расчетами и не видеть зимы. Для чего тебе в твоём КБ дают творческие дни? Ты хоть за город выезжал за последние семь лет? — это мой монолог.

— Будешь агитировать за лыжи? — спрашивает Вадим.

— Бесполезно, — я машу рукой.

Сколько лет знаю семью Вадима — мы всегда спорим с хозяином дома из-за одного: он совершенно перестал заниматься спортом.

Физика, физика, физика! — вот смысл его жизни.

Он работает с утра и до вечера, почти на износ. Вадиму хочется объять необъятное.. Вечная неудовлетво-

ренность собой заставляет его ум быть в постоянном напряжении. И с годами Вадим все больше и больше отвыкает отдыхать. Надолго ли его хватит?

— Ты пойдешь в Лужники?

— Чего я там не видел?

— Мотогонки на льду. Спидвей! — стараюсь говорить красиво.

— Понимаю: три часа стоять на свежем воздухе... Это мать моя просила? Сама бы в жизнь не придумала: мотогонки на льду! А что я в этом понимаю?

— Научисься!

— Поздно садиться за парту. — Вадим приглашает меня в кабинет. 7 тысяч книг втиснулись здесь на 14 квадратных метрах комнаты. 7 тысяч книг — сколько из них он прочитал?

Вадим ловит мой взгляд и закидывает удочку:

— Здесь мне перевели одну интересную книжечку про Ньютона, — он залезает на лестницу-стремянку и роется в папке. — Книжечка небольшая, но, знаешь ли...

Смотрю на огромную фигуру, сидящую на алюминиевой лестнице, и спрашиваю в упор:

— Ты сколько вешишь?

— Сто тридцать, наверное! — отвечает Вадим.

— А когда учился в Бауманском, сколько весил? Когда за сборную Москвы по легкой атлетике выступал, сколько в тебе было?

— Восемьдесят, — отвечает Вадим.

— При том же росте? — пришлось уточнить и добавить жестко: — Детей своих постыдись — ишь как разъелся... Если на себя рукой махнул, о Сереже бы вспомнил, о Вике. Ты когда с сыном последний раз на лыжах ходил?

— Можно не отвечать? — спросил Вадим. — У нас дома строгое распределение обязанностей. Воспитанием детей и их физической подготовкой занимается жена, их

мама. У меня физически нет времени на физические упражнения, хорошо хоть на чистую физику кое-что урываю. Сережа с этим свыкся — его водит в бассейн бабушка. Вика пока в отцовском внимании не нуждается. И нечего поднимать панику: детям созданы все условия для гармонического, как сейчас модно говорить, воспитания.

— Но ребенку нужен прежде всего ты, отец. Твой личный пример. Плавательный абонемент живого человека не заменит.

— Разве я сам не понимаю всего, — вынужден был признать Вадим. — Отец нужен ребенку. Мне всегда помогала в жизни беспредельная отцовская верность, необходимо было вовремя сказанное отцовское слово. Когда отца хоронили, знаешь что вспомнилось? Ночь в лесу... Лыжня на снегу. Лыжи, которые почему-то не скользили... К костру подошел отец, поправил крепления, сказал: «А я еще два круга пройду!» Он придумал однажды встретить Новый год в лесу, у костра, и вся семья должна была пройти на лыжах 42 километра 195 метров. Отец сказал полусерьезно-полушутя: «Маратонская дистанция 42 километра 195 метров. Абсолютное большинство людей уходит из жизни, так и не пробежав эту дистанцию ни разу. Я ее в одиночку не одолею никогда — давайте всей семьей попробуем». И попробовали! Стартовали за несколько минут до наступления Нового года, финишировали, естественно, далеко за полночь... У меня лыжи не скользили. А у отца отскакивала дужка ротофеля. Ничего особенного в ту ночь не произошло... Но за сорок лет другого такого Нового года не припомню. Отец за один час такой лыжной гонки подарил нам радость общения. Отец был исключением в мире ученых. Счастливым, дисциплинированным, педантичным исключением...

— Почему же исключением? — пришлось возражать. — Ты вспомни биографии великих ученых. Возьми

Курчатова. Кажется, это твой идеал в науке? Он что, тоже исключение?

— В науке Курчатова, конечно же, исключение. Но не станешь же ты делать из него спортсмена. Он и не знал, что такое спорт, — рассмеялся Вадим.

— Много ты знаешь! Было бы время, рассказала, как Курчатова играл в пинг-понг; как увлекался автомобильным спортом; как участвовал он в землеустроительной экспедиции; как сколотил группу молодежи и отправился в путешествие на лодках по реке Белой; как манили его водные дали в Токсово и Разливе; как играл он в большой теннис с женой академика Иоффе... А рабочий день Игоря Васильевича всегда начинался с зарядки. И в кабинете Курчатова, кроме книг, знаешь, что было? Бильярд, шведская стенка.

«Высокий, статный, он постоянно был окружен людьми. Ходил стремительно, большими шагами, и за ним не попевали. При этом мне всегда вспоминалась картина В. Серова «Петр I на набережной» — так описывает академик А. П. Виноградов Игоря Васильевича в «горячие атомные денечки». — Черные смеющиеся глаза и борода лопатой — лицо как будто взятое из старых хрестоматий. Этот большой человек был очень приветлив и любезен. Кто не помнит привычных его слов «физкультпривет», которыми он начинал и кончал разговор по телефону то ли ранним утром, то ли поздней ночью».

А ты думаешь, слово «физкультпривет» случайное в лексиконе академика Курчатова?

Позволь еще один документ: свидетельство Героя Социалистического Труда профессора Василия Семеновича Емельянова.

«Спорт он любил: в молодости играл в теннис, до последних дней любил пинг-понг. У него даже дома был стол для пинг-понга.

Однажды, когда Курчатова приехал к нам, он спросил у жены:

— Наталья Арсентьевна, у вас нет пинг-понга?

— Игорь Васильевич, да у нас никто не умеет в него играть, — ответила она.

— Это безобразие, — сказал Курчатов. — Вот этот стол, — показал на наш большой обеденный стол, — прямо предназначен для пинг-понга.

Он не только сам любил играть, но и сотрудников заставлял. Иногда он говорил:

— Перерыв! Все собираемся и играем в пинг-понг».

И представляешь, как этот сильный человек, любящий спорт и находящий для него время, — академик, трижды Герой Социалистического Труда, директор института, человек, отвечающий за атомную науку в стране, как он не жалел минут, отданных спорту. Он знал, что эти минуты трижды окупятся.

Как ошибается человек, вычеркивая из жизни спорт. Ведь, чтобы творить, надо быть сильным. И не только разумом и душой. Но и физически. Это ведь так непросто — сказать свое слово в науке, тысячи раз перепроверить, разорвать рукопись, переписать, а если надо, то и перессориться. Наконец, создать... А как сказать еще одно слово в науке? И как не обращать внимания на нервы? И как при всем этом не постареть преждевременно, не утратить творческого долголетия?

Для чего? Для чего же мы вспоминаем сейчас все это? Вспоминаем разбросанно. Нужна ли кому-нибудь эта коллекция полуизвестных фактов?

А Вадим ждет ответа. Он и подозревает ход моих мыслей: мозг, эрудиция, талант, душа и физическая крепость. И что такое гармоническое развитие?

Как объяснить, почему в жизни почти всех выдающихся людей был спорт?

— И все же трудно поверить, что в XX веке возможно гармоническое сочетание науки и спорта, техники и спорта, — говорит Удачин. — Каждое из этих дел тре-

бует максимум того, что дала человеку природа. Как совмещать?

— Надо учиться «расщепляться». Ведь смог же американский биохимик Чейн стать нобелевским лауреатом по физиологии в 1945 году, а через 7 лет — в Хельсинки-52 — завоевать звание олимпийского чемпиона по парному спорту в классе «5,5». Смог ведь!

Неожиданно затрезвонил телефон. Вадим махнул рукой. Жест означал: «Не трогай. Еще позвонят». Но телефон неистовствовал. Удачин не выдержал: «Испортили беседу».

«Испортили беседу» — это было почти признанием. Удачин медленно и верно принимал рассуждения о совместимости науки и спорта...

— Мне сейчас некогда... У меня совещание! — сказал Удачин в телефонную трубку, видимо, забыв, что мы сидим у него в квартире...

* * *

«Расщепление» — есть такое слово. Очень емкое... Я лично счастлива, что учитель Виктор Ильич не позволял мне довольствоваться малым. Он заставлял меня толкать ядро и метать диск — «сидеть на двух стульях». В мое время охотников выступать в двух видах метаний не осталось. Как у мужчин, так и у женщин. А Виктор Ильич настаивал: «Ты можешь. Ты должна». Он и в институте мою учебу контролировал. Именно он и предложил мне написать заявление в Высшую партийную школу. «Учись расщепляться» — вот алексеевский наказ.

Выше я уже говорила, что всю жизнь занималась теми проблемами, которые были мне по силам, казались достаточно интересными и важными для других. Конечно, я не отказывалась безропотно от того, о чем мечтала в юности, но у меня всегда хватало мужества оце-

нивать соответствие своих сил и знаний с выдвигаемой целью. Человек не может всего знать. Тем важнее ему пораньше научиться умению ориентироваться в океане знаний, в море информации.

Снова придется вернуться к примеру школы Алексева. Журналист Виктор в одном из своих очерков о Викторе Ильиче приводит такой разговор:

— Я, знаешь ли, не искал утешения на груди старика Лесгафта, — сказал один из недоброжелателей Алексева.

— Старика Лесгафта? — переспросил Виктор.

— Ну да. Ты же знаешь эту алексеевскую страсть пристраивать своих учеников в разные высшие учебные заведения, и в первую очередь в институт физкультуры. Они у него все с дипломами, а бывает — и с двумя. И Зыбина тоже этих дипломов не миновала. Она техникум окончила по оптическим приборам и педагогический институт имени Герцена. Она сейчас, говорят, в какой-то школе преподает...

Да, почти все ученики Виктора Ильича имеют дипломы об окончании высшего учебного заведения. Многие из его лучших воспитанников вернулись в альма-матер тренерами. И даже кое-кто из тех, кто вынужден работать вдалеке от Виктора Ильича, использовал его идеи для своих научных работ: я, к примеру, обосновала методику тренировок юных дискоболок, а диссертация моей сестры называется «Экспериментальное обоснование методики тренировки юных барьеристок».

Пройдя школу Алексева, мы чувствовали себя настолько богатыми, что не имели права не работать над кандидатскими диссертациями, не могли не рассказать научным языком о методах педагога Алексева...

Постоянно возвращались мы в мыслях и делах к заветам Виктора Ильича. Не обходилось, конечно, без сомнений и глубоких внутренних конфликтов. Один из них: «Институты мы заканчиваем технические, и диссер-

тации защищали на примерах спорта... Нет ли здесь противоречия?.. И могли ли мы, лучшую часть своей жизни отдавшие стадиону, забывать о нем? Имели ли право держать под семью замками свой опыт?»

Вопросы непростые. Есть смысл разобраться...

Моя сестра Ирина после окончания Института инженеров железнодорожного транспорта поступила в аспирантуру. Казалось, она станет кандидатом технических наук. Но жизнь распорядилась по-иному. Ирину назначили начальником отдела в Центральном совете общества «Динамо» — и сестра почувствовала необходимость повысить свои знания именно в области педагогической. Ей предстояло работать со спортсменами и тренерами высших разрядов. Она отвечала практически за все виды спорта, связанные с единоборствами. И Ирина в 1972 году стала кандидатом педагогических наук... Внешне все вроде бы шло по восходящей, и не было допущено главной ошибки — понапрасну не растрчено время, но... Почти десять лет отданы техническому вузу, а какая отдача от выпускницы в этой области? Нуль?! Здесь тоже есть над чем задуматься...

Окончив в 1962 году Ленинградский инженерно-строительный институт, я некоторое время не могла работать по специальности: приближалась Олимпиада в Токио, мне необходимо было сосредоточиться на ней, ибо стало ясно, что дела легкоатлетов нашей страны обстоят далеко не блестяще, хотя мои две золотые медали были «запланированы». Могла ли я подвести свою сборную? Конечно, нет. Пришлось пожертвовать специальностью. Прошли четыре года, и я с тревогой обнаружила: за эти 1200 дней многое забыто. Начинать же работать с нуля я не могла. На мое счастье, я поступила в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Вот в эти годы мне очень пригодился весь мой жизненный опыт: и учеба в школе рабочей молодежи, и раннее повзросление, и студенческие годы, и даже, казалось бы, забытая профессия

инженера. После учебы в ВПШ в спорт я уже не вернулась — меня назначили на работу в ВЦСПС.

И здесь мне (который уже раз в жизни) повезло с учителем. Мою работу контролировал секретарь Центрального комитета профсоюзов рабочих строительства и промышленности строительных материалов Рафаил Павлович Родионов.

Внешне этот человек выглядит очень молодо, хотя он старше меня на несколько лет. На работу в ЦК профсоюза его перевели со стройки. Длительное время он руководил трестом Мосфундаментстрой № 1. Известно, что у нулевиков — так мы называем фундаментщиков — хлеб самый нелегкий. В сложной строительной иерархии они выступают в роли генеральных подрядчиков, несмотря на то, что возводят лишь фундаменты зданий. Нулевики в конечном счете, оказывается, отвечают за готовность здания к заселению, к сдаче дома «под ключ». Нулевики в ответе перед исполкомами за все возможные срывы смежников... Школа, пройденная Родионовым в нулевом хозяйстве, наверное, самая трудная. Но уж, конечно же, она самая благодарная.

Рафаил Павлович пришел в ЦК профсоюза и в первый же день пригласил меня, заведующую культурно-массовым отделом, на собеседование.

— У вас инженерное образование? — поинтересовался он. — Вы специалист по газоснабжению и сколько лет работаете в системе профсоюзов?

Поначалу показалось, что инженер, пришедший с производства, он осуждает меня. Я всегда болезненно реагировала на замечания: что ты, мол, строитель, стала работницей аппарата. Ведь государство немалые деньги затратило, чтобы обучить тебя. А ты ни одного дня на стройке не проработала. Не утратил ли силу твой инженерный диплом?

Не могла я никак избавиться от раздвоенности. С одной стороны, считала себя зрелым коммунистом. Семь

лет проработала в профсоюзах, чувствовала, что нашла себя именно на этом трудном участке. Но, с другой стороны, я не забывала, что теряю квалификацию как инженер.

Мудрой советчицей, как всегда, оказалась сестра.

— Ты строитель по профессии, — сказала Ирина, — и работаешь в профсоюзе строителей. Где же здесь диспропорция? А смогла бы ты руководить строителями, если бы не знала, что такое «искусственное замораживание», «водопонижение», «стена в грунте»...

Когда я поделилась своими сомнениями с Родионовым, он продолжил мысль Ирины:

— Как руководитель ты можешь не знать, какие именно крепежные детали необходимы стройке... Это действительно мелочь для тебя, организатора. Ты должна ставить перед строителями масштабные задачи, поднимать рабочих на решение вопросов государственной важности... Ты должна каждое свое подразделение мобилизовать на выполнение посильной задачи... А в твоём окружении — я имею в виду в активе строителей — всегда найдутся тысячи людей, которые прекрасно знают и о болтах, и о крепежных деталях.

У Родионова я училась умению организовывать и себя, и людей. Приятно работать с Рафаилом Павловичем, зная, что он ценит инициативу. Однажды я пришла к нему в кабинет. Разговор зашел о спорте, о месте физкультуры в жизни строителей.

— Что думает по этому поводу заслуженный мастер спорта? — спросил Родионов.

Я в тот день вернулась из командировки. В поезде простудилась. И вместо ответа начала кашлять.

Рафаил Павлович рассмеялся:

— Да ты, оказывается, не заслуженный, а простуженный мастер спорта...

— Мы спрашиваем с человека за план, за содержание механизмов на стройке, — начала я. — Но почему

мы не обращаем внимания на то, как человек заботится о своем здоровье, без которого невозможна производительная работа на той же стройке. Лучшие новаторы строительства передают свой опыт другим. Но часто ли в наших клубах, а их ни мало ни много, а тысяч сто десять, — так вот часто ли в этих клубах и красных уголках выступал человек, сохранивший бодрость и энергию до пенсионных лет? И наоборот, стал ли предметом разбора режим дня молодого строителя, часто прибегающего к... бюллетеню?

— Вот это государственная постановка вопроса, — поддержал Родионов. — В стране у нас 250 тысяч строительных бригад. Если в каждом коллективе лишь один строитель пробюллетенит пять дней, то это обернется потерей рабочего времени... Нетрудно сосчитать, что за эти «оплаченные по болезни дни» можно построить 32 тысячи квартир — целый город с населением в 100 тысяч человек! Вот вам и бюллетень!

Здоровье строителя не просто его личное дело. От него зависят темпы развития общественного производства. Нам надо подумать, как сделать так, чтобы строители, которым приходится работать на открытом воздухе, стали относиться к своему здоровью, словно к «казенному имуществу»...

Старейший член Коммунистической партии Елена Дмитриевна Стасова вспоминала: «Ленин трогательно заботился о здоровье товарищей. Вот, например, как он относился к А. Д. Цюрупе. Товарищ Цюрупа не берег своего здоровья, а В. И. не допускал этого. Он говорил, что коммунисты — казенное имущество, и растрачивать его не позволяется. Сперва Ленин мягко писал Цюрупе, что тот «становится совершенно невозможным в обращении с казенным имуществом». Когда это не подействовало, Ильич написал суровое предписание:

«за неосторожное обращение к казенному имуществу (2 припадка) объявляется А. Д. Цюрупе:

1-е предостережение и предписывается немедленно ехать домой... Ленин».

Слова Ленина о здоровье как казенном имуществе знают многие. Следуют им далеко не всегда. Однажды на заседании построечного комитета управления Зеленоградстрой рассматривался вопрос улучшения спортивной работы. Произносились зажигательные речи о пользе движения. И неожиданно поднялся присутствовавший там член Президиума Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Николай Анатольевич Злобин и поинтересовался: кто из членов стройкома делает хотя бы утреннюю зарядку. Оказалось, двое!

Родионов поддержал меня в этих вопросах и предложениях. Секретарь ЦК профсоюза добавил:

— Был у меня недавно Злобин. Он, привыкший считать каждую государственную копейку, с огорчением говорил, что еще много средств бездумно расходуется на организацию соревнований с участием заведомо слабых спортсменов, приезжающих на эти самые соревнования чуть ли не за тридевять земель.

«Мы у себя на стройке экономим каждый кирпич, — говорил Злобин, — и поэтому нам трудно представить, как можно бросать на ветер многие тысячи рублей, оплачивая проезд, проживание, питание таких участников».

Судя по сообщениям газет, у нас в стране проводится огромное число соревнований — и по территориальному, и по ведомственному, и по возрастному принципам (наверное, еще и другие деления есть?). Могут сказать — это необходимо для прогресса спорта, достижений отдельных атлетов, ведь соревнования — самый главный спортивный критерий. Согласен. Только мне кажется, что его нужно применять прежде всего на местах, где физкультурники или спортсмены живут, работают, учатся».

...Пока я понимаю своего руководителя с полуслова.

В кинофильме «Доживем до понедельника» подросток в школьном сочинении на вопрос: «Что такое счастье?» — отвечает: «Счастье — это когда тебя понимают». Добавлю от себя — не только понимают, но и окрыляют, вдохновляют как на трудовые подвиги, так и на простые будничные дела.

И снова, даже говоря о прозаических буднях, возвращаюсь я в мыслях к спорту.

Да и могла ли я, треть жизни отдавшая спорту, забыть о нем? И я стала тренировать на общественных началах группу легкоатлетов Московского государственного университета. Когда у девушек результаты выросли до первого разряда и мои ученицы уже стояли на пороге выполнения нормативов мастера спорта, я обнаружила: сколько я раньше ни училась, но знаю еще маловато... Снова пришлось обратиться к профессору педагогики Владимиру Павловичу Филину... В те дни я постигла умение «густо жить», то есть впредссыывать в каждый час столько дел, сколько другому и за день не переделать. В моей записной книжке расписан каждый час суток: утром зарядка и конспекты; с 9 часов до 18 основная работа в ВЦСПС; в 19 часов консультации с профессором и руководителем научной работы Анной Дмитриевной Комаровой, в 21 час тренировка со своими ученицами в МГУ; в 23 часа 30 минут работа над диссертацией, тема которой называлась так: «Экспериментальное обоснование методики тренировки юных метательниц диска на этапе начальной спортивной специализации»...

Так вот, пока я не вычеркну всех намеченных с утра пунктов — не успокоюсь! И каждый новый день начинался с этой книжки. Самым трудным оказалось заставить себя перебороть стихию текучки и превратить в привычку жесткое подчинение своего времени определенному распорядку.

В этом строгом режиме дня, почти военном порядке,

я находила радость. Она была от сознания, что работоспособности нет границ.

В эти нелегкие годы, когда, забыв о своих прошлых заслугах и орденах, я выполняла любую черновую работу, мне приходилось и дрейфовать в различных областях... Как-то я обобщила опыт обкома профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов Днепропетровска в налаживании воспитательной работы и улучшении условий быта в общежитиях строителей. Материалы были доложены на ЦК профсоюза, получили одобрение, и... мне поручили написать книгу о рабочем общежитии. Несколько месяцев мы работали с Еленой Ивановной Никитиной над рукописью, и в 1971 году вышла в свет наша книга «Рабочее общежитие».

В другой раз меня вызвал секретарь ЦК профсоюза Р. П. Родионов и, похвалив за материалы, подготовленные к экономической конференции, попросил: «Тамара Натановна, необходимо на примере различных коллективов предприятий строительства и промышленности строительных материалов страны раскрыть опыт работы хозяйственных и профсоюзных организаций по созданию и организации школ коммунистического труда, рассказать о путях и формах усиления воздействия учебного процесса школ на рост экономической образованности кадров строителей. Вам, выпускнице Высшей партийной школы при ЦК КПСС, поручаем подготовить книгу-«молнию» для рубрики «Экономические знания — строителю».

Приказ есть приказ. Вместе со своим коллегой В. Заикиным мы, день и ночь работая над рукописью, написали-таки книгу «Эффективность экономических знаний — важное средство повышения производительности труда в строительстве».

Накануне XXV съезда партии книга вышла в свет и была хорошо встречена строителями. Об этом нам гово-

рили Герой Социалистического Труда Николай Злобин и Геннадий Масленников...

Такие дрейфы из экономики в педагогику, из социологии в биологию я находила очень полезными. Некоторые друзья упрекали: «Ты разбрасываешься!» Я возражала: «То, что вы называете разбросом сил, помогает мне быстро переключаться из одной области науки в другую, находить их общие закономерности, связывать их в единую цепь». Небезынтересно, что после защиты моей диссертации комиссия была озадачена, какую присвоить степень ученому: то ли кандидата биологических наук, либо кандидата педагогических наук?..

Вот такой путь пришлось пройти мне, спускаясь со спортивной вершины на «землю обетованную». Конечно, пример этой жизни не является самым характерным.

Конечно, в этой книге я могла бы и не упоминать, как сверяла свою жизнь с биографиями великих людей. Понимаю — это не очень скромно. Но этих деталей я из своей биографии вырезать не могу. Ведь именно безжалостный анализ своего времяпрепровождения всегда помогал мне. Зачем же обеднять исповедь? Себя обворовывать?

Захочешь зачеркнуть в памяти одно, сделаешь себе уступку — а там, глядишь, и на новые компромиссы придется идти. Оправдывать себя, обелять. Нет уж, пусть все остается так, как было в жизни.

От фактов своей биографии вновь перейду к разговору о «расщеплении»... В списки людей, окончивших технические вузы или медицинские институты, можно внести и тренера сборной страны по метаниям Кима Буханцова, имеющего диплом врача, но уже многое позабывшего в медицине... Олимпийский чемпион Валерий Попенченко, став кандидатом технических наук, ни дня не работал по специальности. Он вернулся в спорт и последние годы был заведующим кафедрой физвоспитания

МВТУ... Олимпийская чемпионка по конькам Людмила Титова, с отличием закончив в 1968 году авиационный институт, еще не приступала к инженерной работе. Судя по ее интервью в «Комсомольской правде», она, видимо, и не будет возвращаться к профессии, которая записана в ее дипломе: Титова всерьез мечтает о тренерской или журналистской работе.

Когда я говорила выше, что спорт дарит нам любовь и уважение народа, я подразумевала, что эта любовь оплачена очень высокой ценой — безвозвратно ушедшей молодостью и силой.

Но тем и должен быть силен человек, что он должен все предусмотреть в будущем... Разные люди бывают в спорте. Один может заглядывать вперед, другому это не дано. Один уходит из спорта обогащенным, другой опустошенным.

Таким людям, как Миронова, Лошилов, Летавет, Игуменов, Гиссен, помощь не нужна. Они сами кому угодно могут помочь.

А вот... Нет, я не имею права называть фамилию одной своей подруги — неоднократно в прошлом чемпионки. Ей через два года исполнится пятьдесят лет, и до сих пор она состязается с молодыми. Ее броски ныне соответствуют лишь нормам второго-первого разряда. А она продолжает состязаться, ибо боится очутиться «на мели»... Недавно я видела ее на соревнованиях в Киеве — мне стало плохо... Вот о таких людях, которые не смогли найти свой путь в жизни, наверное, надо подумать Спорткомитету СССР. Если бы решение этого вопроса зависело от меня, я поинтересовалась бы, как справляются с подобными проблемами в ГДР или Чехословакии. В прошлом году я лечилась в санатории в Карловых Варах. У термальных ванн встретила с одним чешским товарищем, с которым училась в ВПШ. Разговорились. «Как вы позаботились о будущем Хелены Фибингеровой?» — спросила я.

— О Хелене говорить не будем, — улыбнулся мой собеседник, — ей еще предстоит выступать и выступить, и я не хочу сглазить ее результат... Приведу пример другой нашей известной спортсменки, рекордсменки мира. Мы ее пригласили на откровенный разговор: «Кем бы ты хотела стать, когда уйдешь из спорта? Скажи свое самое сокровенное желание?» Она ответила: «Мечтаю быть директором универсального магазина». Мы уточнили: «А ты представляешь, как это трудно? Надо знать экономику, бухгалтерский учет, быть в курсе конъюнктуры...» Спортсменка грустно кивнула головой и пробормотала: «Вы спросили о моей мечте, я и ответила». И тогда руководство сборной команды пошло навстречу рекордсменке: ей составили такой распорядок тренировок, что у нее осталось время вникнуть в тайны экономики и бухгалтерского учета... Рекордсменка видела вокруг себя атмосферу благожелательности. И она, выступая на стадионах мира, почти всегда побеждала. Сейчас она работает директором одного из крупнейших в Праге универсальных магазинов. Мечта ее жизни сбылась...

Это лишь один из примеров и вариантов решения проблемы. Но обязательно в сборных страны должна быть такая атмосфера, чтобы чемпион знал: когда кончится взлет, он не останется на обочине спортивной дороги. Ему окажут конкретную помощь.

Спорт сейчас занимает в нашей жизни место не менее почетное, чем балет...

В ряде публикаций спорт сравнивают с искусством. Если допустить правомерность такого сравнения (а для меня спорт и в самом деле прежде всего — красота; она вызывает уважение и как любая красота, и как мужественная попытка человека стать выше себя, выше своей судьбы), то просится цитата из книги режиссера Анатолия Эфроса «Репетиция — любовь моя»:

«Иногда, признаться, я не понимаю актеров. Они на-

чинают кичиться друг перед другом количеством фильмов, в которых снимаются, количеством телепередач. Только и слышно в гримерной: «Этот в порядке, а этот не в порядке». Такими словами они определяют положение друг друга в связи со спросом их, допустим, в кино или на телевидении. Еще несколько лет назад такого не было. Актеры дорожили своими театрами — не все и не всеми, но все-таки привязанность к театру, учреждению, в котором существует какая-то определенная художественная линия, какой-то почерк, была. Они берегли этот почерк, болели за эту линию... Я читал, как готовился к роли Москвин. Так у него просто было время! У «новых Москвиных» времени нет. Стало быть, и говорить здесь не о чем...»

Как человеку, не равнодушному к духовному багажу чемпионов, мне эти слова крайне интересны. Ловлю себя на том, что тоже замечаю у многих членов сборной страны по легкой атлетике какие-то второстепенные интересы: то увлекутся вязанием мохеровых шалей, то начнут коллекционировать диски для радиолы, то переключаются на магнитофоны и кассетные записи... то неожиданно вспыхнут страстью к участию во второстепенных состязаниях... А почему? Я не слепая — понимаю: там легче выиграть и заработать премиальные баллы... Не один человек уже успел себя растратить по мелочам, стал жидким и ненадежным бойцом... Отчего это? Наверное, оттого, что, еще будучи в спорте, человек уже думает о предстоящей жизни вне спорта. Но думает не широко, не с размахом, а цинично, стараясь из сегодняшнего дня перенести в завтрашний все, что успеет перенести.

Силы уходят на пустяки. И не возвращаются. Так в песок уходит вода...

«Расщепляться» в наше время становится все труднее и труднее. Мы ведь живем не для того, чтобы стать строчками в социологических отчетах. Мы живем, чтобы

каждым прожитым днем радовать свою Родину, приносить ей пользу. А где человек, отдавший десятилетия спорту, сможет принести большую пользу, как не на спортивной ниве? Маяковский замечал: «Я — поэт. Этим и интересен». Наверное, любой спортсмен должен с такой же гордостью сказать о себе: «Я спортсмен. Этим и интересен».

Лично мне хочется подписаться под словами великого поэта. Заканчивая монолог о спорте, приглашаю вас, дорогой читатель, вместе со мной открыть двадцатый том Большой Советской Энциклопедии. В третьем издании на 532-й странице есть такие слова:

«Пресс Тамара Натановна (р. 10.5.1937, Харьков). Советская спортсменка, засл. мастер спорта (1960). Окончила Ленингр. инженерно-строит. ин-т (1962) и Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1967). Канд. пед. наук (1974). Чл. КПСС с 1962. Чемпионка Олимпийских игр (1960 и 1964 — в толкании ядра и в 1964 — в метании диска). Неоднократная чемпионка Европы (3 раза в 1958 и 1962) и СССР (16 раз в 1958—66). С 1967 года работает в ВЦСПС. Награждена орденом Ленина и орденом «Знак Почета».

Все четко и лаконично. 40 лет жизни уместились в десять строк. Но если при жизни ты попадаешь в энциклопедию, то, наверное, область твоей деятельности и впрямь заслуживает внимания?..

Последние строки этой главы я дописываю в последний день монреальской Олимпиады-76. Август... Еще колышется на экране телевизора, перед тем как покинуть свою очередную обитель, олимпийское жаркое трепетное пламя. Мгновение пройдет — и огонь погаснет. И станет немного грустно. Потому что нового пламени, новой борьбы на аренах московской Олимпиады-80 ждать четыре года. Для нас, болельщиков, четыре года — это очень много... А для спортсменов и тренеров это

считанные дни... Им предстоит ждать, работать, надеяться...

Пройдет мгновение — и погаснет огонь очередной Олимпиады... Но за все радости и неудачи, за все горести и сомнения, за все волнующие минуты борьбы спасибо!

СПАСИБО
ОЛИМПИЙСКОМУ
ОГНЮ!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Всегда ли молчание золото?	3
Устарел ли Алексеев?	13
Начало и продолжение	45
Уходим, чтобы остаться	76
«Победа» на пьедестале	102
Вот такие у нас капитаны	108
Что видно с расстоянья лет	123
Не только трубы и барабаны...	133
Профессор	146
Спасибо олимпийскому огню	153

ИБ № 1329

Тамара Натановна Пресс

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Редактор М. Лаврик

Художник В. Павлюк

Художественный редактор К. Фадин

Технический редактор Р. Сиголаева

Корректоры К. Пипикова, Л. Четыркина

Сдано в набор 20/IV 1977 г. Подписано к печати 18/VIII 1977 г.
А05106. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 5,5 (усл. 7,7) +
+ 8 вкл. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 000 экз. Цена 55 коп. В. 3.
1977 г., № 34 п. 025. Заказ 576.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Пресс Т. Н.

П73 **Цена победы. М., «Молодая гвардия», 1977.**

176 с. с ил. (Спорт и личность. Кн. 34-я.)

Десять лет выступлений Тамары Пресс в большом спорте принесли советскому спорту три золотые олимпийские медали и десять мировых рекордов в толкании ядра и метании диска. Воспитанница знаменитой школы В. И. Алексеева, Тамара Пресс рассказывает не столько о собственном спортивном пути, сколько о воспитательном значении спорта, об ответственности атлета перед своей страной, о цене победы и поражения.

п $\frac{70302-234}{078(02)-77}$ БЗ—34—025—77

7А2.5

Серия
«СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ»
книга 34-я

ТАМАРА
ПРЕСС,

заслуженный мастер
спорта СССР, чемпионка
трехкратная чемпионка
Олимпийских игр,
трехкратная чемпионка
Европы,
шестнадцатикратная чем-
пионка СССР,
двенадцатикратная ре-
кордсменка мира,
кавалер ордена Ленина
и почетного знака ВЛКСМ,
кандидат педагогических
наук.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ